

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации»

На правах рукописи

ДОМШЕНКО ЕВГЕНИЯ ИГОРЕВНА

ЛИЧНЫЙ ФОНД
КАК ПРАВОВАЯ ФОРМА ОБОСОБЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВА
В ЦЕЛЯХ УПРАВЛЕНИЯ ЧАСТНЫМ КАПИТАЛОМ

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Михеева Лидия Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ИМУЩЕСТВЕННОГО ОБОСОБЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКОМ ПРАВОПОРЯДКАХ.....	15
§ 1. Обособление имущества через конструкцию юридического лица.....	15
§ 2. Правовые формы обособления имущества, не влекущие создания отдельной юридической личности: опыт иностранных правовых порядков.....	31
1. Траст: англо-американская и международная модели.....	32
2. Континентальные модели: фидуция (fiducia), Treuhand	42
§ 3. Характеристика некоторых российских правовых форм обособления имущества	50
1. Договор простого товарищества	54
2. Инвестиционное товарищество	61
3. Договор доверительного управления имуществом	62
4. Паевой инвестиционный фонд	65
Глава 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОДЕЛИ ЛИЧНОГО ФОНДА КАК СПОСОБА УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА В ОБОСОБЛЕНИИ ИМУЩЕСТВА И УПРАВЛЕНИИ ИМ.....	69
§ 1. Формирование российского законодательства о личных фондах	69
§ 2. Личный фонд по российскому праву: соотношение с функционально схожими иностранными правовыми формами обособления имущества.....	91
§ 3. Личный фонд с позиций законодательства об обязательной доле в наследстве	108
Глава 3. ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ, ВОЗНИКАЮЩИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ОБОСОБЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ ЕГО ПЕРЕДАЧИ ЛИЧНОМУ ФОНДУ	122
§ 1. Проблемы управления личным фондом	122
1. Формирование органов личного фонда: взгляд сквозь призму автономии воли учредителя	122
2. Агентская проблема в ее преломлении в конструкции личного фонда	130
3. Реализация участниками отношений по поводу имущественного обособления стратегий воздействия на агентскую проблему в личных фондах	132
§ 2. Защита прав кредиторов при обособлении имущества путем его передачи личному фонду.....	147
1. Защита прав кредиторов учредителя личного фонда.....	147
2. Защита прав кредиторов личного фонда	162

3. Защита прав кредиторов выгодоприобретателя	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	177
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	182

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена следующими аспектами.

Социально-экономический аспект. Присущие социально-экономическим процессам постоянные изменения – неотъемлемая черта современного общества и его экономики. Отсюда следует, что запрос участников экономических отношений на правовые средства, обеспечивающие хотя бы относительный контроль над рисками и планирование будущего развития событий в отношении их имущества, будет постоянным, а процесс совершенствования законодателем их набора и содержания не остановится. Иначе говоря, наличие правовых возможностей сохранения права собственности и уверенность собственника в незыблемости его волеизъявления в отношении своего имущества – это непереносимое условие для того, чтобы большие частные капиталы служили источниками инвестиций в российскую экономику. При этом снижению рисков в экономических отношениях должно способствовать наличие механизмов защиты собственности (основных средств бизнеса) как от недобросовестных игроков рынка, так и от произвольных решений властных институтов. К таким правовым средствам относятся разнообразные инструменты обособления имущества, влекущие или не влекущие появление отдельной от учредителя обособленной юридической личности.

Теоретико-правовой аспект. Потребность участников экономических отношений в обособлении какой-либо части своего имущества¹ удовлетворяется в зарубежных правовых порядках с помощью различных правовых конструкций: англо-американского траста, французской фидуции, немецкого Treuhand и т.д.

Проводимые в настоящей работе параллели между трастами и функционально

¹ Полагаем, что здесь целесообразно отметить следующее. В настоящем исследовании понятие «капитал» (см. название работы), хорошо знакомое российскому законодателю, использовано в качестве синонима понятию имущества. При этом понятием имущества в широком смысле охватываются и объекты гражданских прав («активы»), и обязательства («пассивы»). Мы же под понятием «капитал» подразумеваем именно объекты в смысле ст. 128 ГК РФ, хотя при управлении обособленным имуществом складываются также правоотношения, в ходе которых формируются определенные обязательства (пассивы), входящие в его состав.

близкими им конструкциями в континентальном праве подтверждают общность их экономической и правовой природы. Единство содержания права собственности не исключает возможности обособления имущества и наделения иного субъекта правовыми возможностями, достаточно необходимыми для управления, с одной стороны, и подчиненными заранее установленным целям или ограничениям – с другой.

Российское законодательство пополнилось конструкцией наследственного фонда сравнительно недавно – в 2017 г., международного – в 2019 г., а личного (прижизненного) – в 2021 г. В силу этого практику создания прижизненных личных фондов нельзя признать обширной.

Конструкция личного фонда требует научного осмысления с точки зрения как возникающих в результате его создания отношений между учредителем, лицами, входящими в органы управления, выгодоприобретателями, так и ответственности фонда перед третьими лицами. Законодатель осознанно не детализировал структуру органов личного фонда, оставив учредителю конкретного фонда возможность выстроить подходящую для него систему управления. В этом будет проявляться автономия воли собственника по отношению к своему имуществу. Задавая отдельные ограничения в виде императивных норм об управлении личным фондом, законодатель преследует цель поддержания личного фонда как формы имущественного обособления в состоянии, способном к достижению целей, ради которых он создается.

При создании личного фонда, как, впрочем, и любой иной конструкции, используемой для управления имуществом в интересах другого лица, высока вероятность возникновения агентской проблемы – конфликта интересов между учредителем личного фонда и его управляющим. Причем такая вероятность тем выше, чем более независимым от учредителя становится фонд при осуществлении своей деятельности и чем больше объем усмотрения у лиц, входящих в его органы.

Значительный научный и практический интерес представляет проблема ответственности личного фонда, его учредителя и выгодоприобретателей перед

кредиторами. Эта проблема условно распадается на три части, выделяемые в зависимости от того, кому адресованы кредиторские требования: учредитель, личный фонд, выгодоприобретатель. Регулируемая специальными нормами ответственность участников отношений, возникающих в связи с созданием и деятельностью личного фонда, должна подчиняться также базовым принципам имущественного обособления, ориентирующим на справедливое решение вопросов ответственности участников отношений по обособлению имущества и способствующим соблюдению баланса между их частными интересами и интересами гражданского оборота. Требуют научно-практического анализа и вопросы соотношения норм о личных фондах (наследственном и прижизненном) и правил об обязательной доле в наследстве.

Все изложенное и обуславливает актуальность темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблематика управления имуществом издавна была предметом исследований представителей правовой науки. Автор настоящей диссертации отталкивался от трудов А. М. Бирман, А. В. Венедиктова, М. И. Кулагина, Д. И. Мейера, Г. Ф. Шершеневича, а также современных ученых: З. Э. Беневоленской, О. Р. Зайцева, Ю. В. Кузнецова, Л. Ю. Михеевой, Е. А. Останиной.

В зарубежной литературе вопросы имущественного обособления рассматривались в работах А. Алчии, Д. Баирда, А. Верштейна, Г. Демзетца, Р. Краакмана, М. Линн, Л. ЛоПуки, Г. Манне, Р. Расмуссена, Г. Раутерберга, Р. Сквайра, Г. Триантиса, Г. Хансманна и других ученых.

Одной из функциональных форм обособления имущества является юридическое лицо – как способ ограничить ответственность участников гражданского оборота и упростить обращение активов. При изучении вопросов истории появления и развития, правовой природы, признаков, управленческой структуры, ответственности юридического лица опорой стали работы отечественных и зарубежных ученых: С. Н. Братуся, В. Ю. Вольфа, А. В. Габова, В. П. Грибанова, О. В. Гутникова, А. В. Дозорцева, М. Дженсона, А. В. Егорова,

В. Б. Ельяшевича, О. Р. Зайцева, Н. В. Козловой, О. А. Красавчикова, А. А. Кузнецова, С. Н. Ландкофа, В. В. Лаптева, Д. В. Ломакина, А. Л. Маковского, В. Меклинга, Ю. Э. Монастырского, Р. Т. Мифтахутдинова, И. Б. Новицкого, И. А. Покровского, В. А. Рахмиловича, М. А. Рожковой, К. Ф. фон Савиньи, Н. Г. Семилутиной, Д. И. Степанова, Е. Д. Суворова, Е. А. Суханова, И. Т. Тарасова, Д. И. Текутьева, Е. В. Тычинской, И. С. Шиткиной, Т. А. Шлыковой и др.

При анализе иностранного опыта в регулировании способов имущественного обособления, не влекущих появления отдельной юридической личности, использовались результаты исследований М. Беннета, Е. В. Галковой, М. Гелтера, Р. Гельмхольца, Ш. Грундманна, З. Губера, Д. В. Дождева, Л. А. Дорошенко, Н. Ю. Ерпылевой, И. И. Зikuна, В. А. Канашевского, А. С. Касаткиной, Дж. Коеслера, М. Лау, М. Лупоя, М. Лиминга, У. Маттеи, Дж. Мило, Е. И. Папушиной, Е. А. Папченковой, В. В. Плеханова, Т. К. Примак, М. Пудера, А. Д. Рудокваса, Р. Ситкофф, Я. Смига, Н. В. Соколовой, Е. А. Суханова, Р. Тайлера, Д. Трумана, Д. Уотерса, Р. Финстры, В. А. Фогель, Г. Хеллирингера, Р. Циммерманна, С. Г. Шмидта.

Предпосылки появления в России и назначение конструкции личного фонда раскрыли в своих работах А. В. Демкина, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева, Е. Ю. Петров. Важный вклад в понимание конструкции личного фонда внесли работы Д. П. Заикина. Личным фондам посвящены статьи В. О. Вяткина, Е. А. Кириловой, К. А. Корсика, Е. Н. Масленко, Ю. В. Маргулис, И. Е. Рудик, О. А. Терновой, Е. Д. Тимербулатовой. В той или иной степени проблематика личных фондов затрагивается в работах И. С. Бадер, В. А. Белова, Е. Ф. Евсеева, К. А. Михалева, Е. П. Путинцевой, Н. Ю. Рассказовой, О. В. Фрик.

Однако ни в одной из научных работ этих и других авторов личный фонд как родовая категория пока не получил развернутого доктринального описания.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – применение теории обособления имущества и ее закономерностей к модели личного фонда по российскому праву.

Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**:

- 1) дать общую характеристику регламентации правовых форм имущественного обособления;
- 2) провести сравнительно-правовой анализ регулирования функционально схожих отношений по управлению имуществом в системах англо-американского и континентального права;
- 3) выявить специфику регулирования отдельных российских правовых форм имущественного обособления;
- 4) установить общие черты, присущие различным формам имущественного обособления;
- 5) выявить специфику и проблематику отношений, возникающих в связи с созданием личного фонда, *de lege lata*, смоделировать и теоретически обосновать их *de lege ferenda*.

Объект исследования – гражданско-правовые отношения, возникающие в связи с созданием и деятельностью личного фонда, т. е. между учредителем личного фонда, личным фондом и его выгодоприобретателями, а также между перечисленными субъектами и их кредиторами.

Предмет исследования – применимые к его объекту действующие и утратившие силу нормативные правовые акты, регулирующие различные формы имущественного обособления в России и зарубежных странах, правоприменительная практика, а также соответствующие доктринальные источники.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем научно обосновывается авторский подход, согласно которому цель законодательного регулирования личных фондов состоит в защите интереса индивидуума в обособлении его имущества. Предложенный подход позволил решить научную задачу по поиску вариантов ответов на неурегулированные законодателем вопросы управления и ответственности в конструкции личного фонда.

Установлены функционально схожие иностранные конструкции: англо-американский траст, его международная модель, французская фидуция,

германское доверительное управление. Показана специфика таких форм имущественного обособления по российскому праву, как простое товарищество, инвестиционное товарищество, договор доверительного управления, паевой инвестиционный фонд. Установлены их общие с личным фондом черты. Выявленные параллели являются важной предпосылкой для понимания функционала, с одной стороны, и рисков, с другой, новой отечественной правовой конструкции – личного фонда, а, как следствие, для развития регулирования и правоприменительной практики в сфере управления частным капиталом.

Теоретическая и практическая значимость исследования. В работе предлагается модель регулирования деятельности личных фондов, рассмотренная в контексте реальных правоотношений. С этих позиций задается система управления ими. Результаты, полученные в ходе работы, могут быть использованы при совершенствовании правового регулирования данных отношений, в правоприменении, в преподавательской деятельности и научных исследованиях.

Нормативную основу исследования составили акты российского и зарубежного законодательства, относящиеся к тематике исследования – правовым отношениям и функциональным формам имущественного обособления, в том числе к личным фондам.

Эмпирическую основу исследования составили материалы российской и зарубежной правоприменительной практики, связанной с вопросами обособления имущества в целях управления частным капиталом, в том числе уставы созданных по российскому праву личных фондов.

Теоретическая основа исследования. Диссертационное исследование основывается на работах по теории гражданского права, в том числе корпоративного права, сравнительно-правовых работах в сфере частного права, а также исследованиях, посвященных проблемам обособления имущества для целей управления частным капиталом.

Методологическая основа исследования. В ходе работы использовались такие общенаучные методы, как описание, сравнение, анализ, синтез, обобщение,

классификация, а также исторический, сравнительно-правовой, юридический, телеологический и систематический виды толкования.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Общими чертами известных мировым правопорядкам форм имущественного обособления (англо-американского траста, международной модели траста, французской фидуции, германского доверительного управления) выступают:

- разделение собственности и управления;
- ограничение ответственности тех участников правоотношений, которые имуществом не управляют (учредитель и бенефициары);
- «прикрепление» притязаний третьих лиц к личности управляющего, выступающего стороной обязательств и ответчиком.

2. Выявленные закономерности позволяют сформулировать принципы имущественного обособления: во-первых, степень «экранированности» обособленного имущества от требований кредиторов, не связанных с этим имуществом, должна различаться в зависимости от степени публичности и доступности информации о факте обособления; во-вторых, не должно существовать такой модели обособления, которая бы обеспечивала сильное защитное обособление для имущества учредителя, если последний продолжает осуществлять контроль над обособленным активом, из управления которым проистекают кредиторские притязания.

3. Одно из ключевых отличий российского личного фонда от траста заключается в том, что имущество, передаваемое учредителем личному фонду, принадлежит последнему на праве собственности, и учредитель, а также бенефициары личного фонда не имеют никаких вещных прав на имущество фонда. В этом проявляется согласованность конструкции личного фонда с континентально-правовой традицией отрицания разделенной собственности.

4. Изменение режима ответственности собственника, т. е. «экранирование» части его имущества как результат имущественного обособления наблюдается в

ситуации, когда собственность в экономическом смысле¹ отделяется от контроля (управления ею). В личном фонде такое отделение выражается в том, что заданные учредителем правила управления не подлежат изменению как ординарное действие без весомых на то причин (изменяя их, учредитель принимает на себя определенную степень риска стирания «экрана» между обособленным и своим личным имуществом, что должно предупреждать учредителя от излишнего вторжения в дела фонда и злоупотребления правом на изменение правил управления).

5. Решением или, как минимум, смягчением агентской проблемы применительно к личному фонду являются заранее продуманная система управления и установление четких правил, в соответствии с которыми фонд управляет переданными ему активами. Выбор экономическим собственником в качестве приоритетной стратегии воздействия на агентскую проблему контроля за агентом приводит к нивелированию «экранированности» имущества, обособленного через конструкцию личного фонда.

6. Права субъекта интереса в отношении обособленного имущества, в том числе право на получение информации, относящейся к этому имуществу и действиям с ним, составляют комплекс прав, в рамках которого неразличимы имущественные и неимущественные права. Этот тезис относим не только к

¹ Оговорка «в экономическом смысле» имеет принципиальное значение для описания рассматриваемой ситуации. Как пишет И. В. Горбашев, «должник отвечает перед кредиторами всем своим имуществом, поэтому ограничение ответственности (или риска) полноценно возможно при отделении части имущества, на которую могут претендовать кредиторы, но такое отделение требует нового собственника» (Горбашев И. В. Критика экономической теории юридических лиц // Предпринимательское право. 2021. № 4. С. 18–29). Приведенный тезис, по нашему мнению, справедлив как применительно к правовым порядкам, не знающим разделенную собственность, в том числе к российскому, так и к системе английского права, где трастовое имущество, хотя и не обладает свойствами отдельной юридической личности, но с позиции общего права учредителю или бенефициару траста не принадлежит. Остается верным, что лишь при условии **внешнего разрыва принадлежности** капитала прежнему собственнику обособленное имущество защищено от требований кредиторов этого прежнего собственника (учредителя обособления). Собственником в позитивном смысле он не является, однако «доходы от обособленного имущества направляются именно на его благо» (Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус дестинаторов частно-полезного фонда // Вестн. гражданского права. 2021. № 5. СПС «КонсультантПлюс»). Из этого мы осмелимся именовать такое лицо собственником экономическим.

личному фонду, но и к любым иным ситуациям, когда одно лицо вверяет (передает) свое имущество в управление другого лица и обладает правом на получение выгод от такого управления. Право на получении информации представляет собой предпосылку, необходимую для реализации выгодоприобретателем фонда его положения относительно фонда (в частности, реализации права на получение имущества и ex post контроля за действиями органов управления).

7. Выступая единственными субъектами интереса в отношении имущества, обособленного посредством создания личного фонда, учредитель и выгодоприобретатель должны признаваться обладающими правами, направленными на защиту их интереса в судебном порядке, вне зависимости от наличия или отсутствия упоминания о таких правах в уставе личного фонда. Учредитель вправе косвенно инициировать оспаривание сделок фонда через органы фонда, состав которых он вправе изменить. Ограничение такого изменения, установленное учредителем в уставе, не должно пониматься как невозможность реализации изменения по иску учредителя в судебном порядке.

Право на возмещение убытков, вызванных нарушением условий управления личным фондом, должно принадлежать выгодоприобретателю вне зависимости от закрепления этого в уставе, как минимум, после смерти учредителя. Иск выгодоприобретателя легально сконструирован как прямой: в законе говорится об убытках, причиненных выгодоприобретателю (не фонду), а следовательно, они возмещаются напрямую процессуальному и материальному истцу.

8. Специальным балансиrom, установленным законодателем для смягчения риска злоупотребления конструкцией личного фонда, выступает субсидиарная ответственность фонда по долгам учредителя, которая наступает без вины и лишь в пределах определенного периода времени. Это предусмотренный законом частный случай отождествления формально юридически разделенных лиц в качестве одного субъекта. Пресекательный срок (относительно небольшой), в течение которого названная ситуация может существовать, уравнивает то, что для наступления субсидиарной ответственности фонда не требуется вины, что

превращает эту ответственность в способ распределения рисков, связанных с имущественным обособлением.

9. Личный фонд, осуществляя юридическое господство над своим имуществом, действует в рамках цели и правил, сформулированных его учредителем. Допущение обратного – «подчиненности» права собственности личного фонда на обособленное имущество по отношению к праву того лица, на благо которого осуществляется управление или чьей волей задана цель управления, – открывает аргументацию, приводящую к нивелированию «экранированности» имущества личного фонда, что отчасти подрывает смысл этой конструкции. Специфичность права собственности фонда в отношении переданного ему имущества обусловлена лишь фикцией конструкции юридического лица как таковой. За любой фикцией стоят реальные личности, интересы которых определяют деятельность созданной ими конструкции, особенно если целью является управление частным капиталом.

10. Передавая свое имущество в личный фонд, третье лицо совершает действие по обособлению этого имущества в целях, ранее сформулированных учредителем личного фонда. Такое действие обходит общий законодательный запрет на соучредительство при создании фонда (исключение из указанного запрета – супруги-соучредители). Возможность личного фонда безвозмездно получить имущество от любых третьих лиц открывает для его учредителя возможности для использования данной конструкции во вред своим кредиторам, так как он, не становясь юридическим собственником такого имущества и, как следствие, не отвечая им перед своими кредиторами, получает это имущество в свое экономическое господство.

11. Учреждение личного фонда – это прижизненная сделка собственника, поэтому никакие правила о наследовании к ней неприменимы. Поскольку личный фонд не выполняет никакой социальной функции помимо тех, которые прямо предписаны ему учредителем, постольку нет и не может быть исключения из имущества фонда обязательной доли наследников учредителя. Такая корректировка подхода законодателя к институту обязательной доли является

приметой изменения политико-правового и социально-экономического взгляда на этот институт. Автономия воли наследодателя при определении судьбы своего имущества на случай смерти, хотя по-прежнему не является полностью безусловной, свободной от требований обеспечить интересы наследников, имеющих право на обязательную долю в наследстве, становится все более значимой для правопорядка.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность полученных в ходе исследования результатов обусловлена его теоретической, нормативной, эмпирической и методологической основами, поставленными в нем целями и решенными задачами.

Диссертация прошла обсуждение на кафедре корпоративного права федерального государственного бюджетного научного учреждения «Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации».

Основные выводы и предложения, сформулированные в работе, освещались в статьях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в статьях, комментариях, опубликованных в иных изданиях. Они излагались в докладе на XV Европейско-Азиатском правовом конгрессе (Екатеринбург, 10 июня 2022 г.), в докладах на XVI Всероссийском форуме «Юридическая неделя на Урале» (Екатеринбург, 08 октября 2024 г., 09 октября 2024 г.), на XIII Петербургском международном юридическом форуме (Санкт-Петербург, 20 мая 2025 г.), на XVIII Европейско-Азиатском правовом конгрессе (Екатеринбург, 06 июня 2025 г.). Полученные в ходе работы материалы используются в ходе преподавательской деятельности по программам бакалавриата и магистратуры.

По результатам исследования опубликована монография.

Структура работы обусловлена поставленными в ней целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения и списка использованных источников.

Глава 1. ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ИМУЩЕСТВЕННОГО ОБОСОБЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКОМ ПРАВОПОРЯДКАХ

При выборе способа обособления своего имущества перед конкретным собственником никогда не стоит вопрос о подборе идеальной конструкции. Он лишь выбирает модель, в наибольшей степени учитывающую задачи, специфику обособляемого имущества, специфику текущей политико-экономической конъюнктуры и одновременно влекущую минимальные издержки в отношениях с внешним миром (социальные издержки). Соотношение степени удовлетворения потребностей учредителя обособления (стоящих перед ним задач) и объема связанных с этим социальных издержек характеризует адекватность (пригодность) выбираемой конструкции.

§ 1. Обособление имущества через конструкцию юридического лица

Сквозь все теории юридических лиц красной нитью проходит признак имущественной обособленности (самостоятельная реализация прав и несение обязанностей).

С. Н. Братусь¹, В. П. Грибанов², О. А. Красавчиков³ рассматривали обособление имущества как один из признаков конструкции юридического лица. В. А. Рахмилович называл имущественное обособление первым и основным его признаком⁴. В работах А. В. Дозорцева⁵, А. Л. Маковского¹ говорится о

¹ Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 135–137.

² Грибанов В. П. Юридические лица. М., 1961. С. 4.

³ Красавчиков О. А. Сущность юридического лица // Сов. государство и право. 1976. № 1. С. 51–55; Советское гражданское право: учеб. для вузов / под ред. О. А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М., 1985. Т. 1. С. 128–130.

⁴ Рахмилович В. А. О достоинствах и недостатках Гражданского кодекса РФ // Государство и право. 1996. № 4. С. 79.

⁵ Дозорцев В. А. О предмете советского гражданского права и системе Гражданского кодекса СССР // Сов. государство и право. 1954. № 7. С. 104–108; Он же. Имущественная ответственность юридических лиц // Учен. записки Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства. 1973. Вып. 28. С. 118–135.

необходимой степени обособления имущества субъекта гражданского права как о критерии возможности вступления такого субъекта в имущественные отношения, регулируемые гражданским законодательством.

Е. А. Суханов трактует юридическое лицо корпоративного типа как объединение лиц и, как правило, их определенного имущества, а унитарные организации – исключительно как объединение имущества, точнее, его обособление учредителем путем создания соответствующего юридического лица². В целях организации хозяйственной деятельности закон придает свойства лица определенному имуществу, выделенному его учредителем из состава своего имущества³. «В правопорядке, основанном на рыночной системе хозяйствования, существо гражданско-правовой конструкции юридического лица все более отчетливо определяется принадлежащим ему имуществом, а не его „людским субстратом“»⁴.

Российский законодатель придерживается той же точки зрения. Согласно п. 1 ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

Таким образом, юридическое лицо может рассматриваться в качестве весьма эффективного правового средства, обеспечивающего сосуществование воле реальных лиц, входящих в состав этой организации в качестве владельцев капитала, а также воле нанятых управленцев и кредиторов.

¹ Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010. Здесь и далее отсутствие при цитировании указания на конкретные страницы работы означает, что она приводится по СПС «КонсультантПлюс».

² Суханов Е. А. Очерк сравнительного корпоративного права // Проблемы развития частного права: сб. ст. к юбилею В. С. Ема / отв. ред. Е. А. Суханов, Н. В. Козлова. М., 2011.

³ Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011. Т. 1.

⁴ Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 16–17.

Историко-правовые исследования теорий юридического лица продолжаются и в наше время¹. В этой связи отдельно хотелось бы отметить работы Е. А. Суханова², Н. В. Козловой³.

Не останавливаясь на этой проблематике подробно, хотелось бы заключить, что функционально юридическое лицо являет собой один из способов управления имуществом. В конечном счете именно физическое лицо, учредившее ту или иную форму обособления, придает цель выделенной имущественной массе, задавая тем самым вектор ее использования в гражданском обороте. В этом смысле согласимся с Д. И. Степановым, отождествляющим интересы юридического лица с интересами какой-либо группы его участников⁴.

Юридическое лицо как способ обособления защищает имущество. Однако в доктрине до сих пор нет четкого ответа на вопросы о том, от кого и чье имущество оно защищает, а также как это влияет на гражданский оборот в целом.

По общему правилу, если имущество передается организации, то участники (учредители) организации по обязательствам организации не отвечают, т. е., по словам Е. А. Суханова, конструкция юридического лица представляет собой своеобразный «корпоративный щит», направленный на снижение риска ответственности⁵. Причем потери в данном случае не снижаются, «они лишь переносятся с собственников фирмы на ее кредиторов»⁶.

Г. Хансманн и Р. Сквайр, анализируя вопросы распределения имущества (*asset partitioning*) внутри группы компаний, подчеркивают следующее. Во-первых, личное имущество участников корпорации становится недоступным кредиторам юридического лица (ограниченная ответственность участников). Во-

¹ Танимов О. В. Развитие юридических фикций в эпоху Нового времени // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 4–18.

² Суханов Е. А. Проблемы кодификации корпоративного и вещного права: избранные труды. 2013–2017 гг. М., 2018.

³ Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица: Очерк истории и теории. М., 2003; Она же. Правосубъектность юридического лица. М., 2005.

⁴ Степанов Д. И. Интересы юридического лица и его участников // Вестн. экономического правосудия РФ. 2015. № 1.

⁵ Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. С. 5.

⁶ Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль. М., 2003. С. 244–245.

вторых, что крайне важно для управления в понимании сохранения имущества, последнее защищается от личных кредиторов учредителей соответствующей конструкцией обособления. Любой кредитор, столкнувшийся с должником, являющимся одной из компаний в рамках группы, в поисках защиты стремится преодолеть корпоративные границы между обособленными имущественными массами: внутренние границы между компаниями внутри группы, внешние – между головной компанией группы и ее акционерами¹. Внешние границы представляются зарубежным ученым более значимыми с точки зрения их влияния на эффективность координации в рыночном обороте, нежели внутренние², с чем трудно не согласиться.

Компании, входящие в группу, могут сами открыть внутренние границы и объединить свое имущество для кредитора, используя договорные конструкции (например, предоставив внутригрупповые гарантии) (de-partitioning by contract). В то же время предоставление кредиторам правовых инструментов для преодоления таких границ не по воле должника должно носить исключительный характер, поскольку их широкое использование создает высокие издержки для оборота в целом³.

Таким образом, цель обособления имущества посредством конструкции юридического лица – защита имущества активов «от самих учредителей» (от их

¹ Hansmann H., Squire R. External and Internal Asset Partitioning: Corporations and Their Subsidiaries // The Oxford Handbook of Corporate Law and Governance. Yale Law & Economics Research, 2016. № 535. URL: <https://ssrn.com/abstract=2733862>.

² См.: Zeng J. S. Entity Shielding and the Rule of “Debt-Follow-Asset” in China: An Empirical Law and Economics Analysis // The Chinese University of Hong Kong Faculty of Law. 2020. № 3. URL: <https://ssrn.com/abstract=3559297>; Verstein A. Enterprise Without Entities // Michigan Law Review. 2017. Vol. 116. № 2.

³ Об этом шла речь, например, в рамках Юбилейного X Петербургского международного юридического форума с участием автора настоящей работы, где состоялась дискуссия по теме «Назрела ли реформа, смягчающая институт субсидиарной ответственности?», организованная Forbes Congress. Ее участники обращали внимание на социально-экономические издержки чрезмерно широкого применения в практике арбитражных судов норм о субсидиарной ответственности на фоне очевидной неэффективности этого инструмента для кредиторов (URL: <https://fcongress.ru/konzeptualnyie-debatyi-22#video>). См. также: Владение риском: назрела ли реформа субсидиарной ответственности // URL: <https://www.forbes.ru/brandvoice/474789-vladienie-riskom-nazrela-li-reforma-subsidiarnoj-otvetstvennosti>.

личных кредиторов), что, в свою очередь, сохраняет ценность имущества для кредиторов юридического лица и третьих лиц.

И здесь интересно обратиться к работам Г. Хансмана, Р. Краакмана и Р. Сквайра, которые рассматривают обособление имущества не через призму правосубъектности участника оборота. Смысл его обособления, по их мнению, состоит в разделении общего имущества на части, каждая из которых самостоятельно может обеспечивать интересы различных групп кредиторов. Иначе говоря, личное имущество участников юридического лица обособливается от требований кредиторов последнего, а имущество компании – от требований личных кредиторов участников. Изложенные в их работах идеи можно считать теорией экранирования (*shielding of the assets*)¹. Однако смысл имущественного обособления не сводится, по нашему мнению, к ограничению ответственности.

В рамках своей теории они выделяют два вида обособления имущества: подтверждающее (*affirmative*) и защитное (*defensive*).

Подтверждающее обособление адресовано кредиторам обособленного имущества (например, юридического лица). Оно дает ясное понимание объема и границ имущества, из которого в первоочередном порядке будут удовлетворяться именно их требования, а не требования личных кредиторов владельцев обособленного имущества (например, акционеров). Здесь хорошо видна информационная функция обособления.

Для целей нашей работы важно то, что подтверждающее обособление выражает связанность обособления с сохранением функционирующего бизнеса. Кредиторы владельца бизнеса не могут обратить свои притязания на имущество, ранее им обособленное, например, вложенное в компанию (бизнес). «Даже если гражданин будет признан банкротом, его кредиторы не смогут напрямую

¹ Hansmann H., Kraakman R. The Essential Role of Organizational Law // The Yale Law Journal. 2000. Vol. 110. № 3. Pp. 387–440; Hansmann H., Kraakman R., Squire R. Legal entities, asset partitioning, and the evolution of organizations. 2003. URL: https://pcg.law.harvard.edu/wp-content/uploads/papers/Hansmann_Paper.pdf.

инициировать банкротство бизнеса, чтобы за счет задействованного в нем имущества удовлетворить свои требования»¹.

Подтверждающее имущественное обособление конституирует субъекта права. Соответствующую правовую конструкцию нельзя создать договором (в отличие от защитного обособления) – для этого требуется воля законодателя². Конечно, может существовать юридическое лицо, ответственность учредителей (участников) которого не ограничена, однако не может быть юридического лица без имущественной массы, выделенной ему для того, чтобы оно отвечало по своим обязательствам, поскольку в противном случае правопорядок не сможет воздействовать на его поведение.

Защитное обособление обуславливает недоступность всего имущества учредителя обособления для кредиторов, чьи требования связаны с обособленной частью. Иными словами, учредитель обособления становится таким субъектом права, который отвечает перед своими кредиторами не всем своим имуществом, а лишь необособленным. Речь в данном случае идет не об имуществе, обладающем исполнительским иммунитетом (допустим, единственное жилье должника). Напротив, недоступными для кредиторов учредителя обособления могут оказаться самые ликвидные активы бизнес-назначения.

Оба вида обособления могут иметь разные степени, зависящие от конкретного способа (хозяйственное общество, личный фонд, товарищество, траст, доверительное управление и т. д.). В частности, подтверждающее обособление наивысшей степени наблюдается в ситуации, когда личные кредиторы учредителя не могут обратить взыскание не только на обособленное имущество (например, переданное в траст), но и на бенефициарные права требования к такому имуществу (например, spendthrift trusts)³. Такое обособление характерно для некоммерческих юридических лиц, т. е. для организаций

¹ Hansmann H., Kraakman R. The Essential Role of Organizational Law.

² Hansmann H., Kraakman R., Squire R. Legal entities, asset partitioning, and the evolution of organizations.

³ Hansmann H., Kraakman R. The Essential Role of Organizational Law.

некорпоративного типа. Современное российское право знает лишь одну правовую конструкцию с подобным эффектом – личный фонд.

В свою очередь, именно защитное обособление, а точнее, правовые инструменты, обеспечивающие его высокую степень, вызывает критику в доктрине¹ и наибольшие опасения у любого законодателя, который так или иначе создает балансиры, с помощью которых недоступность личного имущества учредителя обособления становится относительной, а кредиторские притязания распространяются за границы изначального имущественного комплекса. Применительно к новелле отечественного гражданского права – личному фонду – таким балансиrom можно считать норму о субсидиарной ответственности учредителя фонда по его долгам в течение трех лет (в исключительных случаях – пяти лет) с момента учреждения фонда (п. 6 ст. 123.20-4 ГК РФ).

Обособление активов посредством создания юридического лица приветствуется правопорядком, признающим за этой формой свойства субъекта прав. Для государства этот способ привлекателен, поскольку его использование подразумевает прозрачность и доступность, как минимум, для публичных органов, а в ряде случаев – для любого третьего лица информации о деятельности организации, ее создателях и управленцах, имуществе.

В то же время конструкции юридического лица присущи особенности, которые условно можно считать его недостатками с позиций управления частным капиталом.

1. Коммерческое юридическое лицо представляет собой инструмент, позволяющий его учредителям адекватно структурировать и вести свой бизнес

¹ «Семейные и другие частно-полезные фонды создают угрозу для гражданского оборота, поскольку позволяют обособить определенное имущество так, что доходы от него будут направлены на благо индивидуально-определенного круга дестинаторов, но при этом данное имущество будет огорожено от взыскания со стороны их кредиторов – фонд выступает в качестве способа выведения некоторого имущества лица из-под действия принципа ответственности лица своим имуществом по своим долгам» (Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус дестинаторов частно-полезного фонда // Вестн. гражданского права. 2021. № 5).

В нашей работе термины «выгодоприобретатель», «бенефициар», «дестинатор» используются как синонимы.

(совершать активные действия, нацеленные на извлечение прибыли). «Результативность, которую обеспечивает команда, превышает сумму результатов отдельных членов команды»¹.

При создании юридического лица имущественное обособление является не столько главной целью, сколько следствием применения этой конструкции, но при определенных обстоятельствах его защитный и подтверждающий эффекты нивелируются для обеспечения баланса прав кредиторов, а в иных случаях – участников.

Коммерческие организации имеют своей целью извлечение прибыли (п. 1 ст. 50 ГК РФ). Исчерпывающий перечень их организационно-правых форм приведен в п. 2 ст. 50 ГК РФ: хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия.

Система управления в такой организации, вовлеченность в ее управление ее участников, а также способы покрытия расходов, возникших в ходе предпринимательской деятельности, за счет имущества физических лиц, стоящих «за» компанией, сложились и оправданы применительно именно к той цели, ради которой конструкция создавалась.

2. В юридическом лице не обеспечивается в должной степени защита обособленного имущества. Сохранение обособленного имущества (прежде всего это применимо к функционирующему бизнесу) не видится приоритетной задачей, которую призвана решать конструкция коммерческой организации. При этом именно сохранение функционирующего бизнеса как актива, в том числе после смерти его собственника, может быть правомерной целью такого собственника в процессе управления своим капиталом.

На имущество, обособленное путем создания организации корпоративного типа, может быть обращено взыскание не только по ее долгам, что вполне

¹ Alchian A., Demsetz H. Production, Information Costs, and Economic Organization // The American Economic Review. 1972. Vol. 62. № 5. P. 777–795.

закономерно, но и, опосредованно, по личным обязательствам ее участников. Участник корпорации сохраняет высокую степень контроля над обособленным имуществом при принятии управленческих решений. Вовлеченность его в управление, по общему правилу, подразумевается (при определенных обстоятельствах абстрагирование участника от управления может влечь для него такие негативные последствия, как исключение из корпорации¹). Контроль участника корпорации над ее имуществом, в свою очередь, обуславливает доступ к этому имуществу его личных кредиторов путем обращения взыскания на его акции (доли участия). Вместе с корпоративными правами для кредиторов открывается доступ к имуществу компании, что зачастую ставит под угрозу продолжение ею бизнеса, в развитии которого личные кредиторы участника во многих случаях не заинтересованы (хотя бы потому, что никакого отношения к нему не имели и соответствующими способностями или навыками не обладают). В наибольшей степени сказанное применимо к компании одного лица (*zero agency-cost firm* в терминологии М. Дженсона и В. Меклинга²).

Подтверждающее обособление в конструкции юридического лица корпоративного типа Г. Хансманн, Р. Краакман, Р. Сквайр определяют как сильное, однако не абсолютное³.

3. В случае дефолта организации любое имущество ее учредителя может оказаться не обособленным от требований кредиторов бизнеса.

Согласно п. 3 ст. 3 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»⁴, если несостоятельность (банкротство) общества вызвана действиями (бездействием) его акционеров или других лиц, которые имеют право давать обязательные для общества указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, то на этих акционеров или других

¹ Абзац 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ, ст. 10 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

² Jensen M. C., Meckling W. H. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. 1976. Vol. 3. № 4. Pp. 305–360.

³ Hansmann H., Kraakman R., Squire R. Legal entities, asset partitioning, and the evolution of organizations.

⁴ Рос. газета. 1995. № 248.

лиц в случае недостаточности имущества общества может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам. Несостоятельность (банкротство) общества считается вызванной действиями (бездействием) его акционеров или других лиц, которые имеют право давать обязательные для общества указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, только в случае, если они использовали указанное право и (или) возможность в целях совершения обществом действия, заведомо зная, что вследствие этого наступит несостоятельность (банкротство) общества. Несмотря на необходимость оценивать усмотрение в каждом конкретном случае банкротства организации, обособленность соответствующей части имущества (и ее долгов) от иных активов учредителя весьма условна.

Применительно к обществам с ограниченной ответственностью вообще отсутствует необходимость доказывать вину в форме умысла¹. Вина участника может иметь форму неосторожности, что, в свою очередь, еще больше размывает границы, отделяющие имущество (и связанных с ним кредиторов) компании от активов ее учредителя.

4. Конструкция коммерческого юридического лица не способна обеспечить законные интересы его бенефициаров, которых законодатель традиционно видит в лицах, контролирующих корпорацию². Если же вести речь о лице, получающем прибыль исключительно от деятельности бизнеса и не участвующем в управлении (выгодоприобретатель в истинном смысле слова), то его интерес будет следовать не столько из конструкции юридического лица, сколько из обязательства между бенефициаром и юридическим лицом. В этом случае бенефициар находится не просто в непривилегированном, но в уязвимом положении – его права в

¹ Корпоративное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / отв. ред. И. С. Шиткина. М., 2007. С. 365.

² См. подробнее: Белова М., Макин Р. Двойные (множественные) косвенные иски: сравнительно-правовой обзор и некоторые соображения о перспективах института в российском праве // Журн. Российской школы частного права. 2019. № 2. С. 92–103; Егоров А. В. Пределы проникновения за корпоративную вуаль в пользу участников многоуровневой корпоративной структуры. Анализ дела «Постригайло v. «Разрез Аршановский» // Журн. Российской школы частного права. 2019. № 2. С. 108.

отношении имущества размываются, так как он становится одним из многих кредиторов компании. Более того, при определенных обстоятельствах его притязания могут подлежать удовлетворению после иных кредиторов.

5. Отечественное законодательство знает широкий круг некоммерческих юридических лиц (п. 3 ст. 50 ГК РФ). Их особенностью является специальная правоспособность, т. е. они могут иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в их учредительных документах, и нести связанные с этой деятельностью обязанности¹. Цели деятельности некоммерческих организаций перечислены в ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Во главу угла деятельности некоммерческой организации принято ставить общественное благо, на достижение которого расходуется получаемая организацией прибыль (в то время как в коммерческой организации прибыль распределяется между ее участниками)². Очевидно, что обособление личного имущества в целях сохранения и управления, а также к выгоде конкретных бенефициаров не укладывается в понятие общественного блага в смысле, придаваемом ему законодателем.

При характеристике приносящей доход деятельности некоммерческих организаций часто обращают внимание на ее вспомогательный характер³. При обособлении имущества собственником с целью стабильного управления им и его защиты сказанное также весьма справедливо.

¹ Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В. Н. Литовкин, Е. А. Суханов, В. В. Чубаров. М., 2008. С. 255.

² См. подробнее: Гребенкина И. А. Правовой статус личного фонда: обзор ключевых проблем и изменений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 1. С. 92–96; Сойфер Т. В. Участие некоммерческих организаций в гражданском обороте: проблемы правового обеспечения // Вестн. Арбитражного суда Московского округа. 2025. № 1. С. 21–32; Сойфер Т. В. Экономическая деятельность некоммерческих организаций и ее гражданско-правовое обеспечение // Журн. российского права. 2016. № 1. С. 22–30.

³ Лескова Ю. Г., Котов И. В. К вопросу об оптимизации системы источников формирования имущества некоммерческих организаций // Власть закона. 2017. № 2(30).

Практический смысл классификации организаций на коммерческие или некоммерческие со временем стал сходиться на нет, поскольку граница между ними все более стирается. Против указанной тенденции выступает Е. А. Суханов¹.

Некоммерческие организации прибыль между участниками не распределяют. Это еще один их признак, который наравне с основной целью их деятельности положен в основу легальной классификации (п. 1 ст. 50 ГК РФ)². В то же время некоммерческие организации могут производить выплаты бенефициарам.

В традиционных для России формах некоммерческих организаций конкретных бенефициаров нет и соответственно отсутствуют субъективные права бенефициаров, противопоставляемые обязанностям некоммерческой организации. В результате некоммерческая организация тесно связана с личностью учредителя, но отрезана от бенефициаров. Объем управленческой власти коррелирует с интересом, но в абстрактном ключе – интерес связан с целью деятельности некоммерческой организации, а не с конкретными правилами управления имуществом.

В некоммерческих организациях механизм обособления имущества выглядит более совершенным по сравнению с таковым в коммерческих юридических лицах, поскольку «цель защищает имущество», т. е. позволяет, к примеру, изъять имущество из фонда при несоответствии целевому использованию³. «Некоммерческие организации и благотворительные фонды в настоящее время являют собой примеры организаций с суперсильным

¹ «Совершенно недопустимым представляется законодательное смешение функций коммерческих и некоммерческих организаций, ведущее к размыванию этого основополагающего деления юридических лиц» (Авилов Г. Е., Суханов Е. А. Юридические лица в современном российском гражданском праве // Вестн. гражданского права. 2006. № 1). См. также: Суханов Е. А. О Концепции развития законодательства о юридических лицах // Журн. российского права. 2010. № 1.

² Гутников О. В. Классификация юридических лиц в современном корпоративном праве: организационно-правовые формы и критерии их разграничения // Право. Журн. Высшей школы экономики. 2022. № 2.

³ Бокарева Е. В., Ветрова Е. А., Разумовский С. Л. Формирование целевого капитала некоммерческих организаций // Вестн. Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 5(145). С. 1–2.

подтверждающим обособлением имущества. В этих формах юридических лиц только их кредиторы могут получать удовлетворение из обособленного имущества»¹.

6. Юридическое лицо, являясь, с одной стороны, способом контроля и снижения социальных (транзакционных) издержек², с другой стороны, генерирует так называемые агентские издержки, что и создает агентскую проблему. При отчуждении имущества для использования в предпринимательской деятельности его судьба попадает в зависимость от качества корпоративного управления. Оценить эффективность управления непросто. Например, в основу здесь можно положить информацию о распределении активов и обязательств организации – информация данного вида содержится в ее бухгалтерской и финансовой отчетности³. Однако на практике оказывается, что активы и обязательства компании нельзя оценить исключительно в экономической или юридической парадигме. Так, внешне высокие показатели капитализации могут быть обусловлены высокой долей заемного капитала⁴.

Организация является «формой, при помощи которой экономический собственник для достижения определенных целей лишается возможности распоряжаться этим имуществом, и в то же время эту возможность приобретает

¹ Hansmann H., Kraakman R., Squire R. Legal entities, asset partitioning, and the evolution of organizations.

² Под социальными (транзакционными) издержками следует понимать любые расходы, связанные с поддержанием или управлением экономической системой, тогда как производственные издержки закладываются в производство любой продукции. Как отмечает Д. И. Степанов, транзакционные издержки могут быть сведены к трём источникам: 1) издержки, связанные с установлением отношений присвоенности, обособления имущественных благ (*exclusion costs*), фиксации их принадлежности конкретному участнику оборота; 2) издержки, связанные с коммуникацией между участниками оборота и обменом информацией, включая информационные издержки по заключению контракта; 3) издержки, возникающие из заключения сделки, порой не отвечающей желаемому рыночному равновесию здесь и сейчас (*costs of disequilibrium*) (Степанов Д. И. Экономический анализ корпоративного права // Вестн. экономического правосудия РФ. 2016. № 9).

³ What Do Efficiency Ratios Measure? // Investopedia. URL: <https://www.investopedia.com/ask/answers/040715/what-do-efficiency-ratios-measure.asp>.

⁴ О сокрытии информации о задолженности при помощи лизинга см.: Nuryani N., Heng T. T., Juliasta N. Capitalization of Operating Lease and Its Impact on Firm's Financial Ratios // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. № C. 467–489. 211. P. 275.

орган юридического лица (т. е. другое или другие физические лица – единоличные управляющие, правление, наблюдательный совет и т. п.), обязующийся действовать в интересах экономического собственника»¹. Поэтому, как отмечают И. А. Тачкова и Ю. С. Салова, оппортунистическое поведение в компании проявляется на двух уровнях: взаимодействия между акционерами и менеджерами и взаимодействия между менеджерами и наемными работниками. Причиной такого поведения менеджеров становится уход собственника от процесса управления².

Правовая сторона рассматриваемого вопроса заключается в том, что исполнительный орган есть представитель юридического лица, формирующий его волю³, следовательно, отстранившийся от управления учредитель (участник) не вступает в отношения с третьими лицами по поводу имущества, хотя и сохраняет право контроля за действиями центрального агента (директора).

Внутрикорпоративные механизмы стимулирования менеджеров, в том числе стимулирующие (оптимальные) контракты, могут снижать вероятность их недобросовестного поведения, однако не защищают активы компаний в тех случаях, когда принятие управленческого решения привело к обращению взыскания на актив при банкротстве компании. В условиях множественности агентов с расходящимися интересами, неопределенности будущих событий на первый план выходит проблема оппортунизма менеджера как центрального

¹ Колиева А. Э. Зарубежные модели фидуциарных правоотношений // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. С. 79.

² Тачкова И. А., Салова Ю. С. Подходы к управлению оппортунизмом высших менеджеров и наемных работников в организациях различных организационно-правовых форм // Актуальные проблемы социально-трудовых отношений: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 85-летию образования Дагестанского гос. ун-та. 2016. С. 302; Либман А. В. Теоретические аспекты агентской проблемы в корпорации // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Менеджмент. 2005. № 1. С. 123–140.

³ См.: Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права) / отв. ред. С. А. Раджабов. Душанбе, 1983; Егоров А. В. Понятие посредничества в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 51; Степанов Д. И. Еще раз о природе полномочий исполнительного органа и управляющего хозяйственным обществом // Вестн. ВАС РФ. 2006. № 8. С. 40; Тычинская Е. В. Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества / под ред. Л. Ю. Михеевой. М., 2012.

агента¹ (лица, в чьих руках сосредоточен пучок управленческих правомочий). Как подчеркивают Е. В. Устюжанина и А. Г. Петров, кризис корпоративной собственности и соответственно оптимизации бизнеса при помощи конструкции юридического лица проявляется в накоплении противоречий между интересами стейкхолдеров (заинтересованных лиц) и интересами самой хозяйственной организации (корпорации)².

Любопытную точку зрения на решение агентской проблемы предложили Г. Хансманн и Р. Краакман. Во-первых, конструкция имущественного обособления с сильным защитным эффектом позволяет снизить социальные издержки принятия решений в рамках корпорации – «ограниченная ответственность создает ситуацию, когда все бенефициары бизнеса в равной мере несут пропорциональные выгоды и риски от деятельности фирмы, что, в свою очередь, определяет гомогенность их экономического интереса и облегчает коллективное принятие решений». Во-вторых, защитное обособление, сигнализирующее кредиторам, что источником удовлетворения их требований станет только имущество компании, а не безгранично вне ее, «вносит кредиторов в перечень лиц, осуществляющих качественный мониторинг деятельности менеджеров», облегчая соответствующую нагрузку акционеров компании³.

Выводы

1. Функциональным назначением юридического лица выступают не только управление имуществом, но и его защита.

Преодоление корпоративных границ и распространение ответственности по долгам одного лица на имущество другого должно являться исключением.

¹ Симонова В. Л. Институциональные условия решения квазиагентской проблемы в корпоративной системе // Менеджмент и маркетинг: теория и практика. 2018. С. 293. См. также: Козлова Е. В. Сравнительный анализ оппортунистического поведения в российских и зарубежных корпорациях // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2015. № 8(363). С. 134–142.

² Устюжанина Е. В., Петров А. Г. Кризис корпоративной формы собственности и особенности его протекания в России // Экономика и математические методы. 2011. Т. 47. № 1. С. 83.

³ Hansmann H., Kraakman R. The Essential Role of Organizational Law.

Одновременно сходные границы могут устраняться добровольно с помощью договорных механизмов.

2. Обособление имущества через конструкцию юридического лица подразумевает публичность факта обособления. В этом случае прозрачность для третьих лиц и государства является одновременно и преимуществом, и недостатком конструкции.

3. В связи с доступностью личным кредиторам акционеров (участников) юридического лица корпоративных прав, обуславливающих контроль над его имуществом, должная степень защиты (сохранности) его производственных активов не обеспечивается. При этом названные кредиторы редко заинтересованы в поддержании функционирования активов должника.

4. Обособление имущества, выраженное через некоммерческое юридическое лицо, не знает такого участника, как бенефициар. Некоммерческие унитарные организации (например, общественный фонд) не предназначены для личных целей и не могут служить экономическому благу конкретных заранее известных лиц.

5. Для некоммерческих организаций характерно суперсильное подтверждающее обособление имущества, что говорит о максимальной его защите от не связанных с ним кредиторов (кредиторов учредителей).

6. Юридическое лицо генерирует агентские издержки, что и создает агентскую проблему. При этом понятие агентской проблемы применимо не только к конфликту между акционерами (участниками) и менеджерами, но и к отношениям между кредиторами и должником, где «агентом», управляющим имуществом (долгом), выступает должник, а принципалами – кредиторы. Оспаривание сделок должника и на основе этого возврат незаконно отчужденного должником имущества – типичные способы защиты кредиторов в указанной ситуации.

**§ 2. Правовые формы обособления имущества,
не влекущие создания отдельной юридической личности:
опыт иностранных правопорядков**

При рассмотрении имеющихся в российском праве конструкций обособления имущества без создания юридического лица становятся очевидными их особенности, не охватываемые классическим континентальным гражданским правом. Сама сущность понятия «персонифицированное имущество, возникающее в результате обособления» зачастую остается непонятой континентальными юристами, вызывает у них серьезные критические замечания¹.

Г. Ф. Шершеневич писал, что субъекты права могут восприниматься как «юридические точки, к которым нормами объективного права прикрепляются субъективные права как коррелятивы обязанностей»². То же мнение высказывается в современной литературе. Так, Л. Е. Семикова в качестве цели обособления называет «привязывание» требований кредиторов к определенному имуществу³.

Конструкция юридического лица в этом смысле не уникальна – успешно справляются с названной функциональной задачей такие договорные модели российского права, как доверительное управление, простое товарищество, инвестиционное товарищество, ПИФ. Ключевыми же аспектами здесь остаются баланс интересов участников складывающихся по этому поводу отношений и набор условий, при соблюдении которых обращение взыскания на обособленную имущественную массу становится возможным.

Важно оговорить, что не все договорные конструкции, подразумевающие ту или иную степень обособления имущества, могут рассматриваться как

¹ См., например: Зайцев О. Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом. М., 2007. С. 120.

² Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 586–587.

³ Семикова Л. Е. Институт substantive consolidation в США как модель материальной консолидации в банкротстве // Вестн. гражданского права. 2011. № 1.

инструменты, используемые с целью структурирования прав на имущество и управления им. В частности, обязательства из залога, счета эскроу¹, депонирования нацелены на обеспечение исполнения обязательства, а не на управление личным капиталом. Они «прикрепляют» требования кредитора к определенному имуществу (переданному в залог, эскроу-агенту либо депонированному). Возникающий при этом эффект защиты произведен, зависим от основного, т. е. от обеспеченного обязательства, существование которого для эффективного управления имуществом совсем не обязательно. К этому же ряду можно добавить аккредитив, являющийся способом расчетов. Подобная сделка сама по себе обособления имущества в управленческих целях не конституирует, является инструментальной или производной от любой экономической цели.

Полагаем, что для уяснения специфики названных и иных конструкций целесообразно остановиться на таких иностранных правовых инструментах управления капиталом, как англо-американский траст, французская фидуция (fiducie), немецкое доверительное управление (treuhand).

1. Траст: англо-американская и международная модели

Концепция целевого имущества максимально реализована через идею разделенной собственности, которая, в свою очередь, наиболее ярко проводится в **англо-американском трасте**. Как справедливо отмечает Д. В. Дождев, рассматривать траст в его классическом понимании необходимо в конкретно-историческом воплощении в английской модели, иначе же его понятие

¹ Механизм действия эскроу схож с залоговым: имущество должника передается через посредника (агента) заранее определенному кредитору при наступлении определенных обстоятельств. Счет эскроу является способом обеспечения исполнения обязательств должника перед кредитором и «акцессорной многосторонней синаллагматической гражданско-правовой сделкой» (Чураков Р. С. Эскроу-счет по российскому праву // Закон. 2007. № 8). Посредством договора счета эскроу удобно оформлять залог денежных средств, так как есть четкий механизм контроля над поступающими и уходящими денежными средствами (Кафтанников А. А. Правовые проблемы различных вариантов продажи бизнеса субъектами малого и среднего предпринимательства // Юрист. 2011. № 21; Буркова А. Ю. Эскроу-счета: перспективы в российском законодательстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 1).

размывается¹. В современном мире трасты имеют широкую сферу применения. К ним прибегают в целях налоговой экономии, для обеспечения сохранности семейного состояния, секьюритизации рискованных активов, сокращения трансакционных издержек и пр. Именно конструкция траста обеспечивает защиту имущества при балансе интересов учредителя и кредиторов.

В основу конструкции траста положено фидуциарное правоотношение, формируемое между учредителем траста и доверительным собственником (trustee, трасти) в пользу бенефициара – лица, в интересах которого осуществляется управление обособленным имуществом. К условиям действительности траста относятся в первую очередь «определенность предмета, т. е. конкретного имущества, подлежащего передаче в траст», и «определённость объекта траста, т. е. цели управления имуществом в интересах бенефициаров траста»².

Трасти является собственником имущества, управляет пулом имущества по своему усмотрению. Доверительный собственник не является представителем учредителя, в англосаксонской правовой семье обязанности его надлежащего поведения возникают из принципов права справедливости³. В частности, это обязанность по добросовестному управлению имуществом в интересах бенефициара, причем понятие «интерес» должно толковаться *ad hoc*, исходя из стандартов надлежащей заботы, доверительного характера правоотношения. В тех случаях, когда создание траста не преследует цели управления имуществом в интересах бенефициара, он может быть признан фиктивным⁴. Таким образом, конструкция траста может быть использована для защиты интересов кредиторов в лице бенефициаров, и обособление пула имущества преследует эту цель.

¹ Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности // Человек и его время: Жизнь и работа Августа Рубанова / сост. и отв. ред. О. А. Хазова. М., 2006. С. 253.

² Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества // Журн. российского права. 2017. № 10. См. также: Беневоленская З. Э. Определение, классификация видов и квалифицирующие признаки доверительной собственности (траста) по праву Великобритании // Журн. российского права. 2008. № 9; Соколова Н. В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. М., 2012.

³ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М., 1999. С. 237.

⁴ Соколова Н. В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе.

Трасти является единственным лицом, способным в силу своего положения осуществлять в отношении вверенного ему имущества эффективный контроль, и несет ответственность за его утрату (уменьшение). Как пишет М. Лупой, единственным спасением для трасти является строгое соблюдение требования вести дела честно и разумно (to have acted honestly and reasonably)¹.

Принятие трасти на себя данного статуса влечет для него серьезные последствия в части ответственности за свои действия собственным имуществом². Поэтому для возникновения траста требуется определенно выраженное его согласие. Односторонних действий по учреждению траста (deed), к чему стремится английское право, здесь недостаточно.

В английском праве согласие трасти на принятие имущества в управление презюмируется: если соответствующее лицо не желает принимать на себя этот статус, оно обязано выразить свое несогласие. Если же оно не выразит такого несогласия либо совершит какие-либо действия, свидетельствующие об исполнении им обязанностей трасти, траст будет считаться установленным³.

В свою очередь, правила международной модели траста прямо напоминают порядок заключения двусторонней сделки. Наличие двух сторон в сделке об учреждении траста подтверждают положения о применимом праве, закрепленные в странах международной модели траста: при определении применимого права учету подлежит воля сторон⁴.

Поскольку трасти играет в рассматриваемой конструкции ключевую роль, значение его волеизъявления для учреждения траста не следует недооценивать. Однако принятую в английском праве презумпцию наличия этой воли можно считать скорее данью традиции, нежели подтверждением одностороннего характера учреждения траста. Двусторонняя сделка считается основой для

¹ Lupoi M. Trusts: a comparative study. Cambridge University Press. 2000. P. 177.

² Trusts (Amendment) (Jersey) Law 1984, article 30(10) // URL: https://www.jerseylaw.je/laws/current/Pages/13.875.aspx#_Toc83280429.

³ Lupoi M. Trusts: a comparative study. P. 223.

⁴ См., например: Trusts (Amendment) (Jersey) Law 1989, article 9 // URL: https://www.jerseylaw.je/laws/current/Pages/13.875.aspx#_Toc83280429.

возникновения траста в Аргентине, Израиле, Луизиане, Перу; Гражданский кодекс Филиппин содержит положения о трасте в разделе о контрактах¹.

Об особом положении трасти и о сложности возлагаемых на него функций, на наш взгляд, свидетельствует установление рядом национальных правопорядков специальных требований к его личности. Так, в странах Южной Америки (Колумбия, Эквадор, Перу, Венесуэла) деятельность трасти профессиональна, ею могут заниматься банки и определенные (получившие специальное разрешение уполномоченных государственных органов) финансовые компании, компании по управлению инвестиционными фондами. Такие же требования к трасти действуют в Японии. Профессиональный характер деятельности трасти позволяет не только возложить на них фидуциарные обязанности, но и применять к ним специальные правила об ответственности².

Не возникает сомнений в том, что имущество траста обособлено от имущества управляющего трастом. Прежде всего, это объясняется с позиций права справедливости (*equity*), в соответствии с которым имущество траста принадлежит не управляющему, а бенефициару. Обособление имущества траста от собственного имущества управляющего делает траст недоступным для личных кредиторов управляющего. Как отмечает Д. В. Дождев, с точки зрения гражданского права это «два имущества» у одного лица³ (для сравнения: Р. Финстра видит здесь двух собственников *in solidum* у одного имущества⁴).

Обособление имущества траста от имущества его управляющего «проявляется в том, что он может заключать сделки по передаче сам с собой, выступая как бы в двух лицах, и не отвечает имуществом траста по собственным обязательствам»⁵. Личные кредиторы бенефициаров также не могут получить

¹ Lupoi M. Trusts: a comparative study. P. 274–275, 276, 279, 282, 286.

² Ibid. P. 275.

³ Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности. С. 261.

⁴ Feenstra R. The Development of the Concept Foundation in Continental Law // *Acta Juridica*. 1971. № 123.

⁵ Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности. С. 262.

удовлетворение своих требований из имущества, составляющего траст. Однако взыскание может быть обращено на права бенефициара по отношению к трасту (beneficial interests), хотя в некоторых видах трастов такое обращение не допускается¹ (рассмотрены ниже). Сложность для кредиторов бенефициара в данном случае будет заключаться в отсутствии публично доступных сведений о наличии траста или трастов в интересах их должника. Таким образом, имущество траста технически обособляется от имущества всех участвующих в нем лиц, в чем проявляются признаки подтверждающего обособления, поскольку никакие кредиторы, кроме кредиторов траста, не могут получить удовлетворение непосредственно из состава его имущества.

К числу кредиторов траста можно отнести, во-первых, бенефициаров, во-вторых, управляющего, когда он реализует свое право на возмещение расходов, понесенных в связи с управлением трастом, напрямую из имущества траста либо доходов от управления им. В свою очередь, эти доходы также могут рассматриваться как имущество траста, поскольку при появлении сразу же включаются в его состав. «Траст не обладает юридической личностью, собственник его имущества – управляющий. Отсюда следует, что обязательства, возникшие в результате управления трастом, в том числе долги третьим лицам – это полная личная ответственность трасти, если только он до вступления в отношения с третьими лицами не доведет до их сведения свой статус и с очевидностью не ограничит свою ответственность имуществом траста. Недостаточно условия об ограничении ответственности управляющего в документе об учреждении траста (deed), поскольку он касается только отношений трасти с бенефициарами, но не с третьими лицами. При этом очевидно, что управляющий, исполнивший обязательства, связанные с трастом, из своего

¹ Hansmann H., Kraakman R. The Essential Role of Organizational Law; Дождев Д. В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. М., 2021. Т. 1. С. 233.

личного имущества, имеет право по модели суброгации возмещать эти расходы из имущества траста»¹.

В отношении бенефициара действует защитное обособление, поскольку он, не являясь титульным собственником имущества траста и не участвуя в его управлении, не может быть привлечен своим личным имуществом к ответственности по обязательствам, связанным с участием траста в обороте. Однако управляющий, исполнивший за счет своего личного имущества обязательства перед кредиторами, связанные с управлением трастом, получает право требовать возмещения понесенных расходов из состава имущества траста, а при его недостаточности – из личного имущества бенефициаров. Причем данное право управляющего может быть ограничено соглашением с учредителем или бенефициарами траста.

Возможность полного исключения права управляющего на возмещение расходов, связанных с управлением трастом и погашением возникших в связи с этим долгов, является крайне спорной, поскольку, как отмечают многие специалисты, названное право выступает неотъемлемой чертой отношений траста, его полное исключение будет противоречить природе траста, когда управляющий действует в чужих интересах (ведет чужое дело) и, следовательно, не должен отвечать личным имуществом, если в ходе управления не были нарушены условия траста².

Необходимо также иметь в виду, что возможна ситуация, когда третьи лица, являющиеся кредиторами управляющего по обязательствам, связанным с трастом, обратившись к нему за удовлетворением, обнаруживают, что его личного имущества для этого недостаточно. В этом случае кредиторы могут реализовать право суброгации (*right of subrogation*), т. е. получают возможность обратиться за взысканием на имущество траста либо предъявить требования к бенефициарам. Принципиальным является то, что права кредиторов ограничены таким же

¹ Court jurisdiction, trading trusts and other issues [electronic resource]: review of the law of trusts: fifth issues paper // Law Commission issues paper. Vol. 28. № 7. URL: <https://www.law-com.govt.nz/assets/Publications/IssuesPapers/NZLC-IP28.pdf>.

² Там же.

объемом имущества траста и бенефициаров, каким было бы ограничено право управляющего на компенсацию расходов, связанных с управлением траста, если бы он сумел погасить требования кредиторов за счет личного имущества.

Как считает М. Лупой, траст не имеет обязательственной (контрактной) природы¹. Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам 1980 г., не охватывает своим предметом регулирование трастов, однако содержит правила в отношении аналогичных институтов континентального права, поскольку они имеют в своей основе обязательственное отношение. В этом и состоит принципиальное отличие трастов и трастоподобных конструкций, известных континентальному праву, от трастов англо-американских².

Разнообразие трастовых конструкций в английском праве³ дополняется конструкциями, появившимися в силу соответствующих законов, принятых государствами, правовые системы которых можно охарактеризовать как смешанные. При этом если в Австралии, Новой Зеландии, Канаде и США развитие законодательства о трастах идет в рамках традиционной английской модели, то на континенте сформировалась так называемая **международная модель траста**, хотя и обладающая значительными отличиями от английской модели, но основанная на тех же фундаментальных принципах⁴.

¹ Lupoi M. Trusts: a comparative study. P. 95.

² Waters D. W. M. The Common Law Trust in the Modern World, 1984. 24 p.

³ В. В. Плеханов обоснованно предлагает разграничить все виды трастов на две большие группы: «выраженные трасты» и «вмененные трасты». В основе их разделения – наличие либо отсутствие определенно выраженной воли сторон (прежде всего учредителя траста-собственника имущества) на создание траста. Отличительные особенности вмененных трастов: 1) возникают независимо от воли сторон, в результате неправомерного действия лица, на которое в силу действия норм права справедливости возлагаются обязанности trustee; 2) бенефициарий не имеет каких-либо прав на имущество, являющееся предметом траста, до тех пор, пока судом не будет признан факт его возникновения; 3) отсутствует учредитель, т. е. лицо, которое передает имущество доверительному собственнику; 4) имущество, являющееся предметом траста, составляет личное имущество trustee до тех пор, пока судом не будет признан факт возникновения траста; 5) отсутствуют какие-либо требования к форме учреждения траста; 6) всегда есть бенефициарий; 7) обязательства trustee в целом сводятся к тому, чтобы передать предмет траста бенефициарию (Плеханов В. В. Некоторые вопросы траста в международном частном праве // Рос. ежегодник сравнительного права. 2007. № 1. С. 504).

⁴ Lupoi M. Trusts: a comparative study. P. 7.

Международная модель траста появилась с принятием Гаагской конвенции о праве, применимом к доверительной собственности (трасту) и ее последующем признании 1985 г. По ее содержанию видно, что происходит международная рецепция траста и его адаптация к континентальному праву (среди стран-участников названной Конвенции Италия, Нидерланды, Франция и другие европейские страны). Как справедливо подчеркивает Т. К. Примаков, суды даже тех стран, которые не присоединились к Конвенции, могут использовать ее положения при толковании траста с точки зрения институтов континентального права¹.

Конвенция очень широко трактует понятие «траст», что позволяет подвести под него ряд несовместимых с трастом гражданско-правовых институтов (например, товарищеские отношения). В частности, Конвенция не называет в качестве обязательного элемента траста передачу имущества в собственность управляющего, отношения траста не обязательно должны носить фидуциарный характер. Кроме того, в ней речь идет о целевых трастах (trust for purposes), существование которых в английском праве (за исключением благотворительных трастов – charitable trust) запрещено. Все это позволяет говорить о появлении так называемой гаагской имитации института траста или его особой международной модели, многие элементы которой противоречат принципам традиционной английской модели². Е. А. Суханов, ссылаясь на текст Конвенции, подчеркивает, что траст развивался судами стран общего права и в других странах может восприниматься лишь с различными изменениями, поскольку является «своеобразным правовым институтом»³.

Особенностью международной модели траста является прежде всего то, что страны, ее воспринявшие, не имеют отдельной либо даже «вплетенной» в их

¹ Примаков Т. К. Траст и доверительное управление в континентальном и международном праве: процесс взаимного сближения // Рос. юстиция. 2015. № 9.

² Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности. С. 274.

³ Суханов Е. А. О доверительном управлении имуществом как обязательственно-правовом способе осуществления права собственности // Вестн. экономического правосудия РФ. 2017. № 11.

правопорядок системы норм, аналогичной английскому праву справедливости (*equitable jurisdiction*). Однако стандарты добросовестности, выработанные правом справедливости, применяются судами этих стран¹.

Д. В. Дождев обращает внимание на несоответствие траста (как в его традиционном английском понимании, так и с точки зрения Конвенции 1985 г.) основополагающим принципам континентального гражданского права (в том числе унитарной модели собственности), выявляет его недостатки и на этом основании доказывает концептуальную невозможность введения траста и «трастоподобных» конструкций (*trust-like devices*) в гражданское право континентальных правовых систем².

А. Д. Рудоквас и М. Пудер полагают, что «унитарная концепция права собственности не предоставляет гибкого механизма для регулирования уникальных трехсторонних отношений, возникающих между учредителем, управляющим и бенефициаром. Гражданско-правовой инструментариум испытывает сложности с тем, чтобы сохранить единство права собственности и одновременно обеспечить интересы трех названных участников этого тройственного правоотношения»³.

В свою очередь, М. Лупой считает вполне возможным идентифицировать траст среди правовых конструкций гражданского континентального права. Причем он говорит не о так называемых трастоподобных конструкциях или аналогах траста, а имеет в виду самобытный институт, который обозначает как «гражданско-правовой траст» (*civil-law trust*). Такая конструкция, по его мнению, объединяет черты английской модели и концептуальное наследие континентального права, составляя конкуренцию классической английской модели⁴.

¹ Lupoi M. Trusts: a comparative study. P. 202.

² Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности. С. 272–274.

³ Puder M. G., Rudokvas A. D. How Trust-Like is Russia's Fiduciary Management? Answers From Louisiana // Louisiana Law Review. 2019. Vol. 79. P. 1074.

⁴ Lupoi M. Trusts: a comparative study. P. 9.

Французские, итальянские, немецкие, швейцарские ученые сопоставляли траст с бонитарной собственностью или с фидуцией (*fiducia cum amico*) римского права, с узуфруктом, с германской фидуциарной собственностью (Treuhand), лангобардским исполнителем завещания (*Salman*). При этом в большинстве исследований отмечается, что при всех различиях англо-американского и континентального права в том и другом возникают идентичные по своему структурному характеру проблемы¹.

Основной довод против рецепции траста в континентальную правовую систему, в том числе российскую, сводится, по словам Е. А. Суханова, к установлению трастом двух одинаковых прав собственности на одно и то же имущество (вещь), что для континентальных правопорядков неприемлемо. Передача отдельных правомочий управляющему не влечет за собой утраты права собственности, поскольку оно не исчерпывается отдельными правомочиями. Соответственно передача правомочий есть не отчуждение, а способ распоряжения правом собственности². Е. И. Папушина также полагает, что континентальное право не может выстроить систему, при которой могли бы гармонично существовать на одном уровне и абсолютное право собственности, и траст с разделением титулов на два уровня³.

Вместе с тем, как считает Т. К. Примак, отсутствие в национальном законодательстве континентальных стран института траста не препятствует его использованию. То есть на континенте траст можно воспринимать через функционально схожие гражданско-правовые конструкции (например, депозит

¹ Примак Т. К. Траст и доверительное управление в континентальном и международном праве: процесс взаимного сближения; Huber Z. E. Trust and «Treuhand» in Swiss Law // The International and Comparative Law Quarterly. 1952. Vol. 1. № 1. P. 64–66; Helmholz R., Zimmermann R. Itinera Fiduciaie. Trust and Treuhand in Historical Perspective. Comparative Studies in Continental and Anglo-American Legal History; CSC. Berlin, 1998. P. 28; Grundmann S. Trust and Treuhand at the End of the 20th Century. Key Problems and Shift of Interests // The American Journal of Comparative Law. 1999. Vol. 47. № 3. P. 401–428.

² Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М., 2017; Он же. О доверительном управлении имуществом как обязательно-правовом способе осуществления права собственности.

³ Папушина Е. И. К вопросу о юридической природе траста в англо-американском праве // Закон. 2018. № 6.

нотариуса¹), а также ориентируясь на положения Гаагской конвенции². Кроме того, эти конструкции могут пересекаться и дополнять друг друга. Однако при таком подходе допустимо говорить о подмене понятий: нет оснований называть трастом или пропускать через его призму все конструкции по обособлению имущества и управлению им в интересах выгодоприобретателя. В этой связи следует согласиться с А. Д. Рудоквасом, полагающим, что «доверительная собственность существует не только в форме трастов, а понятие траста не сводится к доверительной собственности»³.

2. Континентальные модели: фидуция (fiducia), Treuhand

Институт фидуции возник в римском праве и выполнял обеспечительную функцию, т. е. «лицо, предоставлявшее обеспечение, передавало кредитору право собственности на объект обеспечения»⁴. «Фидуция служила основной цели – как можно полнее обеспечить интерес кредитора»⁵. Кредитору по основному обязательству переходило право собственности на предмет фидуции. При погашении основного обязательства оно переходило обратно к должнику. В такой ситуации кредитор не нес никаких рисков, и при этом на его стороне возникали возможности для злоупотреблений.

Римской фидуции посвящено достаточное количество исследований⁶, анализ которых позволяет прийти к выводу, что характерные свойства этого

¹ См. подробнее: Домшенко Е. И. Правовое регулирование нотариального депонирования как одного из способов обособления имущества: дис. ... магистра частного права. Программа «LL.M». М., 2012–2013.

² Примаков Т. К. Траст и доверительное управление в континентальном и международном праве: процесс взаимного сближения.

³ Рудоквас А. Д. Пункт 4 статьи 209 ГК РФ: будущее одной иллюзии. Вещное право: вчера, сегодня, завтра: сб. ст. к 50-летию А. О. Рыбалова / отв. ред. К. И. Карачкова. М., 2023. С. 164.

⁴ Галкова Е. В. Обеспечительная передача титула по германскому праву // Закон. 2016. № 11.

⁵ Егоров А. В., Усманова Е. Р. Залог и титульное обеспечение: теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестн. гражданского права. 2014. № 4.

⁶ Удинцев В. А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. М., 2003; Покровский И. А. История римского права. СПб., 1998; Венедиктов А. В. Залог товаров в обороте и переработке в Западной Европе и в СССР // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М., 2004. Т. 1; Сарбаш С. В. Обеспечительная передача правового титула // Вестн.

правового инструмента позволили создать конструкцию, в определенной степени напоминающую англосаксонский траст, функционирующий при помощи институтов континентальной правовой семьи. Во-первых, была достигнута цель по обособлению имущества должника в пользу управляющего, охранительным обязанностям которого корреспондировала договорная обязанность вернуть вещь по окончании срока фидуции. Во-вторых, обязательственная природа договора фидуции наделяла первоначального собственника специальными инструментами защиты, обеспечивая не только исполнение основного обязательства, но и эффект доверительного управления переданным имуществом. По словам Д. В. Дождева, «фидуциарный залогодержатель принимает на себя вполне определенные обязанности, и мера его ответственности перед залогодателем в рамках возникающего обязательственного отношения тем выше, чем сильнее его вещно-правовая позиция»¹.

Во Франции получил развитие институт *fiducie*. Его введение в 2007 г. было реакцией на просьбы французских банкиров предоставить им инструмент, аналогичный по функционалу английскому трасту². «Фидуция возникает из договора, на основании которого имущество передается учредителем (*constituant*) управляющему (*fiduciaire*), но не становится частью его личной имущественной массы (*patrimoine*). Как английский трасти или немецкий *Treuhänder*, управляющий во французской конструкции (*fiduciaire*) связан обязательством сепарировать полученное имуществом от своего личного»³.

От траста французский инструмент отличается. Во-первых, в соответствии со ст. 2012 Гражданского кодекса Франции (далее – ГК) фидуция может быть установлена договором. Во-вторых, имущество, передаваемое управляющему-

гражданского права. 2008. № 1; Зикун И. И. Генезис категории «фидуциарная собственность» в европейском гражданском праве // Вестн. гражданского права. 2018. № 6.

¹ Дождев Д. В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. Т. 2. С. 11.

² Дорошенко Л. А. Обеспечительная фидуция в ГК Франции // Вестн. экономического правосудия РФ. 2020. № 2. С. 104–117.

³ Gelter M., Helleringer G. Fiduciary Principles in European Civil Law Systems. 2018 // URL: https://ecgi.global/sites/default/files/working_papers/documents/finalgelterhelleringer_0.pdf.

фидуциарию, нечетко отделено от имущества учредителя и управляющего. С одной стороны, в абзаце 1 ст. 2025 ФГК говорится, что обособленное имущество может быть источником погашения только тех требований, которые возникли из его хранения и управления им. Однако здесь же делается исключение для кредиторов учредителя, чьи права умышленно нарушены созданием фидуции, которое выступает как балансир, используемый для недопущения злоупотреблений: в соответствии с абзацами 2 и 3 ст. 2025 ФГК если фидуциарного имущества недостаточно, то имущество учредителя фидуции становится общим залогом для всех кредиторов. Договор о фидуции может переложить риск этой ответственности на управляющего либо ограничить его ответственность перед кредиторами лишь фидуциарным имуществом, однако такое ограничение распространяется лишь на кредиторов, выразившим соответствующее условие.

Fiduciaire – «это временный собственник в интересах другого лица, но не агент или не управляющий»¹. Иначе говоря, посредством фидуции «французский законодатель допустил существование права собственности ограниченного а) целью, б) промежутком времени, в) обязательствами фидуциария перед учредителем и (или) бенефициарами»². Все сказанное справедливо, но относится, скорее, к форме инструмента, нежели к тому, какие правовые последствия он влечет в случае стрессовых ситуаций, коими являются, во-первых, недостаточность имущества для погашения требований кредиторов (т. е. как проявляется его обособленность), во-вторых, смена его собственника (как ведет себя инструмент после смерти учредителя). Слабое обособление личных активов учредителя фидуции, по словам Н. Ю. Ерпылевой и А. С. Касаткиной, есть «основное отличие фидуции от траста, так как при формировании последнего имущество составляет отдельный фонд. По общему правилу, на него не могут

¹ Blandine M. The Trustee: mainspring, or only a cog, in the French fiducie? // The Worlds of the Trust. 2013. Vol. 142. Pp. 141–166, 142.

² Дорошенко Л. А. Обеспечительная фидуция в ГК Франции. С. 104–117.

претендовать личные кредиторы учредителя и личные кредиторы трасти»¹. Во второй ситуации по общему правилу абзаца 1 ст. 2029 ФГК фидуциарный договор прекращается (непригодность фидуции для целей наследственного планирования продиктована среди прочего позицией Министерства финансов Франции, противодействующего обходу налога на наследство).

Несмотря на то что теория единства имущества является традиционной для Франции, этой юрисдикции присущи две тенденции. Первая – «французские суды на протяжении долгого времени продолжали ассимилировать траст в договорные конструкции»². Вторая – Франция участвует в Конвенции о праве, применимом к доверительной собственности (трасту) и ее последующем признании 1980 г., следовательно, местные суды получили возможность признавать траст, не подыскивая функционально близкие договорные конструкции в национальном праве.

В российской доктрине перспективы использования механизма фидуции рассматриваются исключительно для целей обеспечения исполнения обязательств и оцениваются весьма сдержанно и даже критически. Так, Б. М. Гонгало пишет, что «соглашение о фидуции достигается для того, чтобы избежать обращения взыскания на имущество, которым обеспечивается исполнение обязательства, в порядке и на условиях, предусмотренных статьями 349–350 ГК. Вряд ли такое стремление найдет понимание у судебных органов»³. С. В. Сарбаш считает, что «предпочтительным видом обеспечения исполнения обязательства для общегражданского и общекommerческого оборота является надлежаще урегулированный непоссessorный залог, а не обеспечительная передача права собственности. Однако последняя опять же с позиций правовой политики может

¹ Ерпылева Н. Ю., Касаткина А. С. Признание наследственных трастов в странах континентальной системы права // Вестн. Пермского ун-та. Юридические науки. 2016. № 3.

² Ерпылева Н. Ю., Касаткина А. С. Признание наследственных трастов в странах континентальной системы права.

³ Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М., 2004.

быть допущена в оборот как переходная к надлежащему непоссessorному залогоу форма»¹.

Немецкая конструкция **Treuhand** (дословно – «верная рука») уходит корнями в германский институт *Salman*, известный у салических франков с V в. В литературе *Treuhand* определяется и как «proto-trust»². Именно немецкий институт вдохновил современных законодателей Франции и Италии к поиску схожих решений³. В частности, Ш. Грундманн верно, по нашему мнению, полагает, что и континентальные правовые конструкции, и траст преследуют одну цель, тождественны функционально, лишь «технические элементы этих юридических конструкций различны»⁴. Это инструмент управления имуществом одним лицом в интересах другого⁵.

Е. А. Суханов характеризовал эту конструкцию следующим образом. Лицо, обладающее имуществом на праве собственности, вправе учредить доверительную собственность над обособленной имущественной массой, в которую могут входить «вещи, а также иные виды имущества и прав (права требования, узуфрукт и поземельный долг, доли (пай) участия в корпорациях, патентные и другие исключительные права и иные объекты гражданских, но не вещных прав)»⁶. Передаваемое в управление имущество должно быть фактически обособлено от имущества самого управляющего. Денежные средства размещаются на специальном счете. Имущество обособляется передачей в управление без образования юридического лица.

Таким образом, «германская доверительная передача права собственности, или установление доверительного управления имуществом (*Treuhand*),

¹ Сарбаш С. В. Обеспечительная передача правового титула. С. 62.

² Beijer T. A. Trust Law in the Process of Reunifying East and West Germany // *Utrecht Law Review*. Vol. 14. № 1. URL: <https://www.utrechtlawreview.org/articles/abstract/10.18352/ulr.398>.

³ Helmholtz R., Zimmermann R. Views of Trust and Treuhand: An Introduction. P. 28.

⁴ Грундманн Ш. Траст и *Treuhand* в конце XX в.: ключевые проблемы и смещение интересов // Частное право и финансовый рынок: сб. ст. / отв. ред. М. Л. Башкатов. М., 2011. Вып. 1. 367 с.

⁵ Gelter M., Helleringer G. Fiduciary Principles in European Civil Law Systems.

⁶ Суханов Е. А. О доверительном управлении имуществом как обязательственно-правовом способе осуществления права собственности.

представляет собой институт обязательственного права»¹. Управляющий (Treuhänder) обязан управлять переданным ему имуществом в интересах учредителя (Treugeber) в соответствии с контрактом. При этом в силу параграфа 137 Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) правомочие на распоряжение отчуждаемым правом не может быть отменено или ограничено сделкой, но эта норма не касается действительности обязательства не распоряжаться указанным правом. Иными словами, будучи вправе по своему усмотрению распоряжаться обособленным имуществом, управляющий во внутренних отношениях с учредителем связан договором, т.е. эта норма направлена на обеспечение активного и при этом стабильного гражданского оборота². Как результат, управляющий вразрез с известным принципом *Nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse haberet* («Никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам»)³ может передать третьему лицу больше прав, чем имеет сам.

«Ограничения полномочий, вытекающие из внутренних отношений между учредителем и управляющим, не влияют на права для третьих лиц, и управляющий во внешнем отношении наделяется большими полномочиями, чем те, которые обусловлены и согласованы во внутренних правоотношениях»⁴. По словам Е. А. Суханова, именно управляющий выступает в качестве юридического собственника⁵. И. И. Зикун также подчеркивает, что «в любом правоотношении с третьими лицами собственником всегда будет управляющий»⁶.

¹ Там же.

² Егоров А. В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. 2019. № 6.

³ Цит. по: Братусь Д. В. Организационные авторские права / под общ. ред. Б. М. Гонгало. М., 2022.

⁴ Фогель В. А., Шмидт С. Г. Управление способами обеспечения исполнения обязательства в Германии в связи с заключением синдицированного кредитного договора // Закон. 2012. № 2.

⁵ Суханов Е. А. Сравнительное исследование владения и собственности в английском и в германском праве // Вестн. гражданского права. 2012. № 6.

⁶ Зикун И. И. Генезис категории «фидуциарная собственность» в европейском гражданском праве // Опыты цивилистического исследования: сб. ст. / отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. М., 2019. Вып. 3 (спец. вып. к юбилею профессора Евгения Алексеевича Суханова).

Механику института описывает Е. А. Папченкова: «Отчуждатель по договору расценивается как находящийся в состоянии длящегося квазиправообладания (*Andauerende Qasi-Rechtsinhaberschaft*) переданным им по договору другой стороне имуществом, которое *inter parties* считается как бы сохранившимся за ним»¹. В то же время учредитель такого управления, оставаясь экономическим собственником имущества², отвечает им по своим долгам в случае банкротства (для личных кредиторов управляющего это имущество соответственно недоступно³), платит соответствующие налоги и учитывает за собой в отчетности⁴. С точки зрения теории экранирования конструкция *Treuhand* влечет слабое подтверждающее обособление имущества для связанных с ним кредиторов, поскольку допускает к имуществу и всех иных кредиторов учредителя обособления.

При банкротстве управляющего учредитель имеет право на исключение объекта управления из конкурсной массы управляющего (*Aussonderungsrecht*)⁵.

В доктрине (повторим) считается, что права бенефициаров немецкого доверительного управления основаны на обязательстве управляющего перед ними, в то время как права бенефициаров траста – вещно-правые. В то же время Р. Гельмхольц и Р. Циммерманн, сопоставив эти институты, приходят к выводу не только о параллельности их развития, но и об их пересечениях, а также

¹ Папченкова Е. А. Возврат исполненного по расторгнутому нарушенному договору: сравнительный анализ российского и немецкого права. М., 2017.

² В германской доктрине гражданского права принято, что договор управления имуществом порождает два вида правоотношений: внутренние и внешние. Во внутренних отношениях с управляющим собственником является учредитель управления, а во внешних – для всех третьих лиц собственником является управляющий (Зикун И. И. Генезис категории «фидуциарная собственность» в европейском гражданском праве).

³ «При возбуждении процедуры исполнительного производства или процедуры банкротства в отношении управляющего по требованиям его личных кредиторов учредитель управления имеет право на заявление возражения и исключение предмета управления из конкурсной массы управляющего» (Зикун И. И. Генезис категории «фидуциарная собственность» в европейском гражданском праве).

⁴ Суханов Е. А. О доверительном управлении имуществом как обязательственно-правовом способе осуществления права собственности.

⁵ *Treuhandmodelle – mehr als nur Insolvenzversicherung*, Vortrag im Rahmen des Seminars, *Treuhand, insbesondere Contractual Trust Arrangements – ein Modell mit Potential*. 2011. S. 14; Wieling H. J., Finkenauer T. *Sachenrecht*, Springer-Lehrbuch. 2020. S. 323.

закljučают, что английский траст и континентальный Treuhand удовлетворяют одинаковые социальные запросы и формируют аналогичную правовую проблематику¹. Как обобщает Ш. Грундманн, «разница между англо-американским трастом и группой институтов немецкого права, от общей Treuhand до множества специфических ее форм, представляется преувеличенной». По его мнению, «в немецком праве основная обязанность в договорных правоотношениях практически идентична той, которая признается в англо-американском трасте, и уровень защиты бенефициарного интереса в отношениях с третьими лицами также практически идентичен и в англо-американском трасте, и в различных специально урегулированных законодателем формах Treuhand»².

Выводы

1. Классический траст для своего функционирования требует расщепленного права собственности. Лишь это условие позволяет объяснить природу и установить содержание прав и обязанностей каждого из участников этого способа имущественного обособления.

2. В основе англо-американского траста лежит фидуциарное правоотношение. Трасти является собственником имущества, а не представителем учредителя, его обязанности (по добросовестному управлению имуществом в интересах бенефициара) возникают из принципов права справедливости. Это позволяет считать траст вещно-правовым способом обособления имущества.

3. Континентальные трасты, как и международная модель, в своей основе имеют договор. С позиций Гаагской Конвенции 1985 г., отличающейся очень широким пониманием названного института, в качестве траста можно воспринимать функционально схожие гражданско-правовые конструкции, которые даже не влекут передачу имущества в собственность управляющего. В этой связи траст не является родовым понятием для всех рассматриваемых

¹ Helmholz R., Zimmermann R. Views of Trust and Treuhand: An Introduction.

² Грундманн Ш. Траст и Treuhand в конце XX в.: ключевые проблемы и смещение интересов.

институтов, а представляет собой один из способов обособления имущества для управления им в интересах выгодоприобретателя.

4. Фидуция, известная из римского права, порождает фигуру собственника, чье право ограничено определенной целью. При этом само обязательство вернуть вещь первоначальному собственнику следует из договора, что делает фидуцию инструментом, адекватным унитарной модели собственности.

5. Фидуция, введенная в современное французское законодательство в 2007 г., характеризуется слабым проявлением эффекта обособления – как защитного, так и подтверждающего.

6. Treuhand (доверительная передача права собственности, или установление доверительного управления имуществом) – немецкий правовой институт управления чужим имуществом, также имеет в своей основе договор, который ограничивает право собственности управляющего.

7. Конструкция Treuhand влечет слабое подтверждающее обособление для связанных с ним кредиторов, поскольку допускает к имуществу и всех иных кредиторов учредителя обособления.

8. Важными в контексте настоящего исследования характеристиками траста, а вместе с ним и континентальных трастовых конструкций следует считать: а) разделение собственности и управления; б) ограничение ответственности тех участников конструкции, которые имуществом не управляют (учредитель и бенефициары); в) «прикрепление» притязаний третьих лиц к фигуре управляющего, выступающего стороной обязательств и ответчиком. Названные характеристики присущи и французской фидуции, и немецкому доверительному управлению.

§ 3. Характеристика некоторых российских правовых форм обособления имущества

Российский правопорядок, как указывает Л. Ю. Михеева, «предлагает участникам гражданско-правовых отношений немало правовых моделей,

обеспечивающих возможность не только отделить (обособить) имущество, но иверить управление им (заботу о нем) другому лицу»¹.

Инструменты имущественного обособления можно разделить на три группы: 1) вещно-правовые (например, англосаксонский траст), 2) договорные (договор доверительного управления имуществом, континентальные трасты, имеющие обязательственную природу), 3) инструменты, образующие отдельную от учредителя юридическую личность (фонды и корпорации). Имеют место и промежуточные формы (например, ПИФы). При использовании любого из названных инструментов создается ситуация, когда ограничивается возможность экономического собственника повлиять на юридически значимые действия третьих лиц, совершаемые от его имени или в его интересах (интересах выгодоприобретателя), но во всяком случае по его поручению. Исключение непосредственного интереса и контроля в отношении актива позволяет, как минимум, разорвать видимое правоотношение собственности, т. е., как пишет С. В. Третьяков, «непосредственную связь между управомоченным субъектом и объектом принадлежащего ему права, которая выражается в способности управомоченного контролировать юридическую судьбу вещи»². Отсюда проистекает «экранированность» обособленного имущества от личных (не связанных с этим имуществом) кредиторов, перед которыми учредитель обособления отвечает только своим имуществом.

Е. А. Останина называет ограничение права собственника свободно управлять своим имуществом одной из целей «обособленности» имущества³. На наш взгляд, ограничение права управлять само по себе целью обособления не является (в отличие от ограничения ответственности собственника), однако собственник, продолжая участвовать в управлении, сохраняет имущество в

¹ Михеева Л. Ю. Управлять = опекать = заботиться // Закон. 2024. № 2. С. 17.

² Третьяков С. В. Субъективное право как «последняя абстракция» цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории // Вестн. гражданского права. 2020. № 2.

³ Останина Е. А. Имущественная обособленность физического лица и связанные с нею последствия // Вестн. экономического правосудия РФ. 2024. № 12 (130). С. 52.

статусе «своего», даже если юридически имущество ему не принадлежит. В этой связи отстранение от управления является необходимым условием, нежели целью имущественного обособления.

К. Ю. Ибрагимов классифицирует случаи имущественного обособления по российскому праву следующим образом: «1) при использовании конструкции юридического лица; 2) при установлении ограниченных вещных прав, а также обязательственных прав, обладающих свойствами вещных; 3) при установлении имущественных иммунитетов; 4) в качестве самостоятельного приема юридической техники»¹.

Но здесь остается неясным, какие критерии были положены К. Ю. Ибрагимовым в основу своей классификации.

Во-первых, имущественное обособление фиксируется при нахождении имущества гражданина в общей собственности, которая к числу ограниченных вещных прав не относится. Так, ни в одну из названных групп не укладывается супружеская собственность, где имущественное обособление проявляется, хотя и в слабой степени, что сам автор классификации признает². Путаница, допущенная в основаниях классификации, привела К. Ю. Ибрагимова к ошибочному выводу об имущественной обособленности арендованного имущества, поскольку ни о каком привязывании кредиторских требований к арендованному имуществу не может идти речи.

Например, удовлетворение штрафных санкций, предъявленных арендодателю по договору аренды, арендатор получит, скорее всего, из имущества, в аренду не переданного. В то же время кредиторы арендодателя могут обратить взыскание на его имущество, даже если оно обременено арендой. Это означает, что с позиций порядка обращения взыскания не возникает специфики, характерной (и необходимой) для обособленного имущества. Как отмечает сам К. Ю. Ибрагимов, «имущественное обособление, в первую очередь,

¹ Ибрагимов К. Ю. Феномен юридического обособления имущества в частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024. С. 26.

² Ибрагимов К. Ю. Феномен юридического обособления имущества в частном праве. С. 29, 80.

проявляется в специальном порядке ответственности данным имуществом перед кредиторами и разделении последних на несколько групп»¹. При аренде не возникает отдельной группы кредиторов, чьи требования подлежат удовлетворению в первую очередь (т. е. в приоритете) за счет арендованного имущества, т. е. группы кредиторов, связанных с арендованным имуществом.

Во-вторых, неверно сформирована третья группа, куда К. Ю. Ибрагимов полагает возможным отнести и имущество с исполнительским иммунитетом, и фонд обязательного страхования вкладов, и депонированное имущество². Названные случаи имеют совершенно разную правовую природу. В частности, в отношении имущества с исполнительским иммунитетом К. Ю. Ибрагимов сам признает, что «данный инструмент <...> не имеет под собой никакой другой подоплеки, кроме воли правопорядка на защиту конституционных прав физических лиц прямым запретом на принудительное обращение взыскания на определенное имущество»³. В свою очередь, депонированное имущество возникает на основании договора и является «лабораторным» примером имущественного обособления в частном праве.

Случаи, объединяемые в четвертую группу, К. Ю. Ибрагимов определяет следующим образом: «Когда позитивное право устанавливает такой режим для имущества, который не может быть объяснен с помощью стандартных конструкций гражданского права». Такое определение – через констатацию невозможности объяснения – ожидаемо создает сложности при понимании смысла определяемого понятия.

В эту «наименее изученную» группу случаев имущественного обособления, по мнению К. Ю. Ибрагимова, попадают «имущество, находящееся в доверительном управлении, имущество инвестиционных товариществ, отдельные виды конкурсного имущества, имущество неправосубъектного крестьянского

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 97.

³ Ибрагимов К. Ю. Феномен юридического обособления имущества в частном праве. С. 96.

(фермерского) хозяйства»¹. Трудно предположить, по какому критерию названные случаи объединены. Отметим лишь, что обособление имущества в конструкции доверительного управления обусловлено заключением договора, в конструкциях товарищества и крестьянского хозяйства – возникновением общей собственности. Уже по этой причине их объединение в одну группу говорит о несовершенстве предложенной классификации.

К числу известных отечественному правопорядку и, на наш взгляд, в значимой степени специализированных способов имущественного обособления без образования юридического лица можно отнести договор простого товарищества (ст. 1041 ГК РФ), его разновидность – инвестиционное товарищество (Федеральный закон от 28.11.2011 № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе»), договор доверительного управления (ст. 1012 ГК РФ) и паевой инвестиционный фонд (Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах»).

1. Договор простого товарищества

Этот договор (договор о совместной деятельности) в доктрине признается единственным урегулированным ГК РФ договором об объединении лиц². По нему двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели (п. 1 ст. 1041 ГК РФ). Между тем, по мнению А. А. Чернухина, термин «объединение» «связан не с субъектами (участниками) договора, но с их вкладами, усилиями и т. п., т. е. с объектами. И само по себе „объединение“ не является и не может являться фундаментальным элементом, позволяющим осуществить безусловную оценку и классификацию этого института»³.

¹ Там же. С. 28–29.

² Марков П. А. Реорганизация коммерческих организаций: проблемы теории и практики: моногр. М., 2012.

³ Чернухин А. А. Правовая природа договора инвестиционного товарищества (понятие и особенности) // Юрист. 2020. № 11.

Н. В. Тололаева полагает, что «исключение из личного характера допускается в товариществах, в которых обязанность товарища внести вклад ограничивается только предоставлением определенной денежной суммы, а право товарища заключается только в том, чтобы получить определенную денежную сумму»¹. «Если ГК исходит из того, что договор простого товарищества относится к договору личного типа, где важна личность конкретных участников, специальные законы² от этого отступают»³.

Под вкладом в п. 1 ст. 1042 ГК РФ понимается все, что вносится в общее дело – как имущество, так и, например, знания, деловые связи. Общая собственность – общее правило, но это не обязательный элемент простого товарищества, так как она может быть исключена договором товарищей (п. 1 ст. 1043 ГК РФ).

По мнению А. А. Горевой, «квалифицирующим признаком договора простого товарищества является согласование общей цели, а не участие товарищей в прибыли и убытках». Кроме того, «обязанность по осуществлению совместной деятельности и обязанность по внесению вклада – совпадающие понятия. Допустимым является вклад, состоящий исключительно в виде действий, направленных на достижение общей цели, в частности в виде управления делами товарищества, предоставления информации, так и в виде бездействия, т. е. в виде воздержания от совершения определенных действий»⁴.

Общая собственность возникает прежде всего при поступлении в собственность двух или нескольких лиц вещей, неделимых по своей природе либо в силу указания закона, а в отношении делимого имущества – в случаях, прямо предусмотренных законом или договором (например, в отношении имущества

¹ См.: Материалы Ежегодной научной конференции Центра частного права // Вестн. гражданского права. 2021. № 4.

² В частности, Закон об инвестиционном товариестве; Федеральный закон от 31.12.2017 № 486-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ Материалы Ежегодной научной конференции Центра частного права.

⁴ Горева А. А. Общая цель и внесение вкладов как признаки договора простого товарищества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 16, 17–18.

супругов в силу правил ст. 33 и 34 Семейного кодекса РФ или при создании простого товарищества – на основании ст. 1043 ГК РФ)¹. При этом, как отмечала М. В. Зимелева, «при общей собственности права каждого из собственников лишены той полноты и исключительности, которая в пределах закона в той или иной мере является атрибутом права собственности. Собственники постоянно сталкиваются по поводу общей вещи с аналогичными правами других собственников (*partes con cursu fiunt*)»². Находясь в общей собственности, вещь принадлежит не одному собственнику, а одновременно нескольким лицам (сособственникам)³. В такой ситуации «отношения, возникающие из общей собственности, не сводятся только к правам всех сособственников и каждого порознь на общую вещь», «очень существенное значение имеют отношения сособственников между собой»⁴. К. И. Скловский пишет, что доля в праве общей собственности «является одновременно и вещным правом (правом собственности), и имеет некоторые черты права относительного, предоставляющего определенные права и создавая обязанности в отношениях с иными участниками»⁵.

В доктрине юридическое лицо называют «формой коллективного обладания имуществом»⁶, «коллективным имуществом»⁷. Однако Е. А. Суханов полагает, что термин «коллектив» неприменим при характеристике общей собственности, поскольку каждый из ее участников остается самостоятельным собственником своего имущества и не составляет с другими сособственниками никакого особого (тем более правосубъектного) «коллектива»⁸.

¹ Гражданское право: учеб. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2023. Т. 2. С. 97.

² Зимелева М. В. Общая собственность в советском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2009. № 4. С. 200.

³ Генкин Д. М. Право собственности в СССР. М., 1961. С. 148; Гражданское право: учеб. / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 2. С. 97–98.

⁴ Зимелева М. В. Общая собственность в советском гражданском праве. С. 200.

⁵ Скловский К. И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. М., 2004. С. 221.

⁶ Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. СПб., 1911. С. 450.

⁷ Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. С. 173.

⁸ Гражданское право: учеб. / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 2. С. 118. Мейер по этому поводу отмечал: «Что касается существа общей собственности, то оно заключается в том же, в чем

По мнению А. А. Горева, «вещный эффект договора простого товарищества вторичен»; «договор простого товарищества всегда создает обязательственные отношения между его участниками»¹.

Распространение одного понятия на столь, казалось бы, различные правовые явления, как юридическое лицо и общая собственность, косвенно свидетельствует об их схожей черте – возможности выступать правовым инструментом для создания обособленной группы объектов имущества (имущественных фондов).

Как реализуется обособление имущества применительно к общей собственности? Во-первых, общее имущество может быть обособлено технически, например, путем отражения его на отдельном балансе (п. 2 ст. 1043 ГК РФ), однако обязанность по ведению отдельного учета не предусмотрена законом, а факт обособления не является публичным. Во-вторых, оно обособляется юридически: в силу ст. 255 ГК РФ личный кредитор участника общей собственности вправе предъявить требование о выделе доли должника из общего имущества для обращения на нее взыскания только при недостаточности у собственника иного имущества, не переданного в общую собственность. Остальные участники общей собственности имеют возможность выкупить долю у должника по рыночной цене с обращением вырученных средств на погашение его долга. Только при отказе остальных участников от приобретения этой доли кредитор вправе требовать в судебном порядке обращения взыскания на долю путем продажи ее с публичных торгов.

Сказанное являет собой подтверждающее обособление – общее имущество в слабой степени, но отделено от личных, не связанных с общим делом, кредиторов участника общей собственности.

А. А. Горева полагает, что «имущество товарищества не обособлено от имуществ его участников и принадлежит им на праве общей долевой

состоит и отдельное право собственности» (Мейер Д. И. Русское гражданское право. М., 2000. С. 369).

¹ Горева А. А. Общая цель и внесение вкладов как признаки договора простого товарищества: дис. ... канд. юрид. наук. С. 18.

собственности»¹. Но этот тезис содержит внутреннее противоречие: тот факт, что у участника товарищества есть имущество, которое принадлежит ему лично, и то имущество, которое является общим с другими участниками товарищества, уже есть свидетельство наличия различных правовых режимов, действующих в отношении этих двух имущественных фондов (личного и общего имущества). Различия связаны, во-первых, с режимом управлением имуществом, во-вторых, с порядком ответственности.

К. Ю. Ибрагимов также не согласен с тем, что в конструкции общей собственности имеет место подтверждающее обособление, поскольку «отсутствует группа кредиторов, которая имела бы приоритет в отношении такого имущества»². На самом деле такими кредиторами являются те лица, чьи требования возникли в связи с общей собственностью участников простого товарищества, т. е. кредиторы по общим обязательствам товарищей. Далее К. Ю. Ибрагимов утверждает, что кредиторы товарищества и личные кредиторы участников товарищества получают удовлетворение из общего имущества товарищей в одинаковом порядке³. С этим тезисом вряд ли можно согласиться. Кредиторы по общим обязательствам товарищей вправе, не обращаясь к личному имуществу, получить удовлетворение из общего имущества. Перед общими кредиторами участники товарищества солидарно отвечают личным имуществом. Это значит, что «никакой очередности взыскания нет, и в пределах суммы долга кредитор вправе обратить взыскание и на долю в общем имуществе товарищей, и на личное имущество участника одновременно»⁴. По личным долгам солидарной ответственности общим имуществом нет. Напротив, закон устанавливает порядок

¹ Горева А. А. Общая цель и внесение вкладов как признаки договора простого товарищества. С. 133.

² Ибрагимов К. Ю. Феномен юридического обособления имущества в частном праве. С. 61.

³ Ибрагимов К. Ю. Феномен юридического обособления имущества в частном праве. С. 117.

⁴ Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2011. Т. 3.

(последовательность) действий кредиторов при недостаточности личного имущества (ст. 255 ГК РФ).

Примечательно, что в общей собственности супругов К. Ю. Ибрагимов выделяет «нескольких пулов активов, предназначенных для разных кредиторов: личные кредиторы сначала обращают взыскание на личное имущество супругов, а общие кредиторы – сначала на общее имущество супругов»¹. Неясно, в связи с чем исследователь делает иной вывод в отношении участников товарищества.

Важно понимать, что конкретный способ обособления редко создает абсолютную экранированность, т. е. полную недоступность обособленного имущества для личных кредиторов кого-либо из участников обособления. Редко оно приводит и к полной недоступности личного (необособленного) имущества участников обособления для кредиторов, вступивших в отношения с обособленными активами (в случае правосубъектной конструкции) или по их поводу, если выбранный способ обособления не влечет появления отдельной юридической личности. Зачастую речь идет о приоритетности удовлетворения требований тех или иных кредиторов: личное имущество должника в первую очередь служит погашению требований личных кредиторов, а имущество, обособленное, например, для ведения предпринимательской деятельности, – кредиторов, чьи требования возникли в связи с такой деятельностью².

Между тем защитное (в отличие от подтверждающего) обособление в рамках конструкции простого товарищества полностью отсутствует, т. е. требования кредиторов, возникшие в связи с общей собственностью участников простого товарищества, могут быть обращены на личное имущество участников (ст. 1047 ГК РФ). Каждый участник договора простого товарищества, не связанного с предпринимательской деятельностью, отвечает всем своим имуществом пропорционально стоимости его вклада в общее дело по общим договорным обязательствам и солидарно – по общим внедоговорным

¹ Ибрагимов К. Ю. Феномен юридического обособления имущества в частном праве. С. 137.

² Hansmann H., Kraakman R., Squire R. Legal entities, asset partitioning, and the evolution of organizations.

обязательствам (п. 1 ст. 1047 ГК РФ). Если же договор простого товарищества связан с осуществлением предпринимательской деятельности, то товарищи отвечают солидарно по всем общим обязательствам независимо от оснований их возникновения (п. 2 ст. 1047 ГК РФ).

Изложенный порядок ответственности личным имуществом, по нашему мнению, не свидетельствует о его защитном обособлении. Личное имущество участника этой правовой конструкции не защищено. В этом смысле мы расходимся в оценках с К. Ю. Ибрагимовым, который полагает, что поскольку «в соответствии со статьей 1047 ГК по договорным обязательствам простого товарищества, не связанного с предпринимательской деятельностью, товарищи несут пропорциональную, а не солидарную ответственность», простое товарищество влечет слабую форму защитного обособления¹. Как мы отмечали ранее, ответственность пропорционально вкладу установлена лишь в отношении договорных обязательств, а также товариществ, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Сам К. Ю. Ибрагимов в дальнейшем опровергает свое же высказывание: «Простое товарищество в российском праве ввиду отсутствия подтверждающего и защитного обособления не может быть признано ни субъектом, ни даже квазисубъектом с точки зрения российского правопорядка»².

Е. А. Останина в качестве одной из целей обособления имущества называет установление особого порядка управления им: «При установлении права общей долевой собственности, а тем более при возникновении права общей совместной собственности, <...> меняется порядок управления имуществом <...> Там, где раньше достаточно было воли одного собственника, теперь требуется согласованное волеизъявление или хотя бы презумпция согласия»³.

¹ Ибрагимов К. Ю. Феномен юридического обособления имущества в частном праве. С. 116.

² Ибрагимов К. Ю. Феномен юридического обособления имущества в частном праве. С. 119.

³ Останина Е. А. Имущественная обособленность физического лица и связанные с нею последствия. С. 54.

Как уже говорилось, простое товарищество далеко не всегда влечет появление общей собственности. Это связано со «сложностями правоотношений, возникающих на основе множественности субъектов права общей собственности»¹. Товарищи изначально могут не желать появления общего имущества. В их отношениях не обязательно присутствует даже юридическая секунда, когда бы существовала множественность на стороне собственника (примеры тому: ч. 3 ст. 6, ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 31.12. 2017 № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²; ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 01.04.2022 № 75-ФЗ «О соглашениях, заключаемых при осуществлении геологического изучения, разведки и добычи углеводородного сырья, и о внесении изменения в Закон Российской Федерации «О недрах»³). Следствием сказанного является отсутствие обособленности активов – каждый товарищ отвечает своим личным имуществом (ч. 5 ст. 6 Закона о синдицированном кредите, ч. 1 ст. 21 Закона о соглашениях о сервисных рисках).

2. Инвестиционное товарищество

Обособление имущества в инвестиционном товариществе имеет черты, обычно присущие юридическому лицу, но не общей собственности. Здесь налицо сильная форма защитного обособления имущества товарищей-вкладчиков, не являющихся управляющими товарищами, по определенным требованиям кредиторов общего имущества (безусловное исключение составляют общие налоговые обязательства – ч. 2 ст. 14 Закона об инвестиционном товариществе). При этом для конструкции общей собственности характерно отсутствие защитного обособления как такового. Так, в соответствии с п. 3 ст. 14 Закона об инвестиционном товариществе личное (не переданное в имущественный пул товарищества) имущество участника защищено от требований общих кредиторов

¹ Зимелева М. В. Общая собственность в советском гражданском праве. С. 200.

² См. об этом также: Матвеев И. В. Ответственность по договору синдицированного кредита // Банковское право. 2020. № 3.

³ Далее – Закон о соглашениях о сервисных рисках.

(кредиторов пула): по общим договорным обязательствам, контрагентами по которым являются субъекты предпринимательской деятельности, каждый товарищ, не являющийся управляющим товарищем, отвечает пропорционально и в пределах стоимости принадлежащей ему оплаченной доли в общем имуществе товарищей и не отвечает иным своим имуществом.

3. Договор доверительного управления имуществом

Этот договор (гл. 53 ГК РФ) долгое время (до появления личного фонда) справедливо считался функционально наиболее близким аналогом траста в российском праве¹. Но в отличие от траста передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности на него к доверительному управляющему. Вместе с тем доверительный управляющий наделен широким кругом полномочий. Так, для защиты прав на имущество, находящееся в доверительном управлении, управляющий вправе требовать всякого устранения нарушения его прав (п. 3 ст. 1020 ГК РФ). Соответственно безотносительно к переходу права собственности доверительный управляющий получает необходимые инструменты для защиты переданного ему в управление имущества.

В основе доверительного управления находится договор, по которому управляющий совершает действия по управлению имуществом во исполнение договора с собственником, руководствуясь при этом как интересами последнего, так и своим усмотрением. Как пишет И. И. Зикун, «объект отношений по доверительному управлению чужим имуществом разнообразен, а доверительный управляющий обязан осуществлять все правомочия собственника»².

Дореволюционное право не знало института доверительной собственности, а оказание услуг по управлению часто рассматривалось в качестве разновидности

¹ «Концепция доверительной собственности была заменена <...> доверительным управлением, не предполагающим перехода права собственности к управляющему и позволяющим квалифицировать доверительное управление как обязательственное, а не вещное правоотношение» (Рудоквас А. Д. Пункт 4 статьи 209 ГК РФ: будущее одной иллюзии. С. 157).

² Зикун И. И. О профессиональном стандарте деятельности доверительного управляющего // Закон. 2024. № 2. С. 31.

представительства, в рамках которого управляющий действует от имени собственника¹.

Имущество, переданное в доверительное управление, обособляется от другого имущества учредителя управления, а также от имущества доверительного управляющего. Оно отражается на отдельном балансе у доверительного управляющего, и по нему ведется самостоятельный учет. При отсутствии указания о действии доверительного управляющего в этом качестве доверительный управляющий обязывается перед третьими лицами лично и отвечает перед ними только принадлежащим ему имуществом (абзац 2 п. 3 ст. 1012 ГК РФ).

В результате заключения рассматриваемого договора образуются три имущественные массы: обособленное (управляемое) имущество, иное (необособленное) имущество учредителя и личное (или прочее²) имущество управляющего. В данных отношениях участвуют лишь два субъекта, но в зависимости от оснований возникновения кредиторские требования распределяются между тремя (а не двумя) обособленными имущественными массами.

Личное (необособленное) имущество управляющего является источником погашения долгов, которые не связаны с управлением, либо если при вступлении в сделку, из которой такие долги возникли, управляющий не обозначил контрагенту свой статус лица, действующего в чужом интересе.

Своим личным имуществом отвечает перед своими кредиторами учредитель доверительного управления. Доступ к обособленному имуществу появится у личных кредиторов учредителя управления в случае его несостоятельности, поскольку в таком случае доверительное управление прекращается и имущество включается в конкурсную массу (п. 2 ст. 1018 ГК РФ).

¹ Михеева Л. Ю. Доверительное управление имуществом. Комментарий законодательства. 2001 // СПС «КонсультантПлюс».

² Это может быть имущество, полученное в управление от других лиц.

Долги по обязательствам, возникшим в связи с доверительным управлением имуществом, погашаются за счет этого имущества. При его недостаточности взыскание может быть обращено на имущество доверительного управляющего, а при недостаточности и его имущества – на имущество учредителя управления, не переданное в доверительное управление (п. 3 ст. 1022 ГК РФ).

Так проявляется подтверждающее обособление – для кредиторов имущества, обособленного в доверительное управление. Кредиторы по обязательствам, связанным с доверительным управлением, в приоритетном порядке получают удовлетворение из обособленного имущества. Причем для таких кредиторов неприменимы «экраны», предназначенные для защиты личного (или иного) имущества как управляющего, так и учредителя управления.

Защитное обособление (по отношению к иному имуществу учредителя управления и управляющего) также присутствует, однако в слабой степени – при недостаточности обособленного имущества речь идет лишь о кредиторской очередности доступа к имуществу.

И. И. Зикун называет порядок обращения взыскания кредиторами по обязательствам, возникшим в результате доверительного управления имуществом, «лестничной системой» и описывает ее следующей формулой: «объект доверительного управления – имущество доверительного управляющего – остальное имущество учредителя управления»¹.

Являясь обязательственной конструкцией, доверительное управление не «переживает» недостаточность имущества как в обособленном пуле, находящемся в доверительном управлении (в этом случае кредиторы вправе обратиться взыскание на личное имущество управляющего, а затем – учредителя), так и в личной имущественной сфере учредителя (в случае его банкротства договор управления прекращается, все имущество оказывается в конкурсной массе собственника-должника, а личные кредиторы устанавливают свои требования наравне с контрагентами, вступившими в отношения по поводу ранее

¹ Зикун И. И. О профессиональном стандарте деятельности доверительного управляющего. С. 27.

обособленного имущества). Последнее, на наш взгляд, нивелирует преимущества подтверждающего обособления в рассматриваемой конструкции и в целом снижает ее привлекательность для участников гражданских правоотношений.

4. Паявой инвестиционный фонд

Эта форма коллективных инвестиций может использоваться в качестве специальной юридической структуры для привлечения финансирования¹. Регулирует отношения, связанные с такого рода обособлением имущества, Закон об инвестиционных фондах. Создание инвестиционного фонда, что следует из самого названия, обусловлено желанием нескольких лиц объединить свое имущество для последующего инвестирования (абзац 1 ст. 1 Закона об инвестиционных фондах). Сам фонд – это имущество, принадлежащее на праве общей долевой собственности нескольким лицам, обособившим для его создания часть своего личного имущества. В состав фонда также входит имущество, полученное в ходе участия фонда в обороте. Под имуществом понимается в том числе и пассив (требования кредиторов, появившиеся в связи с участием активов фонда в гражданском обороте) (ч. 2 ст. 16 Закона об инвестиционных фондах).

Изначально существует лишь специализированная управляющая компания. Она разрабатывает договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом, который содержит правила доверительного управления фондом, и обеспечивает его регистрацию в Банке России. После регистрации к договору могут присоединиться в качестве учредителей физические и юридические лица: лицо передает часть своего имущества в фонд, где оно объединяется с имуществом иных учредителей и переходит в режим их общей долевой собственности под управлением специализированной компании. Для подтверждения факта внесения имущества учредителю управления выдается именная ценная бумага – инвестиционный пай.

¹ Туктаров Ю. Е., Семикова Л. Е. Управление риском банкротства в финансовых сделках // Частное право и финансовый рынок: сб. ст. / отв. ред. М. Л. Башкатов. М., 2011. Вып. 1. С. 116.

Отличительная особенность отношений общей долевой собственности в конструкции паевого инвестиционного фонда – отсутствие у собственников преимущественного права приобретения доли в праве общей собственности (абзац 3 п. 2 ст. 11 Закона об инвестиционных фондах). Удивительно подходит для объяснения отсутствия у учредителей паевого фонда такого преимущественного права то, что было написано М. В. Зимелевой еще в 1941 г.: «Институт преимущественной покупки не связан неразрывно с общей собственностью. <...> Право преимущественной покупки имеет смысл с точки зрения интересов участников общей собственности лишь в тех случаях, когда они заинтересованы в личной связи, на основе которой создается и управляется общее имущество, и в личных качествах своих товарищей по этому управлению». Когда «вокруг общего объекта группируются лица, не стоящие друг к другу в каких-либо особых личных отношениях», «каждый из них значительно более заинтересован в возможности свободно продать свою долю <...>, чем в возможности приобрести долю своего сотоварища в случае ее отчуждения»¹.

Инвестиционный фонд есть обособленное имущество, и оно обособлено как от личного имущества управляющей компании и имущества, ей не принадлежащего, но находящегося в ее управлении, так и от оставшегося имущества учредителей управления. Управляющая компания совершает сделки с имуществом фонда от своего имени, указывая при этом, что действует в качестве доверительного управляющего. Последствия несоблюдения этого правила аналогичны тем, что предусмотрены ГК РФ для договора доверительного управления любым иным имуществом, – компания обязывается перед третьими лицами лично и отвечает перед ними только принадлежащим ей имуществом (абзац 2 п. 3 ст. 1012 ГК РФ, абзац 2 п. 4 ст. 11 Закона об инвестиционных фондах).

Юридически имущество фонда обособлено в силу п. 3 ст. 15 Закона об инвестиционных фондах, в соответствии с которым нельзя обратить взыскание по

¹ Зимелева М. В. Общая собственность в советском гражданском праве. С. 208, 212.

долгам владельцев инвестиционных паев, в том числе при их несостоятельности (банкротстве), на имущество, составляющее паевой инвестиционный фонд. Сам пай в случае банкротства его владельца включается в конкурсную массу и реализуется посредством открытых торгов, победитель которых «встает в ботинки» своего должника в договоре доверительного управления. Разумеется, при банкротстве управляющей компании имущество фонда остается нетронутым, поскольку от личных долгов управляющей компании оно также обособлено. Зато по долгам, возникшим в связи управлением фондом, при недостаточности имущества последнего взыскание может быть обращено на имущество управляющей компании. Однако далее, на имущество учредителей взыскание обращено быть не может (п. 2 ст. 16 Закона об инвестиционных фондах). Это защитное обособление имущества, причем в сильной своей форме, характерной, например, для хозяйственных обществ.

Чем объясняется такой подход, принятый в российском правопорядке? На наш взгляд, это связано со спецификой той сферы, на которую распространяются нормы Закона об инвестиционных фондах. Она носит более рисковый, чем другие сферы, характер, в ее развитии заинтересованы государство и общество, поскольку с помощью коллективных инвестиций могут решаться те задачи экономики, которые не под силу решить одному государству. Таким образом, гарантия полной сохранности имущества учредителей, не внесенного в фонд, должна представляться дополнительным стимулом развития инвестиционной деятельности. Схожая логика прослеживается в инвестиционных товариществах применительно к товарищам-вкладчикам, не являющимся управляющими товарищами.

Выводы

1. Все рассмотренные нами отечественные правовые формы обособления имущества не порождают правосубъектных образований. При этом сказанное не означает, что они не обеспечивают сильного защитного обособления (пример – паевой инвестиционный фонд).

2. В основе доверительного управления лежит договор, право собственности при этом не переходит. Простое товарищество, инвестиционное товарищество, паевой инвестиционный фонд – формы обособления, создаваемые договором, но при этом обособленное имущество находится уже не в личной собственности участников обособления, а в общей. Общая собственность отделена от иного имущества собственников.

3. Все рассмотренные формы обособления влекут разделение собственности и управления в экономическом смысле. Названная черта является конститутивной и ярко выражена в конструкции доверительного управления, ПИФ. Разделение собственности и управления имеет место в простом и инвестиционном товариществах, где управление общими делами и имуществом одним товарищем от имени всех в своей основе имеет обязательство.

4. Все рассмотренные формы обособления, кроме простого товарищества, демонстрируют защитное обособление. Степень его проявления зависит от конкретной формы, а также от участия субъекта в управлении обособленным имуществом. Наивысшая степень защитного обособления присуща ПИФ. Подтверждающее обособление фиксируется применительно ко всем перечисленным конструкциям в разной степени; обычно оно сводится к установлению очередности обращения взыскания на имущество должника; в наивысшей степени присутствует в ПИФ.

5. Во всех рассмотренных формах роли учредителя и выгодоприобретателя могут пересекаться. Обычно учредитель по умолчанию является тем лицом, во благо которого осуществляется управление. В конструкциях доверительного управления и ПИФ роль управляющего предполагается отдельной от иных.

Глава 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОДЕЛИ ЛИЧНОГО ФОНДА КАК СПОСОБА УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА В ОБОСОБЛЕНИИ ИМУЩЕСТВА И УПРАВЛЕНИИ ИМ

§ 1. Формирование российского законодательства о личных фондах

На развитие отечественного законодательства, регулирующего способы управления частным капиталом, в том числе передачу таких активов по наследству, повлияли две тенденции. Первую в те годы выделила Л. Ю. Михеева: «Накопление негативной судебной практики по делам, связанным с доверительным управлением так называемыми бизнес-активами в период охраны наследства, способствовало началу процесса обновления института охраны наследства и управления им». И далее: «Совершенствование норм о доверительном управлении наследственной массой не может быть единственным направлением работы законодателя в сфере охраны и управления наследством. Экономические отношения в России сегодня таковы, что интересам некоторых собственников может отвечать создание принципиально иной системы управления их активами – системы, которая создается при их жизни и не может быть никем изменена в случае их смерти»¹.

Необходимость поиска эффективных правовых инструментов регулирования наследственного правопреемства бизнес-активов и в последующем отмечалась в литературе².

На наш взгляд, сказанное справедливо и в отношении ситуаций управления имуществом в более широком смысле, т. е. без привязки к наследованию.

Вторая тенденция связана с внешнеполитическими обстоятельствами и де-офшоризацией российской экономики. Появление наследственного фонда в

¹ Михеева Л. Ю. Институт охраны наследства и управления им: пути совершенствования // Актуальные вопросы наследственного права под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2016.

² Терновая О. А., Костин А. А. Актуальные вопросы получения российскими и иностранными гражданами статуса выгодоприобретателя личного фонда // Нотариальный вестн. 2022. № 6.

российском законодательстве – «это, в том числе, антиофшорная мера, поскольку ранее российские предприниматели вынуждены были переводить свои активы за рубеж, чтобы учредить такой фонд или траст. Сейчас они смогут оставлять бизнес в России, сохраняя здесь капиталы, рабочие места, развивая нашу экономику. Так что эта новелла будет способствовать повышению привлекательности российской юрисдикции», – подчеркивал П. В. Крашенинников¹.

Характерной чертой современных международных отношений, как пишет А. Г. Аксенов, является применение к России экономических санкций США, странами Европейского союза и отдельными государствами, а также ответных мер экономического воздействия нашего государства². Мысль о влиянии обстоятельств, внешних по отношению к отечественной юрисдикции, но обуславливающих соответствующую реакцию национальной правовой системы, продолжает И. А. Емелькина: «Деофшоризация российского бизнеса потребовала реакции законодателя на конкретные экономические потребности, в том числе в сфере создания механизма регулирования отношений по передаче бизнес-активов профессиональным управляющим с сохранением в руках собственника контроля за действиями управляющего, их охраны и передачи по наследству»³. Не без оснований в литературе обращается внимание на сложности, с которыми сталкиваются российские правоприменители при спорах по поводу имущества, права на которое оформлено через иностранные конструкции (корпоративные, договорные или вещно-правовые)⁴.

¹ Крашенинников П. В. Наследство до востребования // URL: <https://rg.ru/2017/07/31/krasheninnikov-nasledstvennyj-fond-novyy-sposob-upravleniia-imushchestvom.html>). О влиянии внешнеполитических обстоятельств на формирование модели личных фондов говорит и Д. И. Степанов. См.: Степанов Д. И. Гражданский кодекс и востребованность российского корпоративного права (часть вторая) // Закон. 2025. № 2. С. 131.

² Аксенов А. Г. Правовое регулирование международных коммерческих контрактов в условиях экономических санкций // Вестн. арбитражной практики. 2020. № 5.

³ Емелькина И. А. Проблемы соотношения вещного права с конструкцией «управление чужим имуществом» // Гражданское право. 2021. № 6.

⁴ Канашевский В. А. Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты) // Журн. российского права. 2016. № 9. С. 27–38; Емелькина И. А. Проблемы соотношения вещного права с конструкцией «управление чужим имуществом».

В 2015 г. был подготовлен и обсуждался проект Федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В нем предлагалась конструкция специального фонда (проектируемый п. 5 ст. 123.17 ГК РФ): фонд может учредить гражданин; управление должно осуществляться бессрочно или в течение определенного срока в соответствии с условиями управления, указанными в уставе фонда или ином внутреннем документе; условия управления фондом могут включать в себя положения о передаче третьим лицам всего или части имущества фонда, в том числе при наступлении обстоятельств, относительно которых неизвестно, наступят они или нет; условия управления фондом не могут быть изменены после смерти гражданина, являвшегося учредителем фонда¹.

При этом идея специального фонда не исчерпывалась целями наследования имущества, обособляемого собственником через конструкцию такого фонда. По словам Л. Ю. Михеевой, предложенная конструкция «имеет сходство с широко используемыми в западноевропейских правовых системах фондами, создаваемыми для наследования. В отличие от узкоспециализированных фондов, используемых только для передачи бизнеса наследникам, предлагаемые в законопроекте фонды могут быть использованы российскими гражданами и для организации благотворительной деятельности, в том числе для обеспечения продолжения такой деятельности после смерти основателя фонда»².

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/801269-6>.

² Михеева Л. Ю. Институт охраны наследства и управления им: пути совершенствования.

«Фонд позволяет обеспечить управление сложно структурированными активами в отсутствие „пригодного“ (в силу способностей, возраста, интересов и т. д.) к тому преемника в семье учредителя, а также предотвратить дробление активов несколькими преемниками, конфликты между преемниками-„собственниками“ и менеджерами семейного предприятия или уменьшение активов вследствие действия других институтов (совместной собственности на совместно нажитое имущество супругов, обязательной доли и др.)» (Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус дестинаторов частно-полезного фонда).

Важно отметить, что в иностранной правовой доктрине цель, лежащая «вне самого фонда», т. е. идеальная, связанная не только с содержанием наследников учредителя, зачастую рассматривается как непереносимое условие создания фонда – так называемое требование о внешней цели фонда. Е. Д. Тимербулатова приводит пример регулирования семейных фондов в Швейцарии: «Фонд, предназначенный для получения прибыли конкретной семьей или отдельными родственниками, нарушает запрет на создание семейных фидеикомиссов, а потому создание семейного фонда исключительно для обеспечения проживания (*Lebensunterhalt*) семьи или отдельных ее членов не допускается»¹. Забегая вперед, отметим, что сегодня ни к одному из видов российских личных фондов (наследственных, прижизненных, международных) не установлено требование о наличии идеальной цели. Поэтому при диспозитивном характере частноправового регулирования личный фонд в России идеальной цели может не иметь и создаваться для обеспечения интересов лишь конкретной семьи.

В европейских правовых порядках идеальная цель служит критерием деления организаций на коммерческие и некоммерческие. Как указывает Е. А. Суханов, организации с идеальными целями – например, союзы, германские партнерства, «европейские экономические объединения по интересам» – не вправе вести предпринимательскую деятельность, а посему их статус «существенно отличается от статуса корпораций торгового права»².

По нашему мнению, умолчание в действующем законе о том, должен ли учредитель личного фонда при его создании задавать идеальную цель (как основную или дополнительную), вызвано целым набором причин, причем оно может быть не окончательным.

Во-первых, в России еще формируется поколенческая преемственность больших состояний. Владение многими предприятиями оформлено через корпоративные юридические лица, доли и акции в которых принадлежат

¹ Тимербулатова Е. Д. Конструкция наследственного фонда в России и Германии // Вестн. экономического правосудия РФ. 2021. № 7. С. 140–164.

² Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. С. 38–39.

создателям бизнеса, активно участвующим в управлении им. Перед ними, как и в целом перед правовой системой, стремящейся к стабильности гражданского оборота, в качестве первоочередной задачи стоит такая передача активов, при которой бизнес при смене владельца сможет продолжать работать без потрясений. По выражению В. А. Белова, «мы имеем реальную, выдвинутую самой жизнью потребность: нужно сделать так, чтобы бизнес имел возможность как минимум сохраняться, а в идеале – развиваться, несмотря на смерть контролировавшего его лица»¹.

Во-вторых, требуется время, чтобы в среде крупных собственников была воспринята идея социальной функции собственности², неминуемо приводящая к осознанию, что наследников требуется не столько обеспечить финансово, сколько мотивировать к образованию, созиданию и гармоничному развитию³.

Качественно новый характер личного фонда сам по себе требует своего рода адаптационного периода для интеграции его конструкции не только в законодательство, но и в реально складывающиеся гражданские правоотношения. Диспозитивность правового регулирования личного фонда, проявляющаяся в широте возможностей при определении целей и структуры управления фондом, в том числе опция «донастройки» этой структуры учредителем при жизни, – это

¹ Белов В. А. Проблемы наследования бизнеса // Вестн. экономического правосудия РФ. 2015. № 7.

Аналогичные вопросы рассматриваются в иностранной доктрине. См., например: Why a trust works best for family wealth // Mint. 2020. URL: <https://www.livemint.com/money/personal-finance/opinion-why-a-trust-works-best-for-family-wealth-11597126369771.html>; Lowenhaupt A. C. Dynasty Trusts: Keeping the Family Business In Perpetuity // Campden FB. 2006. URL: <https://www.campdenfb.com/article/dynasty-trusts-keeping-family-business-perpetuity>; Truman D. How to Protect Your Family Wealth Through the Generations // Menzies. 2019. URL: <https://www.menzies.co.uk/protecting-family-wealth-through-the-generations>; Family Business Succession and Asset Protection // Lexology. 2020. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=f562fc03-168b-4b52-a5f8-dfbb17126199>.

² См. подробнее: Щенникова Л. В., Мигачева А. Ю. Узуфруктное право: истоки, сравнительно-правовой анализ и перспективы развития в России // Вестн. Пермского ун-та. Юридические науки. 2021. № 2.

³ В 2010 г. по инициативе миллиардеров Уоррена Баффетта и Билла Гейтса началась кампания «клятва дарения» (The Giving Pledge) с целью побудить богатейших людей мира пожертвовать большую часть их состояния на благотворительность (См.: Субуханкулова Л. Р. Мировой кризис и конституционное право частной собственности // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2).

преимущества, которые призваны обеспечить его востребованность в гражданском обороте. В свою очередь императивное требование о придании имущественному обособлению какой-либо внешней и не исходящей от самого собственника-учредителя цели способно вызвать обратный эффект.

Изучение уставов 11 прижизненных личных фондов, зарегистрированных в России с апреля 2022 г. по декабрь 2023 г.¹, показало, что лишь в одном из них зафиксирована цель, в некоторой степени напоминающая идеальную (не связанная исключительно с имущественными предоставлениями в адрес бенефициаров): управление имуществом фонда должно быть направлено не только на обеспечение финансового благосостояния выгодоприобретателей, но и на поддержку «делового, профессионального и творческого развития выгодоприобретателей».

29 июля 2017 г. Президент Российской Федерации подписал Федеральный закон № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации», главным нововведением которого, по оценке П. В. Крашенинникова, явилась совершенно новая для российского наследственного права конструкция – наследственный фонд. И хотя новелла предполагала создание фонда лишь после смерти собственника-учредителя (т. е. речь шла лишь о наследственном фонде), в национальном правовом порядке появился «способ управления имуществом, бизнесом, капиталом»², отвечающий объективно присутствовавшему запросу участников экономических отношений. Правила о наследственном фонде применяются с 1 сентября 2018 г.

«В большинстве случаев создание наследственного фонда имеет целью создать систему обеспечения имуществом близких для завещателя лиц, не разрушая при этом его бизнес», – писал П. В. Крашенинников³. В комментариях к закону отмечается: «Положения о наследственном фонде в основном были предназначены для обеспечения беспрепятственной передачи из поколения в

¹ Уставы фондов, созданных позднее августа 2024 г., не являются общедоступными.

² Крашенинников П. В. Наследство до востребования.

³ Крашенинников П. В. Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). 4-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

поколение коммерческих активов при избежании возможности дробления бизнеса»¹.

Критиковалась новая конструкция еще на стадии проектирования. В частности, Н. Ю. Рассказова отмечала, что «запроса практики на использование фондов нет, и поэтому созданию подобного закона должна предшествовать разработка концепции, в процессе которой мы бы увидели, как конструкция фонда впишется в систему регулирования»².

С. Л. Будылин подчеркивал: «Правовая конструкция частного фонда (близкая к конструкции английского частного траста) довольно радикально порывает с традициями континентально-европейского права, включая как корпоративное, так и в некоторой степени вещное право». И далее: «В ходе реформы наследственного права авторы законопроекта намерены осуществить довольно радикальную реформу законодательства о юридических лицах, впервые введя в российское право частные фонды, т. е. фонды, создаваемые не для блага общества в целом, а для блага конкретных частных лиц»³. Критику законопроекта он сводил к трем ключевым тезисам: 1) неготовность судебной системы к разрешению споров между участниками рассматриваемой конструкции обособления и их кредиторами; 2) отсутствие в отечественной юрисдикции «культуры фидуциарного управления активами»; 3) недостаточная «проработка текста закона, направленная на соблюдение баланса интересов выгодоприобретателей фонда между собой, выгодоприобретателей и руководства фонда, выгодоприобретателей и их кредиторов»⁴.

Н. В. Козлова полагала, что деятельность по управлению бизнес-активами, которую, предположительно, станет осуществлять фонд, будет противоречить его

¹ Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров. М., 2018.

² Рассказова Н. Ю. Мотив введения большинства новелл, касающихся наследственного права, – обеспечить наследование бизнеса // Закон. 2017. № 6. См. также: Крашенинников П., Михеева Л., Рассказова Н. и др. Наследственный фонд: альтернатива трастам в российском праве? // Закон. 2018. № 9. С. 18–38.

³ Будылин С. Л. Макабрический фонд. Реформа наследственного права России и зарубежный опыт // Вестн. экономического правосудия РФ. 2017. № 6. С. 162, 166.

⁴ Там же. С. 172.

организационно-правовой форме некоммерческого юридического лица¹. Е. Ю. Петров в качестве недостатка закона называл невозможность создания личного фонда при жизни учредителя, которому «остается только предполагать, как задуманная структура будет работать»².

Вместе с тем, как верно писала тогда же Л. Ю. Михеева, «наследственный фонд представляет собой промежуточную конструкцию, которая со временем неизбежно преобразуется в некое унитарное юридическое лицо, создаваемое гражданином при жизни и управляемое исключительно в соответствии с волей этого учредителя при его жизни и после его смерти... В России давно сформировался запрос на такую форму „хранения“ капиталов и управления ими»³.

Спустя годы обоснованность введенной конструкции стала подтверждаться, так как владельцы крупного бизнеса сталкиваются с необходимостью планирования наследства. «Такой подход позволяет существенно снизить риски возможных конфликтов и судебных споров между наследниками. В случае трансграничного наследования, если имущество находится на территории разных государств, возникают вопросы, связанные, в частности, с определением применимого права, различными правилами об обязательной доле, уплатой налогов и т. д. Наличие завещания в ситуации с международным наследованием не всегда гарантирует решение вышеуказанных проблем»⁴.

Е. Д. Тимербулатова приходит к выводу, что «российские наследственные фонды наиболее близки к семейным фондам, широко распространенным в странах немецкой правовой семьи»⁵. Для тех же целей в других странах используются наследственные трасты. При этом, как считает М. Лау, «лучший способ экспортировать трасты в гражданские юрисдикции – рассматривать их

¹ Крашенинников П., Михеева Л., Рассказова Н. и др. Наследственный фонд: альтернатива трастам в российском праве?

² Крашенинников П., Михеева Л., Рассказова Н. и др. Наследственный фонд: альтернатива трастам в российском праве?

³ Там же.

⁴ Терновая О. А., Костин А. А. Актуальные вопросы получения российскими и иностранными гражданами статуса выгодоприобретателя личного фонда. С. 6–18.

⁵ Тимербулатова Е. Д. Конструкция наследственного фонда в России и Германии.

(трасты) как юридические лица, которые признаны практически во всех правовых системах и позволяют избежать английской проблемы двойственности правового титула»¹.

Частично приведенные критические замечания в отношении конструкции наследственного фонда законодателем в дальнейшем были учтены. Так, появилась возможность создания фондов при жизни учредителя.

Относительно мнения Н. В. Козловой о нарушении конструкцией личного фонда логики «легальной дихотомии коммерческих и некоммерческих юридических лиц» вслед за Д. П. Заикиным можно сказать то, что во многих правовых порядках таковая в принципе отсутствует (например, в германском, нидерландском, шведском, австрийском и французском)². Деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие присуще только российскому праву. Причем, как считают многие наши юристы, данный признак классификации юридических лиц нуждается в переосмыслении. Например, Л. Ю. Михеева полагает, что законодатель может начать использовать термин «фонд» применительно как к некоммерческим, так и к коммерческим лицам³. По ее словам, «нормы о личном фонде в известной степени вынужденно были погружены в ту область ГК РФ, где описываются некоммерческие юридические лица»⁴.

С. А. Синицын, ссылаясь на итальянский опыт, отмечает, что «предпринимательская деятельность не ограничивается только извлечением прибыли и управлением будущими доходами, а в действительности должна трактоваться как свободная от типизированных шаблонных ограничений форм целей и деятельности, которые в действительности могут сочетать любые

¹ Lau M. W. The Economic Structure of Trusts: Towards a Property-based Approach. N. Y., 2011. P. 78–79. Цит. по: Емелькина И. А. Проблемы соотношения вещного права с конструкцией «управление чужим имуществом» // Гражданское право. 2021. № 6. С. 12–17.

² Заикин Д. П. Общетеоретическая модель правосубъектного фонда в контексте двух дихотомий // Вестн. гражданского права. 2020. № 5. С. 7–72.

³ Крашенинников П. В., Михеева Л., Рассказова Н. и др. Наследственный фонд: альтернатива трастам в российском праве?

⁴ Михеева Л. Ю. Отзыв официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук Д. П. Заикина на тему: «Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации». 2021. С. 2.

конфигурации структурной, экономической и оптимизированной выгоды участия в юридическом лице». И еще: «Предпринимательские корпорации могут не заниматься коммерческой деятельностью, как и могут существовать некоммерческие организации, которые на деле могут непосредственно заниматься или координировать коммерческую деятельность, осуществляемую другими лицами». Поэтому заслуживает поддержки идея «особых правовых режимов для лиц, выходящих за пределы собственной правоспособности, налагающих на таких субъектов дополнительное бремя, в том числе налоговое»¹.

Приводя по рассматриваемому вопросу опыт германского законодателя, Д. И. Заикин выделяет три отличия его подхода от классического российского подхода к построению системы юридических лиц: 1) в качестве некоммерческой организации выступает лишь ассоциация; 2) отсутствует дихотомическое деление; 3) при отнесении ассоциации к коммерческой или некоммерческой цель существенной роли не играет².

О. В. Гутников считает, что «последовательное применение функционального подхода может привести к переоценке имеющихся видов организационно-правовых форм юридических лиц. В частности, появляются перспективы появления более общих, укрупненных видов организационно-правовых форм, конститутивные признаки которых основаны исключительно на

¹ Сеницын С. А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита // Вестн. гражданского права. 2018. № 4.

² Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 45. Ученый пишет: «То, насколько необходима защита кредиторов не позволяет выбрать форму ассоциации, не предусматривающей в отличие от институтов АО, ООО и кооператива необходимого набора средств, направленных на защиту кредиторов (например, требований к минимальному размеру уставного капитала), зависит не от цели данной ассоциации, а от особенностей деятельности данной ассоциации, в зависимости от которых выделялось три типа коммерческой ассоциации»; «к указанной выше типизации добавился один эластичный критерий, по факту допускавшийся отдельными представителями объективной теории»: «предпринимательская (коммерческая) деятельность дозволена, когда она функционально подчинена основной некоммерческой деятельности и если такая коммерческая деятельность связана с основной как средство и цель (Mittel-Zweck-Relation)» (Там же. С. 42–43).

внутреннем корпоративном устройстве юридических лиц, а не на том, осуществляют ли они фактически коммерческую деятельность»¹.

Сложно спорить с тем, что если в складывающихся экономических отношениях рассматриваемая дихотомия утратила значение, а цели, которые преследовал законодатель, давая такую классификацию юридических лиц², могут быть достигнуты иными механизмами, то вряд ли имеет смысл лишать правопорядок эффективного инструмента управления имуществом в угоду формальному делению юридических лиц на коммерческие и некоммерческие.

Позитивное право может и должно регулировать отношения «здесь и сейчас» и задавать ориентиры их развития в будущем. Устанавливая какие-либо нормы, законодатель не только решает сиюминутные вопросы субъектов регулируемых отношений, но и сигнализирует о том, как эти отношения могут или должны строиться в будущем, предлагая различные варианты. Могут задаваться новые стандарты поведения участников оборота и стандарты работы судебной системы. Отечественное законодательство уже не раз демонстрировало такое развитие. Поэтому при совершенствовании правовой системы было бы ошибкой ориентироваться лишь на то, какие правоотношения обычно складывались до этого, поскольку такой подход не подразумевает стремления к более эффективному и гармоничному правопорядку. Развитие любой системы предполагает ее изменение. И. И. Шувалов верно подчеркивает, что «право является наукой не столько о сущем, о стихийно сложившихся отношениях, сколько о должном, или, перефразируя И.

¹ Гутников О. В. Классификация юридических лиц в современном корпоративном праве: организационно-правовые формы и критерии их разграничения.

² «Смысл состоит в ограничении возможности участия некоммерческих юридических лиц (благотворительных фондов, бюджетных и иных учреждений, общественных организаций и т. д.) в предпринимательской деятельности в ущерб своим основным задачам (отраженным в их целевой правоспособности). Невозможно полностью лишить некоммерческие организации права получать доходы с целью материального обеспечения своей основной деятельности, но и полный отказ от деления юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации повел бы к безграничному развитию предпринимательской деятельности под маской некоммерческих организаций» (Суханов Е. А. Комментарии к статьям 48, 50 Гражданского кодекса РФ // Вестн. гражданского права. 2022. № 1. С. 136–166).

Канта, о максимуме совершенства, который не всегда достижим на практике, но служит путеводной звездой»¹.

3 августа 2018 г. был принят Федеральный закон № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»². Изначально он определял правовое положение хозяйственного общества со статусом международной компании, зарегистрированного в едином государственном реестре юридических лиц в связи с изменением иностранным юридическим лицом личного закона в порядке редомициляции, права и обязанности его участников, особенности его деятельности, реорганизации и ликвидации. Однако уже через год (26 ноября 2019 г.) в названный нормативный правовой акт были внесены изменения, касающиеся статуса международного фонда. В новой ч. 1 ст. 12.1 Закона фонд был определен как унитарная некоммерческая организация, зарегистрированная на территории специального административного района, не имеющая членства, учрежденная иностранным юридическим лицом (лицами) и (или) российским юридическим лицом (лицами), которое является участником (которые являются участниками) специального административного района, для осуществления управленческих, социальных и иных функций некоммерческого характера. Такой международный фонд не только не мог распределять прибыль между учредителями, что соответствует типу этой организационно-правовой формы, но и осуществлять иные выплаты в пользу каких-либо лиц. Следовательно, он не пригоден для целей управления частным капиталом в том понимании, которое придается ему на страницах данной работы.

Прижизненная (по отношению к учредителю) конструкция управления частным капиталом, подразумевающая создание отдельной личности – в форме унитарной некоммерческой организацией, – была введена в российское гражданское законодательство Федеральным законом от 01.07.2021 № 287-ФЗ, в

¹ Шувалов И. И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 196.

² Далее – Закон о международных компаниях.

соответствии с которым с 1 марта 2022 г. граждане получили право на учреждение личного фонда.

К. А. Корсик по этому поводу писал: «Новые положения ГК РФ о личных фондах помогут решить ряд сложных вопросов создания и деятельности наследственного фонда. Прежде всего наследодатель, который планирует оставить в качестве наследника наследственный фонд, может создать это юридическое лицо в статусе личного фонда еще при жизни, выступив его учредителем, и, участвуя в его создании и деятельности, устранить возникающие недостатки в организации и управлении»¹. По замечанию А. В. Демкиной, новая организационная форма юридического лица является «завершением комплексного совершенствования норм наследственного права, начатого в 2001 году»².

Поступательное развитие инструментария управления имуществом, расширение отечественным законодателем сферы действия диспозитивных начал частного права привели к наличию у граждан возможности выбора той конструкции, которая учитывала бы все многообразие их целей в отношении своего имущества, т. е. определить его судьбу.

Однако личный фонд, предусмотренный ГК РФ, не стал последним в ряду российских юридических лиц, опосредующих обособление имущества в целях управления частным капиталом. В 2022 г. в главу 3 Закона о международных компаниях был добавлен § 2, в соответствии с нормами которого с 26 марта 2022 г. появилась возможность регистрации международного личного фонда (в том числе наследственного фонда) в порядке редомициляции или инкорпорации на территории специальных административных районов. Международный личный фонд легально определялся следующим образом: это унитарная некоммерческая организация, не имеющая членства, зарегистрированная на территории специального административного района в порядке редомициляции или в порядке

¹ Корсик К. А. Нотариальная деятельность по сопровождению личных фондов: новеллы законодательства // Нотариальный вестн. 2021. № 11.

² Демкина А. В. Личные фонды в рамках реформы наследственного права России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 12. С. 63–74.

инкорпорации, учрежденная на определенный срок или бессрочно физическим лицом, являющимся гражданином Российской Федерации или иностранным гражданином, либо созданная во исполнение завещания гражданина после его смерти (международный наследственный фонд), осуществляющая управление переданным ей этим гражданином или унаследованным от этого гражданина имуществом в соответствии с утвержденными этим гражданином условиями управления (ч. 1 ст. 12.15 Закона о международных компаниях).

Таким образом, российское законодательство закрепляет две формы международных фондов – общественно полезные и личные.

Необходимость внесения в Закон о международных компаниях определенных изменений рассматривалась Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (далее – Совет). В Экспертном заключении Совета № 214-2/2021, принятом 23 декабря 2021 г., отмечено: «Совершенно очевидно, что основная цель создания модели международного фонда заключается в переводе в отечественную юрисдикцию небольшого числа офшорных компаний, контролируемых российскими лицами. Сам же Закон о международных компаниях можно рассматривать в качестве одной из разовых мер по деофшоризации российской экономики. Именно поэтому внедрение в российское законодательство конструкций организационно-правовых форм международного общественно полезного фонда и международного личного фонда не должно осуществляться „в обход“ соответствующих положений ГК РФ о личных фондах»¹.

До принятия Закона № 251-ФЗ все формы международных фондов выступали как автономные организационно-правовые формы юридического лица. Изучение иностранного опыта регулирования сопоставимой сферы отношений показало, что «в отличие от решения, предложенного российским законодателем, иностранные правовые порядки предлагают иностранным фондам и иным

¹ URL: http://privlaw.ru/codification/meetings-of-the-council/?ELEMENT_ID=3145.

некоммерческим организациям осуществлять перерегистрацию в качестве обычных национальных юридических лиц»¹.

Анализ норм ГК РФ о личном фонде и положений Закона о международных компаниях позволяет говорить о том, что между этими формами и сегодня существуют определенные различия.

1. Согласно п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ стоимость имущества, передаваемого личному фонду (за исключением наследственного фонда) его учредителем при создании личного фонда, не может быть менее 100 млн руб. Для создания международного личного фонда в силу п. 2 ч. 3 ст. 12.15 Закона о международных компаниях стоимостной порог изначально составлял 5 млрд руб., в настоящее время – не менее 500 млн руб.

2. При создании международного личного фонда учредитель обязан представить заверение об отсутствии банкротства в отношении него (в случае регистрации в порядке инкорпорации), а в отношении иностранного личного фонда (в случае регистрации в порядке редомициляции) – об отсутствии производства по делу о несостоятельности (банкротстве) в соответствии с личным законом соответствующего лица. При регистрации международного наследственного фонда такие заверения должны быть представлены каждым выгодоприобретателем в отношении учредителя наследственного фонда (ч. 4 ст. 12.16 Закона о международных компаниях).

3. По Закону корпоративная структура международного личного фонда достаточно императивна, напоминает структуру акционерного общества. Для принятия решений в таких фондах необходим кворум. В свою очередь, положения ГК РФ об управлении личным фондом сформулированы максимально диспозитивно: при жизни учредителя личного фонда состав органов, их функции и лица, входящие в состав этих органов, определяются учредителем личного

¹ Научный анализ норм российского права о статусе международных компаний и международных фондов в Российской Федерации: отчет, подготовленный в рамках выполнения государственного задания, утв. Исследовательскому центру частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации (номер в ЕГИСУ НИОКТР АААА-А21-121012090142-5). С. 58. Автор являлся одним из исполнителей названного исследования.

фонда в соответствии с уставом и условиями управления личным фондом (п. 1 ст. 123.20-7 ГК РФ).

4. В ч. 3 ст. 12.7 Закона о международных компаниях предусматривается возможность закрепления в уставе международного личного фонда условия об обязательном возврате учредителю(-ям) в случае ликвидации фонда внесенных им (ими) в международный фонд акций и долей в уставном капитале российских юридических лиц и(или) иностранных юридических лиц, а также ценных бумаг, удостоверяющих права в отношении акций и долей в уставном капитале российских юридических лиц и (или) иностранных юридических лиц. Применительно к личным фондам в абзаце 2 подп. 5 п. 11 ст. 123.20-4 ГК РФ сделан иной акцент: оставшееся после ликвидации личного фонда имущество подлежит передаче выгодоприобретателям личного фонда соразмерно объему их прав на получение имущества или дохода от деятельности личного фонда, если условиями управления личным фондом не предусмотрены иные правила распределения оставшегося имущества, в том числе его передача лицам, не являющимся выгодоприобретателями. Передача имущества учредителю личного фонда применяется как дефолтное правило только при отсутствии возможности определить лиц, которым подлежит передаче оставшееся после ликвидации личного фонда имущество.

Приведенные различия по-прежнему позволяют считать актуальным поставленный еще в упомянутом Заключение Совета № 214-2/2021 вопрос об отмене положений Закона о международных компаниях в части регулирования международных личных фондов и об установлении переходного периода для приведения уставов международных личных фондов, ранее зарегистрированных на территории России, в соответствие с положениями ГК РФ о личных фондах. Как говорится в Заключении, это не только снизит риски возникновения пробелов и противоречий в рассматриваемой сфере правового регулирования, но и будет способствовать дальнейшей гармонизации российского законодательства о юридических лицах.

Федеральным законом от 08.08.2024 № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Закон о международных компаниях были внесены изменения, ключевым из которых можно считать новую редакцию ч. 1 ст. 12.15, которая определяет международный личный фонд как личный фонд, зарегистрированный на территории специального административного района в порядке редомициляции или инкорпорации. Положения ГК РФ и других федеральных законов о личных фондах применяются к международным личным фондам, если иное не предусмотрено правилами Закона о международных компаниях (ч. 7 ст. 12.15 Закона о международных компаниях). И хотя Закон по-прежнему прямо не отвечает на вопрос, подлежат ли применению по отношению к учредителям международных личных фондов положения ГК РФ о субсидиарной ответственности (п. 6 ст. 123.20-4 ГК РФ), нет оснований считать, что эти принципиальные для гражданского оборота положения не применяют к международным личным фондам.

Несмотря на близость конструкций личного фонда и международного личного фонда, телеология их различна. Если личный фонд – это институт частного права, закономерно сформировавшийся на основе социальных и экономических предпосылок, существующих в государстве, то международный личный фонд представляет собой скорее «быстрый ответ», реакцию национальной правовой системы на внешние временные обстоятельства, нежели объективно необходимую в современном правопорядке конструкцию. Причины появления международных личных фондов лежат вне права, а потому место и роль соответствующих норм в законодательстве о юридических лицах может оцениваться лишь с точки зрения пользы, которую эта организационно-правовая форма несет для российских участников экономической деятельности.

Международный личный фонд есть разновидность личного фонда, сформированная под влиянием объективных политических и экономических обстоятельств в конкретный момент времени. Существование такой разновидности фондов можно считать оправданным до тех пор, пока перед

участниками экономических отношений стоят задачи, решаемые с их помощью. В то же время «общественно полезный фонд продолжает рассматриваться российским законодателем в качестве самостоятельной организационно-правовой формы юридического лица, существенно отличающейся от личного фонда, а поэтому заведомо не способной регламентироваться идентично»¹.

Федеральный закон от 08.08.2024 № 237-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» регулирование личных фондов изменил. На наш взгляд, наиболее принципиальными являются следующие положения: 1) увеличен перечень источников получения личным фондом имущества; сегодня любое третье лицо (не только учредитель) может безвозмездно передать имущество в личный фонд (пп. 1 и 4 ст. 123.20-4 ГК РФ); 2) учредитель может ограничить в уставе собственное право на внесение при своей жизни изменений в устав, условия управления и иные внутренние документы личного фонда (абзац 5 п. 8 ст. 123.20-4 ГК РФ)²; 3) уставом личного фонда может быть предусмотрено применение иностранного права к отношениям с участием личного фонда, учредителя этого фонда, выгодоприобретателей этого фонда, а также лиц, входящих в состав органов этого фонда, если это отношения с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо отношения, осложненные иным иностранным элементом (п. 5 ст. 1202 ГК РФ)³.

Приведенные изменения не нашли отражения в пояснительных документах разработчиков законопроекта. На наш взгляд, их можно прокомментировать следующим образом.

1. Положение о возможности третьих лиц безвозмездно передать личному фонду имущество прямо противоположно ранее действовавшему

¹ Сойфер Т. В. Отзыв официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук Д. П. Заикина на тему: «Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации». 2021. С. 6.

² Ранее это право учредителя фонда было безусловным.

³ Это положение является исключением из общего правила, по которому личным законом юридического лица считается право страны, где учреждено юридическое лицо (п. 1 ст. 1202 ГК РФ).

законодательному подходу (такая передача была прямо запрещена). Догматически новый подход законодателя небезупречен. Хотя личный фонд по-прежнему остается некоммерческой унитарной организацией, а у третьих лиц, передавших личному фонду свое имущество, не появляется каких-либо прав в отношении фонда, приведенное изменение подрывает саму идею создания фонда. Учредитель посредством фонда обособляет собственное имущество, поэтому он вправе установить цель управления этим имуществом, определить выгодоприобретателей, задать условия управления, а также изменять все перечисленное по своему усмотрению.

Предположим, что появление этой нормы обусловлено прагматическими мотивами. То есть одной из причин нового решения могло стать желание законодателя упростить аккумуляцию в личном фонде всего имущества, экономическим собственником которого является учредитель фонда (не будучи собственником некоторого имущества в юридическом смысле). В этом и может проявляться прагматизм законодателя. Казалось бы, если можно, например, подарить имущество гражданину, то нет оснований запрещать такое дарение в адрес личного фонда того же гражданина, при том что фонд является его «продолжением». Отличие состоит в том, что попади подарок на «юридическую секунду» в имущественную массу учредителя личного фонда, он может стать источником погашения требований его личных кредиторов. Если же подарок делается фонду, то для кредиторов учредителя он недоступен, учредитель при этом остается экономическим собственником имущества, юридически принадлежащего личному фонду. Изложенное, на наш взгляд, имеет большой потенциал для нарушения прав и законных интересов кредиторов гражданина, учредившего фонд.

Конечно, и ранее лицо могло приобрести имущество с использованием «мнимого собственника»¹, т. е. оформить право на имущество на третье лицо, с

¹ «Мнимый собственник – обобщающее понятие для различных правовых ситуаций, когда имущество передается доверенному лицу, выступающему в обороте в роли „юридического“ собственника с ограниченными правами в отношении имущества.

которым оно находится в доверительных отношениях. Однако можно выделить, как минимум, два принципиальных отличия между отношениями, связанными с мнимой собственностью, и отношениями, возникающими при получении имущества личным фондом.

Во-первых, отношения мнимой собственности существуют вне правового поля и, следовательно, оставляют экономического собственника без средств правовой защиты в случае, например, несогласованного отчуждения имущества или смерти мнимого собственника (даже при наличии завещания в пользу экономического собственника интересы обязательных наследников мнимого собственника подлежат защите). В свою очередь, в личном фонде, в который третье лицо передаст имущество для управления во благо его учредителя, учредитель – он же экономический собственник – располагает правовыми средствами воздействия на агентскую проблему, которая возникает в личном фонде в связи с разделением собственности и управления.

Во-вторых, кредиторы экономического собственника могут бессрочно ссылаться на мнимость собственности третьего лица, держащего имущество в интересах должника, и требовать обращения взыскания на указанное имущество как на имущество должника. В личном же фонде субсидиарная ответственность последнего ограничена конкретным сроком, а факт управления имуществом в интересах выгодоприобретателей, в число которых может входить и учредитель, не является основанием для признания фонда мнимым; напротив, именно такая цель управления и предполагается.

2. Как будет показано далее, личный фонд критиковался за недостаточную автономию от учредителя. В этом смысле изменение редакции абзаца 5 п. 8 ст. 123.20-4 ГК РФ при первом приближении должно приветствоваться. Однако анализ проблем управления личным фондом

Квалифицирующими элементами выступают осознание подставным лицом факта держания титула в интересах другого лица, отсутствие у действительного собственника намерения передать полноценное право собственности, его контроль за имуществом, условная передача права собственности, фидуциарность отношений» (Кантор Н. Е. Мнимый собственник: вопросы правовой квалификации // Закон. 2024. № 2).

убеждает в том, что учредитель вправе, хотя бы в судебном порядке, вмешаться в управление личным фондом, если у него появилась информация о совершении при этом действий, нарушающих закон или не соответствующих цели фонда, даже когда уставом фонда была исключена возможность учредителя при жизни изменять устав, условия управления и иные документы фонда. Другое решение противоречило бы статусу учредителя как субъекта интереса или экономического собственника в отношении имущества, обособленного посредством учреждения личного фонда.

По той же логике сложились наши взгляды на право бенефициара требовать возмещения убытков, несмотря на незакрепленность названного права в уставе. Соответствующая воля учредителя выводится путем толкования цели личного фонда, поскольку при определенных обстоятельствах от реализации этого способа защиты будет зависеть возможность продолжения деятельности фонда и достижимость заданных учредителем целей. Полная автономность личного фонда от учредителя и полный операционный контроль учредителя над фондом представляют собой оппозиционные точки, между которыми учредитель балансирует с целью предотвратить агентскую проблему, с одной стороны, и не лишить обособленности имущества фонда – с другой.

3. Новый п. 5 ст. 1202 ГК РФ подтверждает наш тезис о том, что одной из двух социально-экономических тенденций, повлиявших на развитие института личных фондов, являются сложности использования, а затем – почти полная невозможность использования российскими гражданами иностранных конструкций при оформлении правоотношений, складывающихся по поводу имущества. В настоящее время российский закон прямо допускает возможность подчинения иностранному праву отношений с участием личного фонда, учредителя этого фонда, выгодоприобретателей этого фонда, а также лиц, входящих в состав органов этого фонда, если это отношения с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо отношения, осложненные иным иностранным элементом. Обеспечивая дополнительную

гибкость названных отношений, это положение закона делает конструкцию личного фонда еще более неопределенной для третьих лиц.

Выводы

1. На развитие российского института личных фондов повлияли две социально-экономические тенденции. Первая (внутренняя) тенденция – появление у частных лиц имущества предпринимательского назначения и, как следствие, возникновение у них желания сохранить функциональное назначение и работающее состояние имущественных комплексов после своей смерти. Вторая (внешняя) – вызвала к жизни модель международного личного фонда и ускорила появление личного фонда в ГК РФ. Эта внешняя тенденция также предопределила появление в ГК РФ п. 5 ст. 1202 ГК РФ о возможности подчинения иностранному праву отношений, возникающих в связи с обособлением имущества посредством личного фонда, если такие отношения осложнены иностранным элементом.

2. Несмотря на сохраняющиеся отличия в регулировании, международный личный фонд является разновидностью личного фонда, что означает распространение на международные личные фонды правил ГК РФ о личных фондах, если специальным законом не предусмотрено иное.

3. Общественно полезный фонд выступает по отношению к личному фонду самостоятельной организационно-правовой формой юридического лица.

4. Российская модель личного фонда не требует наличия у него внешней идеальной цели. В то же время не исключено фактическое установление учредителем такой цели в уставе. Отсутствие правил об обязательной внешней цели личного фонда может быть связано с необходимостью адаптации участников экономических отношений – пользователей правовой конструкции личного фонда – как к самой новой конструкции, так и к идее социальной функции собственности.

5. Деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие имеет значение не само по себе, оно предопределяет подлежащие применению правовые режимы. Выбор публично-правового режима может осуществляться не только по

субъекту, но и по видам деятельности субъекта, что в итоге способно обеспечить точечное и справедливое распределение, в частности, налоговой нагрузки.

6. Новое положение ГК РФ о возможности личного фонда безвозмездно получить имущество от третьих лиц открывает для его учредителя возможности для использования данной конструкции во вред своим кредиторам, так как он, не становясь юридическим собственником этого имущества и, как следствие, не отвечая им перед своими кредиторами, получает это имущество в свое экономическое господство.

7. Закрепленная в ГК РФ норма о возможности ограничить в уставе право учредителя при жизни изменять устав, условия управления и иные внутренние документы личного фонда как законодательная новелла направлена на усиление автономии личного фонда от учредителя. Однако это правило требует балансировки путем предоставления учредителю права в судебном порядке вмешаться в управление личным фондом при появлении информации о совершении фондом действий, нарушающих закон или не соответствующих цели фонда.

§ 2. Личный фонд по российскому праву:

соотношение с функционально схожими

иностранными правовыми формами обособления имущества

Личный фонд как российская правовая модель обособления имущества отвечает тем качественным характеристикам, которые присущи англосаксонскому трасту и континентальным трастовым конструкциям, французской фидуции и немецкому доверительному управлению. По мнению Д. П. Заикина, в континентальных правовых порядках фонды вообще становятся одним из ключевых инструментов управления благосостоянием и наследственного планирования. Это единственный правовой институт, который

«может придать вечность человеческой воле и обеспечить ее долгосрочную реализацию»¹.

Вместе с тем данным формам наряду с преимуществами присущи определенные недостатки.

Так, применительно к англосаксонским трастам Д. В. Дождев вполне справедливо отмечал: «Траст позволяет на долгий срок вывести имущество из оборота, нарушая интересы кредиторов и наследников; управляющий траста не заинтересован в получении максимального дохода от имущества траста; управление трастом подчинено задачам сохранения имущества, а не его увеличения, так что управляющему не рекомендуется вступать в рискованные коммерческие предприятия, обещающие высокий доход; траст создает неопределенность в наличном распределении имущества, что способно ввести в заблуждение субъектов оборота и налоговые органы; траст наделяет бенефициария неоправданными привилегиями по отношению к кредиторам траста; траст создает особый режим имущества, нарушая общие принципы и нормы права»².

В литературе обращается внимание на историческую связь фонда и фидеикомисса (*fideicommissum*) – «института наследственного права, который позволял обособить имущество для управления и получения выгод иными лицами»³. Этим можно объяснить те черты модели фонда, которые в современных правовых порядках обрамляются балансирующими правилами. Е. Ю. Петров приходит к выводу, что негативное отношение многих законодателей к подобным имущественным обособлениям «помимо вопросов ответственности по долгам и проблем взаимодействия фидуциария и бенефициара может быть также

¹ Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. С. 3. См. также: Заикин Д. П. Общетеоретическая модель правосубъектного фонда в контексте двух дихотомий.

² Дождев Д. В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву. Т. 1. С. 233.

³ Тимербулатова Е. Д. Конструкция наследственного фонда в России и Германии.

связано с нежеланием стимулировать появление материально обеспеченных, но экономически неактивных социальных групп („новая аристократия“)»¹.

По справедливому замечанию Д. П. Заикина, «функционал института фонда неизбежно приводит к разрыву между формальным (юридическим) и материальным (экономическим) положением. Проблемную плоскость в фондах следует ориентировать на понимание пределов данного разрыва, а равно связи между формой и экономической целью»². Согласимся, что именно в этом направлении сосредоточен поиск правил, точечное использование которых позволяет соблюсти баланс интересов как участников конструкции, так и встречающихся с ними в гражданском обороте третьих лиц. «От степени контроля, проявляющегося в первую очередь в участии во внутренних процессах принятия фондом решений в отношении управления и использования его имущества, зависит то, насколько в экономическом смысле дестинаторы станут занимать позицию собственника имущества фонда, при том что формальным собственником является фонд»³.

Должник отвечает по принятым на себя обязательствам всем своим имуществом. Причем в аспекте юридической ответственности под своим понимается не только то, что принадлежит лицу юридически, но и то, над чем лицо фактически осуществляет контроль, не имеющий под собой какой-либо самостоятельной каузы. Не должно существовать такой модели, которая бы обеспечивала сильное защитное обособление для имущества учредителя, если тот продолжает осуществлять контроль над обособленным активом, из управления которым проистекают кредиторские притязания. На этом тезисе во всех правопорядках базируется ответственность (в форме убытков или, как сложилось

¹ Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров (автор коммент. Е. Ю. Петров).

² Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус дестинаторов частно-полезного фонда.

³ Там же.

в России, субсидиарной ответственности) лиц, стоящих за организацией, в случае ее банкротства¹.

В свете сказанного краеугольным в дискуссии о личном фонде является вопрос о его автономии от учредителя и бенефициаров.

Д. П. Заикин пишет, что принцип автономии фонда раскрывается в двух аспектах. Во-первых, здесь реализуется принцип разделения, в силу которого учредитель передает имущество в фонд и не приобретает прав в отношении фонда и переданного ему имущества (в том числе по умолчанию он не имеет права на реорганизацию или ликвидацию фонда и возврат соответствующего имущества). Во-вторых, действует принцип кристаллизации, «согласно которому первоначальная воля учредителя, т. е. его воля на момент создания фонда, фиксируется в решении о создании фонда и его уставе (в первую очередь в виде цели фонда), предопределяя последующие процессы волеобразования в фонде: воля фонда на совершение юридически значимых действий формируется его органами на основе указанной воли учредителя»².

В доктрине личный фонд подвергался критике за недостаточную автономию от учредителя, который согласно нормам ГК РФ в процессе деятельности фонда сохраняет права по изменению его целей, условий управления, состава органов³ (абзац 5 п. 8 ст. 123.20-4 ГК РФ). Изменения,

¹ «Несмотря на то что в законе не всегда указывается на недостаточность имущества (или денежных средств) юридического лица как условие привлечения к ответственности субсидиарного должника (участника), следует считать, что по смыслу закона корпоративная обеспечительная субсидиарная ответственность должна наступать исключительно при наступлении этого условия, так как цель ее введения и заключается в том, чтобы контролирующие лица в силу принципа отделения дополнительно гарантировали интересы кредиторов юридического лица, у которого не хватает своего имущества отвечать по принятым на себя обязательствам. В случае если юридическое лицо способно удовлетворить требования кредиторов за счет собственного имущества, привлечение участников и иных контролирующих лиц к корпоративной субсидиарной ответственности не имеет никакого смысла» (Гутников О. В. Субсидиарная ответственность в корпоративных правоотношениях: проблемы и перспективы // Право. Журн. Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 45–77).

² Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. С. 71.

³ Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. С. 105–106; Сойфер Т. В. Отзыв официального оппонента на диссертацию на

внесенные в Кодекс Законом № 237-ФЗ, сохранили по умолчанию указанное право учредителя, однако предусмотрели возможность исключить или ограничить его в уставе (эта возможность вызывает некоторую настороженность; см. об этом в главе 3 настоящего исследования).

Связь фонда с фидеикомиссом неочевидна. В западной литературе она ставится под сомнение, особенно из-за нетождественности экономических условий их появления и развития: «Фидеикомисс представлял собой лишь имущество с особым правовым режимом, состоявшее, как правило, из земельных участков (*Grund und Boden*), в то время как фонд является субъектом права и может иметь любое имущество, которым отвечает по своим долгам»¹. Особый вид имущества – земля: «она не возобновляема, ее ценность более устойчива по отношению к внешним факторам (не подвержена риску инфляции и не обесценивается с развитием технологий), что упрощает ее сохранение и передачу из поколения в поколение в сравнении с предприятиями и денежными средствами».

Исследователи сходятся во мнении, что обособление имущества в любой форме способно на долгое время исключить его из гражданского оборота или замедлить его². Учитывая эту черту (склонность) трастовой конструкции, английское право (*Perpetuities and Accumulations Act 1964*) выработало несколько правил, направленных на то, чтобы не допустить исключение имущества траста из оборота на неопределенный либо чрезмерно длительный срок. В целом их можно назвать «правила против непрерывности» (*the rule*

соискание ученой степени кандидата юридических наук Д. П. Заикина на тему: «Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации». 2021. С. 5.

¹ Burgard U. Gestaltungsfreiheit im Stiftungsrecht – Zur korporativer Strukturen bei der Stiftung. Dr. Otto Schmidt KG, 2006. S. 128, 129. Цит. по: Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус дестинаторов частно-полезного фонда.

² Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности. С. 258; Шамраев А. В. Правовое регулирование международных трастов // Закон. 2014. № 12; Останина Е. А. Принцип диспозитивности в наследственном праве: к постановке проблемы // Наследственное право. 2015. № 1; Зикун И. И. Конструкция доверительного управления в гражданском праве: нефидуциарная фидуциарность // Вестн. гражданского права. 2017. № 3. С. 52–102; Тимербулатова Е. Д. Конструкция наследственного фонда в России и Германии.

against perpetuities)¹. Первое правило, выработанное более трехсот лет назад, гласило, что траст прекращается по истечении двадцати одного года с момента смерти лица, жившего или зачатого в момент учреждения траста². Из-за практической сложности точного определения этого срока был введен альтернативный способ установления конечного момента траста – 80 лет с даты учреждения. В 2009 г. срок был продлен до 125 лет³. Трасти должен передать имущество определенным лицам в течение этого срока.

Главной задачей правил против бесконечных трастов является недопущение длительного исключения из оборота («блокирования») не столько имущества траста, сколько дохода от его использования. Поэтому учредитель траста должен определить периоды распределения между бенефициарами доходов от использования траста, а бенефициары вправе обратиться в суд с просьбой сократить установленные периоды⁴.

В континентальных правовых порядках для решения проблемы «власти мертвой руки» (когда имущество длительное время управляется по правилам, заданным лицом, давно ушедшим из жизни) законодательно устанавливаются предельные сроки существования фондов⁵. Такие сроки, как и при трастах, ориентировочно соответствуют жизни трех поколений (около века). Любопытно, что, по некоторым данным, большинство семейных состояний «распыляется» в течение этих лет⁶.

¹ Исключение из этого правила: бессрочными могут быть отдельные виды траста, например, целевые трасты, когда их цели являются общественно полезными (Перу) (Lupo M. Trusts: a comparative study. P. 286). Подробнее см.: Червец Е. И. Траст как один из способов обособления имущества: использование в обязательственных отношениях, аналогии с конструкциями отечественного права // Вестн. международного коммерческого арбитража. 2016. № 2. С. 202.

² Perpetuities and Accumulations Act 1964 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1964/55/section/3>.

³ Perpetuities and Accumulations Act 2009 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2009/18/notes>.

⁴ Lupo M. Trusts: a comparative study. P. 109–110.

⁵ Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус дестинаторов частно-полезного фонда.

⁶ Truman D. How to Protect Your Family Wealth Through the Generations // URL: <https://www.menzies.co.uk/protecting-family-wealth-through-the-generations>.

В России не установлен предельный срок, на который личные фонды могут быть созданы. Изучение уставов 11 личных прижизненных фондов, зарегистрированных с апреля 2022 г. по декабрь 2023 г., показало следующее: два фонда созданы на определенный срок; один фонд прекращает свою деятельность и подлежит ликвидации после смерти учредителя; оставшиеся восемь созданы бессрочно и продолжают существовать после смерти учредителей.

Как уже отмечалось, для обособления имущества посредством фондов (как и трастов) значение имеет цель, которая зачастую не сводится к интересам отдельной семьи. Наличие идеальной цели меняет отношение правопорядков к «постоянной связи конкретного имущественного фонда (богатства) с семьей»¹. Если имущество обособляется для общепольной цели, конечного срока у такой конструкции может не быть. Предельный срок – правило, устанавливаемое правопорядком для предупреждения угрозы гражданскому обороту. Когда такой угрозы нет либо когда ее риск менее значим, чем польза от обособления, законодатель оставляет решение подобных вопросов на усмотрение собственника.

Фонд является адекватным решением известной проблемы «защиты от самого себя», т. е. он направлен на сохранение обособленного имущественного пула как от личных кредиторов его создателя, так и от его наследников, поскольку последние могут оказаться не способными эффективно или просто не желающими управлять таким имуществом самостоятельно и принимать ключевые, стратегические управленческие решения. «Как правило, личные (наследственные) фонды создаются для управления долями в обществах с ограниченной ответственностью, акциями в акционерных обществах или недвижимым имуществом»². После внесенных в ГК РФ в августе 2024 г. изменений, допускающих ограничение права учредителя при жизни вносить изменения в устав фонда, условия управления и иные внутренние документы, формула «защита от самого себя» приобрела буквальное содержание.

¹ Тимербулатова Е. Д. Конструкция наследственного фонда в России и Германии.

² Фрик О. В., Бадер И. С. Влияние организационно-правовой формы юридического лица на выбор способа сохранения бизнеса в случае смерти его владельца // Нотариальный вестн. 2023. № 1.

В п. 1 ст. 123.20-4 ГК РФ содержится легальное определение личного фонда – учрежденная на определенный срок либо бессрочно гражданином или после его смерти нотариусом унитарная некоммерческая организация, осуществляющая управление переданным ей этим гражданином имуществом или унаследованным от этого гражданина имуществом, а также иным имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления. При этом наследственный фонд как самостоятельный субъект оборота возникает с момента внесения соответствующих сведений в ЕГРЮЛ.

Личный фонд вправе заниматься предпринимательской деятельностью, соответствующей целям, определенным в его уставе, и необходимой для достижения этих целей; личный фонд вправе создавать хозяйственные общества или участвовать в них (п. 5 ст. 123.20-4 ГК РФ)¹. С одной стороны, личный фонд – это гибрид, сочетающий организационно-правовую форму и цели деятельности уже знакомых отечественному праву юридических лиц, поскольку фактически такая конструкция предполагает ведение коммерческой деятельности, но организационно-правовая форма дает необходимую степень обособленности имущественной массы. С другой стороны, личный фонд – еще одно свидетельство того, что традиционная для российского права дихотомия коммерческих и некоммерческих юридических лиц все более утрачивает свое практическое значение.

Учредителем фонда является гражданин, создавший личный фонд при жизни или предусмотревший в своем завещании его создание². Соучредительство при этом не допускается; исключение – передача фонду общего имущества

¹ Особенность участия фонда в капитале хозяйственных обществ заключается в следующем: если личный фонд владеет более 25 % уставного капитала хозяйственного общества, то такое общество не может считаться субъектом малого и среднего предпринимательства в смысле Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», что лишает общество известных льгот.

² По данным пресс-службы Федеральной нотариальной палаты, а также открытых источников, по состоянию на конец мая 2023 г. в России удостоверено 1158 завещаний, предусматривающих создание наследственного фонда; в мае 2023 г. в ЕГРЮЛ зарегистрирован первый наследственный фонд – НО «Наследственный Фонд Юрия Рыбчинского»; создано 6 прижизненных личных фондов.

супругами. Как пишет Л. Ю. Михеева, «на этом этапе строительства института личного фонда российский законодатель исключил возможность соучредительства при создании фонда, проявляя известную и даже привычную для нас осторожность. Именно поэтому в ГК РФ нет того, что принято называть корпоративными элементами. Но даже допущенное в ГК РФ соучредительство в случаях наличия брака между учредителями создает риск разрушения фонда в результате внутреннего конфликта якобы кристаллизованной воли мужа и жены. Если наш правовой порядок в ответ на вызовы экономического характера сочтет целесообразным расширить перечень случаев допустимого соучредительства внутри фонда, все мы наконец-то отчетливо поймем, сколь тонка грань между унитарными и корпоративными юридическими лицами. В таком случае нам придется решать, нужна ли отечественному гражданскому праву строгая дихотомия «корпоративные – унитарные лица»¹.

Замена учредителя личного фонда также не разрешена (п. 3 ст. 123.20-4 ГК РФ). Данный запрет является специальным по отношению к общему правилу решения вопроса о замене учредителя некоммерческой организации. О. В. Гутников отмечает, что «отношения фиксированного членства могут быть в унитарной организации». Такое юридическое лицо не имеет членства, но все же его учредители становятся «„членами сообщества учредителей“, и их состав может меняться»² (п. 6 ст. 123.24 ГК РФ). А. В. Габов, считая, что «отсутствие членства не означает полного отсутствия взаимосвязи между учредителем и созданной с его участием организацией», полагает возможным не только переход по наследству прав и обязанностей учредителя АНО, но и их отчуждение за плату³.

По нашему мнению, запрет законодателя на замену учредителя личного фонда объясним тесной связью фонда со своим создателем. В фонде

¹ Михеева Л. Ю. Отзыв официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук Д. П. Заикина. С. 3.

² Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: моногр. М., 2019.

³ Габов А. В. Переход прав учредителя автономной некоммерческой организации // Закон. 2021. № 9.

кристаллизуется воля изначального собственника имущества, которое используется в заданных им направлениях и целях. Смысл этой конструкции состоит именно в том, что после смерти учредителя фонду не нужно новое лицо в этом же статусе. Фонд по своему устройству предполагается способным продолжать свою деятельность без учредителя, и, собственно, во многом именно этим он более привлекателен на фоне иных способов управления частным капиталом.

При передаче имущества учреждается юридическое лицо. Имущество ему передается гражданином либо может быть унаследовано после его смерти. Третьи лица также могут сегодня безвозмездно передавать имущество в личный фонд (пп. 1 и 4 ст. 123.20-4 ГК РФ). Одной из причин такого решения законодателя могло стать желание упростить аккумуляцию в личном фонде всего имущества, экономическим собственником которого является учредитель фонда (не будучи собственником некоторого имущества в юридическом смысле)¹.

Минимальная стоимость имущества, передаваемого личному фонду (за исключением наследственного фонда) – не менее 100 млн руб. Эта стоимость определяется на основании оценки его рыночной стоимости (п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ). По словам М. Н. Борониной, имеются случаи создания и существования личных фондов, имущество в которые так и не было внесено на протяжении длительного времени после создания фонда (в частности, потому, что одобрения третьих лиц на передачу имущества в фонд, когда такие одобрения требовались, были позднее отозваны)². С одной стороны, наличие субъекта гражданского права, не обладающего имуществом, вызывает опасения с точки зрения правового положения лиц, которые могут вступить или впасть (недобровольно) с таким субъектом в отношения. С другой – необходимость наличия у фонда имущества

¹ Подробный комментарий изменений законодательства о личных фондах в этой части приводится в § 3 этой главы.

² Боронина М. Н. Выступление на сессии «Личный фонд как инструмент наследственного планирования и способ защиты активов» // Юридическая неделя на Урале: XVI Всероссийский форум (08.10.2024 г.). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MMzERn38VoE>.

не следует из положений закона¹, а следовательно, нет оснований для ликвидации личного фонда в связи с отсутствием у него имущества.

По нашему мнению, личный фонд должен обладать имуществом. Отсутствие имущества в конструкции имущественного обособления противоречит природе данного института, лишает смысла цель его деятельности как «управляющего» активом. Кроме того, вызывает сомнения провосубъектность (не с формальной, а с сущностной точки зрения) такого правового образования, которое, с одной стороны, не имеет собственного имущества, а с другой – отличается максимально сильным защитным обособлением, т. е. кредиторам которого абсолютно недоступно имущество лица, по чьему решению такое образование создано и в соответствии с чьей волей действует.

В литературе относительно указанного размера стоимости имущества личного фонда высказаны противоположные суждения. Так, Е. А. Кириллова и Е. Н. Масленко призывают на законодательном уровне отменить критерии стоимости имущества, при которых может быть учрежден личный фонд, так как эти критерии делают личный фонд инструментом, не доступным большинству предпринимателей².

В свою очередь А. В. Демкина считает данные стоимостные положения обоснованными. Она объясняет: «Во-первых, сама форма организации управления имуществом предполагает затраты на содержание юридического лица, во-вторых, цели, ради которых планируется создание личных фондов, предполагают наличие дорогостоящего имущества»³. Справедливость этого

¹ Михеева Л. Ю. Отзыв официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук Д. П. Заикина. С. 3.

² Кириллова Е. А., Масленко Е. Н. Особенности, роль, значение личных фондов в наследственном праве Российской Федерации // Наследственное право. 2022. № 3.

³ Демкина А. В. Личные фонды в рамках реформы наследственного права России.

Для справки: в США средняя стоимость имущества траста составляет 1 227 000 долл. (<https://www.aefonline.org/building-private-foundation-it-right-choice>); по другим источникам – 4 000 000 долл. (<https://clocr.com/blogs/estate-planning/what-is-a-trust-fund>). В Европе для создания функционально схожих конструкций может требоваться куда меньший размер имущества: в Польше – примерно 22 000 евро (<https://www.schoenherr.eu/content/a-new-addition-to-the-polish-legal-system-the-family-foundation>), в Лихтенштейне – чуть более 30 000 евро (<https://www.centrolaw.ch/en/insights/detail/the-benefits-of-liechtenstein-foundations#:~:text=Priva>

мнения подтверждает и наш опыт консультирования по вопросам создания личных фондов, а также схожих правовых конструкций (ЗПИФ).

По мнению В. Вяткина, управление трастом или фондом в Европе становится экономически эффективным, если он составляет 5 млн евро¹.

Устанавливая минимальную стоимость имущества, обособление которого требуется для создания фонда, законодатель не детализирует последствия ее снижения по ходу деятельности фонда. Объем имущества, как и его оценка, может меняться. Однако главным условием будет оставаться возможность достижения фондом своих целей при наличии имеющихся активов. Если имущества фонда станет для этого недостаточно, а ожидать его пополнения неоткуда, такой фонд может быть ликвидирован на основании решения суда, принятого по заявлению заинтересованных лиц (подп. 1 п. 2 ст. 123.20 ГК РФ).

Одно из ключевых отличий российского личного фонда от зарубежного траста заключается в том, что имущество, передаваемое учредителем личному фонду, становится принадлежащим фонду на праве собственности, а учредитель и бенефициары личного фонда не имеют никаких вещных прав на его имущество. В этом проявляется согласованность конструкции личного фонда с континентально-правовой традицией отсутствия разделенной собственности. Нужно признать, что российский законодатель поступил достаточно последовательно: права на имущество у учредителя фонда прекращаются, полноправным собственником имущества является личный фонд — самостоятельная юридическая личность. Это, в свою очередь, в значительной степени демонстрирует высокую степень технической обособленности имущества — оно отделено от иного личного имущества учредителя. Тем самым создана модель, в соответствии с которой предполагается, что кредиторы

te%2Dbenefit%20foundations%20acquire%20their,30%27000%20to%20the%20foundation), в Швейцарии — около 50 000 евро ([http://www.lpg-fiduciaire-de-suisse.ch/en/publications/corporate-law/create-foundation-switzerland#:~:text=According%20to%20the%20Federal%20Supervisory,is%2050%2C000-%20CHF%20\(%2455%2C000\).&text=The%20board%20of%20trustees%20is%20the%20governing%20body%20of%20the%20foundation](http://www.lpg-fiduciaire-de-suisse.ch/en/publications/corporate-law/create-foundation-switzerland#:~:text=According%20to%20the%20Federal%20Supervisory,is%2050%2C000-%20CHF%20(%2455%2C000).&text=The%20board%20of%20trustees%20is%20the%20governing%20body%20of%20the%20foundation)).

¹ Вяткин В. Да здравствует душеприказчик! // Цивилистика. 2022. № 1. С. 16.

проинформированы о действительном собственнике обособленной имущественной массы. В этом аспекте имеется полное сходство конструкции личного фонда с иными российскими юридическими лицами.

По нашему убеждению, степень обособленности переданного фонду имущества от требований кредиторов, не связанных напрямую с этим имуществом (т. е. не кредиторов обособленного имущества, а прочих кредиторов собственника), должна зависеть от степени публичности и доступности информации о факте его обособления. В случаях, когда стороны сделки, влекущей появление обособленной части имущества собственника, сделали данный факт публичным¹ (например, отметили в публичном реестре, известили кредиторов, опубликовали информацию в средстве массовой информации и т. д.), все лица, вступающие в отношения с таким собственником, осведомлены о возможных рисках и могут потребовать от своего контрагента предоставления дополнительных гарантий (обеспечения). Таким образом, риски, связанные с имущественным обособлением, становятся контролируемыми.

Выгодоприобретателями личного фонда могут быть любые участники регулируемых гражданским законодательством отношений, за исключением коммерческих юридических лиц (п. 4 ст. 123.20-5 ГК РФ). Интересно, что в документах фонда может быть предусмотрено, что выгодоприобретатели личного фонда или лица отдельных категорий, которым подлежит передаче его имущество, могут быть определены не сразу, т. е. при создании фонда, а в соответствии с условиями управления личным фондом. «Гражданский кодекс РФ прямо говорит о том, что выгодоприобретатели личного фонда могут быть назначены под условием (п. 1 ст. 123.20-5, ст. 157 ГК РФ)»². Такое гибкое решение оставляет простор для усмотрения учредителя, создающего личный фонд

¹ Правила о публичности факта создания траста имеются во многих правовых порядках – как условие возможности ссылаться на траст в отношениях с третьими лицами (Англия, Япония, Израиль, Лихтенштейн, Венесуэла). Более того, в Японии бенефициар сможет предъявить к трасти требования, связанные с защитой обособленного имущества, только при условии, что траст был публичным (см.: Lupo M. Trusts: a comparative study. P. 279).

² Рудик И. Е. Личный фонд как инструмент наследственного планирования // Наследственное право. 2022. № 2.

и передающего в него существенный личный капитал. Представляется, что в первую очередь оно позволяет обусловить распределение будущего дохода в пользу будущих наследников или иных родственников бенефициара.

Выгодоприобретателем может быть также учредитель личного фонда, если это прямо предусмотрено его уставом¹. Схожее правило сложилось в иностранных правопорядках по отношению к трасту: учредитель траста может являться его бенефициаром. Подобный интерес со стороны собственников, активно вступающих в экономические отношения, вполне рационален: собственник обособляет определенный пул своего имущества от иного (скажем, от иных бизнесов и личного имущества), чтобы четко диверсифицировать свои активы и заранее ограничить риски. Положение выгодоприобретателя позволяет гражданину получать доход от деятельности выделенного имущественного пула, не погружаясь в управление такой деятельностью, в отличие от того, как это пришлось бы делать в коммерческой корпорации. Ключевым условием является то, что учредитель-бенефициар не выступает «серым кардиналом» при номинальных управленцах.

К правам выгодоприобретателя в отношении имущества личного фонда относятся прежде всего право на получение имущества в соответствии с условиями управления личным фондом, а также иные права, предусмотренные ГК РФ. Порядок передачи выгодоприобретателям (или лицам отдельных категорий) всего имущества личного фонда или его части, в том числе доходов от деятельности личного фонда, должен быть определен условиями управления личным фондом, где указываются вид и размер передаваемого имущества или порядок такого определения, срок или периодичность передачи имущества, а также обстоятельства, при наступлении которых осуществляется его передача.

Оставшееся после ликвидации личного фонда имущество подлежит передаче выгодоприобретателям личного фонда соразмерно объему их прав на получение имущества или дохода от деятельности личного фонда, если

¹ Отметим, что во всех 11 изученных нами уставах личных фондов указано, что учредитель может являться выгодоприобретателем фонда.

условиями управления личным фондом не предусмотрены иные правила распределения оставшегося имущества, в том числе его передача лицам, не являющимся выгодоприобретателями. Не вызывает сомнения то, что такое распределение ликвидационного остатка фонда в пользу названных лиц производится после удовлетворения требований кредиторов фонда в ординарном порядке (ст. 64 ГК РФ). Законодатель предусмотрел последствия для ситуации, когда невозможно определить лиц, которым должно передаваться оставшееся после ликвидации фонда имущество: для прижизненного фонда – его учредителю, для наследственного – в собственность Российской Федерации.

Права выгодоприобретателя не могут переходить к другим лицам, в том числе в случае универсального правопреемства, за исключением случаев преобразования выгодоприобретателя-юридического лица, если условиями управления личным фондом не предусмотрено прекращение прав такого выгодоприобретателя при его преобразовании (о каузе распределения имущества в пользу выгодоприобретателей в контексте необоротоспособности прав выгодоприобретателей личного фонда см. в главе 3 данного исследования).

Д. И. Заикин обоснованно указывает: «Возможность отчуждения прав дестинатора граничит со злоупотреблением правом... Нельзя говорить о свободной отчуждаемости прав дестинаторов, поскольку это противоречит логике института фонда и приводит к уподоблению статуса дестинаторов членам корпорации, что является злоупотреблением правовой формой (*Rechtsformmissbrauch*)»¹. Российский закон содержит прямое указание на абсолютную необоротоспособность прав, которые получает выгодоприобретатель любого личного фонда (абзац 2 п. 1 ст. 123.20-6 ГК РФ).

Несмотря на дискуссионный характер приведенного законоположения, заслуживает поддержки мнение И. Е. Рудик: «Как бы мы ни относились к лицам, живущим за счет заработанного их предками имущества, здесь нельзя усмотреть какое-либо злоупотребление правом как со стороны выгодоприобретателя, так и

¹ Jakob D. Schutz der Stiftung. S. 197. Цит. по: Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус дестинаторов частно-полезного фонда.

со стороны учредителя: это имущество принадлежало не выгодоприобретателю-банкроту, а учредителю фонда, и его интерес в реальном обеспечении близкого лица является законным»¹.

Бессмысленно спорить с тем, что риск злоупотреблений и манипуляций конструкцией фонда может существовать, с чем, впрочем, может и должен успешно справиться российский правопорядок в лице судебных органов. Однако аргумент о возможных злоупотреблениях не является ключевым при анализе той или иной юридической конструкции хотя бы в силу действия базового принципа гражданского права: добросовестность и разумность действий участников гражданского оборота предполагается (п. 5 ст. 10 ГК РФ). Конечно, ограничения, сопряженные с добросовестностью и разумностью, могут быть интерпретированы по аналогии с практикой о российских юридических лицах либо трастах при рассмотрении сделки, направленной на обособление имущества, в качестве акта злоупотребления, в результате которого учредитель достигает цели «спрятать» имущество от кредиторов. В целом же можно констатировать, что закон содержит систему для настройки баланса интересов всех участников рассматриваемой правовой конструкции и иных заинтересованных лиц. Однако конкретные правовые последствия действия отдельных правил еще только предстоит апробировать на практике.

В окончание настоящего параграфа тезисно изложим функциональный смысл личного фонда как правового института: 1) переданное в фонд имущество обособлено от прочего имущества учредителя и бенефициаров, в том числе в случае банкротства последних; 2) срок существования личного фонда не ограничен; 3) в личном фонде в наивысшей степени проявляется автономия воли учредителя: формулирование большинства положений о фонде законодатель оставил на усмотрении его создателя; 4) выгодоприобретатели личного фонда обладают различными правами (на получение имущества из

¹ Рудик И. Е. Личный фонд как инструмент наследственного планирования. С. 33–36.

фонда, на информацию), а также исковой защитой; 5) учредитель крайне свободен в формулировании условий управления, в том числе в части выплат из фонда выгодоприобретателям.

В контексте соотношения личного фонда с функционально схожими иностранными формами обособления имущества важно подчеркнуть, что те же особенности, как отмечает А. Д. Рудоквас, присущи трасту¹. Сказанное служит еще одним аргументом в поддержку идеи об одинаковости социального запроса, удовлетворяемого различными способами обособления имущества, и в то же время о схожести проблематики, которую данные институты формируют. Последнее обуславливает целесообразность исследования не только соответствующих отечественных и континентальных институтов, но и английского траста.

Выводы

1. Создание личного фонда как результат имущественного обособления обуславливает ситуацию, когда собственность в экономическом смысле отделяется от контроля (управления). Это отделение выражается в автономии фонда от учредителя: заданные учредителем правила управления не подлежат изменению как ординарное действие без весомых на то причин. Изменяя их, учредитель принимает на себя определенную степень риска стирания «экрана» между обособленным и своим личным имуществом, что должно предупредить излишнее вторжение учредителя в дела фонда и злоупотребления правом на изменения правил управления.

2. Личный фонд обеспечивает «защиту от самого себя», то есть от личных кредиторов учредителя и от решений лиц, которые станут его универсальными правопреемниками.

3. Будучи некоммерческой организацией, личный фонд может заниматься предпринимательской деятельностью. Лишь такая комбинация его формы и

¹ Рудоквас А. Д. Пункт 4 статьи 209 ГК РФ: будущее одной иллюзии. С. 177–178.

правоспособности позволяет в действующей легальной системе юридических лиц добиться того назначения, которое эта конструкция призвана выполнять, т. е. служить эффективным инструментом обособления частного капитала в целях управления им.

4. Фонд является собственником обособленного имущества, и его право собственности не отличается от права собственности, каким обладают иные юридические лица в отношении своих активов.

5. Необоротоспособность прав выгодоприобретателей личного фонда следует из его природы. Иное открывало бы неоправданно широкие возможности для злоупотреблений рассматриваемой конструкцией и не отвечало бы интересам не только учредителя, но и оборота в целом.

§ 3. Личный фонд с позиций законодательства об обязательной доле в наследстве

Бесконфликтная передача имущества от одного поколения к другому и материальное обеспечение наследников – это цели, которые в той или иной степени преследует почти каждый собственник. Хотя сами по себе вопросы наследования не входят в предмет нашей работы, интересно остановиться на том, как институт обязательной доли в наследстве соотносится с выбором собственника (в будущем наследодателя) такого способа обособления имущества, как личный фонд¹.

В п. 1 ст. 1149 ГК РФ закреплено императивное правило, согласно которому несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы

¹ Любопытен комментарий Д. П. Заикина относительно того, что стимулом к развитию нового представления о фондах послужил наследственный спор, возникший во Франкфурте-на-Майне за четверть века до выхода «Системы современного римского права» Ф.К. фон Савиньи. Спор повлек за собой виток догматических рассуждений о правоспособности фонда, а также о судьбе имущества, передаваемого в фонд (Заикин Д. П. Общетеоретическая модель правосубъектного фонда в контексте двух дихотомий).

наследодателя, подлежащие призванию к наследованию на основании установленных законом случаев, наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону (обязательная доля)¹. Аналогичное правило действовало и ранее. Как указывал В. И. Серебровский, предоставляя завещателю свободу распоряжения своим имуществом на случай смерти, советское право устанавливало из этого общего правила весьма важные изъятия в интересах детей завещателя и других его нетрудоспособных наследников, которых завещатель не вправе отстранить от наследования и которые имеют право на так называемую обязательную наследственную долю. В этом выражалась забота государства о несовершеннолетних детях и других нетрудоспособных наследниках, которые призываются к наследованию даже вопреки воле завещателя. Закон как бы поправляет завещателя, по тем или иным причинам не предоставившего своим несовершеннолетним детям и другим нетрудоспособным наследникам той доли в наследстве, которая причиталась бы им при наследовании по закону².

Институт обязательной доли в наследстве принято обозначать как исключение из принципа свободы завещания³. Анализируя его, Е. Ю. Петров писал, что «сегодня специфической чертой российского наследственного права является социально обусловленное предоставление обязательной доли в наследстве, а родство или брак сами по себе не являются конститутивным элементом обязательного наследника. Признаки, характерные для всех категорий обязательных наследников: отсутствующая или ограниченная способность к труду (несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя,

¹ Вместе с тем важно учитывать, что недвижимое имущество наследодателя, находящееся за рубежом, согласно ст. 1224 ГК РФ для целей применения российского права не образует наследства, что исключает применение к нему российских правовых норм об обязательной доле (см.: Любимова М. Н. Некоторые проблемные аспекты выделения обязательной доли и трансграничного наследования недвижимого имущества // Нотариальный вестн. 2022. № 11).

² Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву: моногр. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 144.

³ Основы наследственного права России, Франции, Германии / под общ. ред. Е. Ю. Петрова. М., 2015.

нетрудоспособные родители и супруг наследодателя, нетрудоспособные иждивенцы наследодателя)»¹.

«Жизнь и ее потребности, – указывает П. В. Крашенинников, – обуславливают необходимость развития отечественного наследственного права и введения новых институтов и новых способов распоряжения на случай смерти»². Одним из таких способов и стала возможность создания наследственного фонда, к задачам которого относится «предотвращение дробления наследства между преемниками состоятельных граждан. Сохранение правила об обязательной доле в неизменном виде приводило бы к провалу поставленной цели, поскольку попытки завещателя сохранить имущественный комплекс в одних руках разбивались бы о требование об установлении обязательной доли в натуре»³.

В настоящее время, как подчеркивает Е. Ю. Петров, увеличение продолжительности жизни привело к тому, что чаще всего наследство открывается, когда потомки давно живут самостоятельной жизнью. Прекращение дискриминации внебрачных детей также разрушает первоначальную идею обязательной доли. Поэтому в континентальном праве все чаще раздаются призывы отменить обязательную долю, правило о которой уже устарело. Так, в общем праве нет норм об обязательной доле, а интересы определенных лиц обеспечиваются путем установления судом предоставления из состава или за счет наследственной массы⁴.

Вместе с тем в этой сфере важны не только буквальные положения закона или общие правила, но и сложившееся в обществе понимание справедливости использования тех или иных правовых конструкций. Л. Ю. Михеева справедливо полагает, что «в области наследственного права, пожалуй, как нигде, важны

¹ Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации. См. также: Петров Е. Ю. Сделки *mortis causa* // Частное право. Преодолевая испытания: к 60-летию Б. М. Гонгало. М., 2016. С. 231.

² Крашенинников П., Михеева Л., Рассказова Н. и др. Наследственный фонд: альтернатива трастам в российском праве?

³ Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации.

⁴ Там же.

нравственные постулаты, позволяющие обосновать подбираемое законодателем или судом справедливое решение»¹. В литературе приводятся примеры, когда трастовая конструкция не помешала суду учесть интересы наследников из числа ближайших родственников наследодателя² и, напротив, когда, разрешая спор по российскому праву, суд не усмотрел оснований для защиты прав обязательных наследников в ситуации передачи имущества *inter vivos* в обход правил о обязательной доле³.

Институт обязательной доли (*Pflichtteil*) известен праву Германии. Круг лиц, имеющих право претендовать на обязательную долю, ограничен: потомки наследодателя, его родители и переживший супруг. Данные лица не имеют статуса сонаследников, но обладают правом требования по отношению к тем, кто

¹ Михеева Л. Ю. О социальном государстве, патернализме и слабой стороне гражданского правоотношения // Гражданское право социального государства: сб. ст., посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М., 2020.

² Пример первый: Гражданский суд Сены рассмотрел иск обязательного наследника и универсального легатария, т. е. лица, имеющего право на получение всего наследства. Ранее мать истца передала имущество в траст. Суд разъяснил, что целью создания траста было исключение части имущества из наследственной массы – во избежание применения императивных норм законодательства Франции о наследстве. Основанием, указывающим на фиктивный характер траста, стало сопоставление даты учреждения траста и даты смерти учредительницы, между которыми прошло меньше года (см.: Соколова Н. В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе). Второй пример: Королевский суд Джерси (*Jersey Royal Court*) постановил, что траст, в котором учредитель осуществлял полный контроль над его имуществом, является недействительным по причине его притворности (*held to be void as a sham*). В этом деле вдова, исключенная супругом из числа наследников, предъявила в суд иск к доверительному собственнику и бенефициарам, требуя признать траст недействительным. В суде было установлено, что траст фактически не был создан, поскольку имущество не было передано доверительному собственнику, так как контроль над ним сохранял учредитель траста – покойный супруг вдовы. Королевский суд Джерси признал трастовую декларацию ничтожной (см.: Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества).

³ «В вопиющей ситуации, когда имущество целенаправленно передается *inter vivos* в обход будущих обязательных наследников <...> суд вправе использовать инструментарий общей части ГК РФ и обеспечить смысл регулирования. Однако практика демонстрирует примеры, когда незадолго до смерти гражданин заключает договор дарения или пожизненной ренты и суд не обращает внимания на обход правила об обязательной доле <...> даже при том, что заявление о регистрации перехода права собственности было подано за два дня до смерти получателя пожизненной ренты» (Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации).

объявлен наследниками по завещанию¹. Они выступают скорее кредиторами, нежели наследниками. И в этом состоит первое отличие немецкого института от российского.

Второе концептуальное отличие между ними обусловлено принципом, по которому строится ряд обязательных наследников. В Германии обязательная доля нацелена в основном на охрану семейных ценностей, на укрепление семейных уз. То есть к лицам, имеющим право на долю, не применяется критерий нетрудоспособности или нуждаемости. Важно их семейное положение по отношению к наследодателю. В России же указанные субъекты должны быть нетрудоспособны в силу своего возраста или состояния здоровья на момент открытия наследства².

Третье отличие связано не с субъектным составом рассматриваемого института, а с самим имуществом. Положения немецкого права сформулированы таким образом, чтобы не допустить дробления активов наследодателя. О соответствующих мотивах пишет Е. П. Путинцева: «В Германии класс мелких и средних предпринимателей, занимающихся каким-либо делом из поколения в поколение, исторически служил основой стабильности государства, поэтому возможность определить наследника, который будет иметь право единоличной собственности на наследство и права которого не могут быть поколеблены другими субъектами, имеет традиционно большое значение». В результате в Германии обязательный наследник «вправе требовать только денежной компенсации от наследника по завещанию (при этом долги наследодателя уменьшают размер наследственной массы), что исключает какое-либо его участие в разделе и управлении наследственным имуществом»³.

¹ Zimmerman R. The Compulsory Portion in German Law // Comparative Succession Law. Vol. III: Mandatory Family Protection / ed. by K. Reid, M. Waal, R. Zimmermann. Oxford University Press. 2020. P. 281, 286.

² Путинцева Е. П. Распоряжения на случай смерти по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия. М., 2016.

³ Там же.

Российское регулирование продолжает традиции советского, логика которого в этой части, как пишет Е. Ю. Петров, была следующей: «Доля в натуре дает больше гарантий социально слабому наследнику; публичные невыгоды от дробления личной собственности незначительны; при неразвитом кредите сложно изыскать деньги на удовлетворение обязательственного требования обойденного наследника»¹. Очевидно, что подобный подход не отвечает реалиям и потребностям рыночной экономики, а в некоторых случаях влечет откровенно вредные последствия, выражающиеся в спорах наследников вокруг бизнес-активов, находившихся в собственности наследодателя².

В настоящее время в отечественном правопорядке продолжается тенденция к ограничению права на обязательную долю и, как следствие, к «обеспечению приоритета защиты воли завещателя и как можно более полной реализации прав наследников по завещанию»³. Во-первых, размер обязательной доли последовательно уменьшается и в настоящее время составляет 1/2 от причитающейся при наследовании по закону доли (п. 1 ст. 1149 ГК РФ). Во-вторых, при совокупности названных в законе обстоятельств суд вправе уменьшить размер обязательной доли или отказать в ее присуждении полностью (п. 4 ст. 1149 ГК РФ). Наконец, в-третьих, наследник, имеющий право на обязательную долю и являющийся выгодоприобретателем наследственного фонда, утрачивает право на обязательную долю (п. 5 ст. 1149 ГК РФ). Точнее сказать, он «как и в Германии, имеет право выбора между своими позициями наследника и

¹ Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации.

² См. подробнее: Домшенко (Червец) Е. И. Личные фонды: возможности и риски обособления имущества // Вестн. экономического правосудия РФ. 2022. № 3. С. 115–136. См. также: Фиошин А. В. Оценочные понятия в нормах об обязательной доле в наследстве // Нотариус. 2022. № 1.

³ Евсеев Е. Ф. Ограничение права на обязательную долю в наследстве: в поисках баланса прав и законных интересов наследников // Закон. 2023. № 2.

выгодоприобретателя, даже несмотря на то, что размер причитающегося в этих случаях имущества может значительным образом отличаться»¹.

Обязательная доля при создании наследственного фонда. Вопрос о применении института обязательной доли в наследстве может подниматься только при составлении наследодателем завещания. В противном случае обязательный наследник призывается к наследству в установленном законом порядке – в числе и наравне с другими наследниками, если нет других наследников по закону (п. 3 ст. 1148 ГК РФ).

Конструкция наследственного фонда в своей основе имеет завещание наследодателя (п. 1 ст. 123.20-8 ГК РФ). Это предопределяет соблюдение прав наследников, обладающих в силу закона правом на обязательную долю в наследстве. Тем не менее именно для этого случая законодатель в п. 5 ст. 1149 ГК РФ допускает отступление от императивного правила в отношении таких наследников (получения ими не менее половины доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону).

Суть исключения из общего правила п. 1 ст. 1149 ГК РФ заключается в том, что наследодатель вправе указать обязательных наследников в качестве выгодоприобретателей наследственного фонда, и как выгодоприобретатели они могут получать доходы от осуществления фондом деятельности в установленном наследодателем объеме и порядке. Такие наследники-выгодоприобретатели по умолчанию утрачивают право на обязательную долю. Это не что иное, как назревшая корректировка общего правила в русле изменившегося политико-правового и социально-экономического взгляда на институт обязательной доли. И хотя автономия воли наследодателя при определении судьбы своего имущества на случай смерти по-прежнему не является полностью огражденной от требований обеспечить интересы наследников, имеющих право на обязательную долю в наследстве, она становится более значимой для правопорядка.

¹ Тимербулатова Е. Д. Конструкция наследственного фонда в России и Германии.

Законодатель допустил возможность отказа таких лиц от всех прав выгодоприобретателя наследственного фонда в установленный для принятия наследства срок. В этом случае за ними сохраняется право на обязательную долю, однако суд может уменьшить ее с учетом размера средств, необходимых на содержание, исходя из их разумных потребностей и имеющихся у них на дату открытия наследства обязательств, а также средней величины расходов и уровня их жизни до смерти наследодателя.

Другими словами, реальный размер обязательной доли наследников может существенно отличаться от размера, установленного в п. 1 ст. 1149 ГК РФ. Это, в свою очередь, может позволить достичь цели сохранения бизнес-активов, которые наследодатель хотел обособить, без риска их дробления между наследниками или неэффективного управления ими. «Таким наследникам нужен не бизнес – им нужно не более того, что они имели при жизни олигарха-наследодателя, т. е. повременное содержание (обеспечение, иждивение)», – подчеркивает В. А. Белов, поддерживающий идею об ограничении сферы применения правила об обязательной доле применительно к бизнес-активам¹.

Вместе с тем в литературе критикуются те оценочные понятия, которые использовал законодатель в п. 5 ст. 1149 ГК РФ, и в целом сама возможность отхода от безусловности права обязательного наследника: «Согласно Основному Закону Российской Федерации все граждане равны, а государство, являясь социальным, создает условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека. Исходя из этого думается, что в данном случае наследник вправе получить обязательную долю без рассмотрения вопросов о его разумных потребностях, средней величине расходов и уровне его жизни. Указанная правовая норма нарушает право гражданина на частную жизнь и в целом некорректна»².

Представляется, однако, что положения законодательства, дающие суду возможность оценивать конкретные фактические обстоятельства и принимать

¹ Белов В. А. Проблемы наследования бизнеса.

² Тарарышкина И. С. О развитии института обязательной доли в российском праве // Нотариус. 2018. № 8.

решения, руководствуясь в первую очередь смыслом и назначением тех или иных правовых институтов в их взаимосвязи, не противоречат принципам, закрепленным в Основном Законе России.

По мнению Л. Ю. Михеевой, после изменений ГК РФ в 2017 г. «наследодатель может создать наследственный фонд, и индивидуалистские начала в этом случае успешно победят выведенное из концепции социального государства право на обязательную долю в наследстве. Такая победа обусловлена не только приматом воли наследодателя, но и тем, что в положении наследника, имеющего право на обязательную долю, нет признаков слабости – он получит причитающееся ему *minimum minimorum* (в размере средств, необходимых на содержание гражданина с учетом его разумных потребностей и имеющихся у него на дату открытия наследства обязательств перед третьими лицами, а также средней величины расходов и уровня его жизни до смерти наследодателя)»¹.

Согласно п. 5 ст. 1149 ГК РФ суд вправе уменьшить размер обязательной доли, но это возможно только в случае отказа наследника от прав выгодоприобретателя наследственного фонда. Однако закон прямо не разрешает ситуацию, когда наследодатель в принципе не называет обязательного наследника в качестве выгодоприобретателя наследственного фонда. Допустимо ли в этом случае расширительное толкование нормы о возможности суда уменьшить размер обязательной доли?

Например, в завещании наследодателя содержится указание о создании наследственного фонда и передаче ему определенной (возможно, наиболее ценной) части его имущества, но в число выгодоприобретателей намеренно или случайно не включен обязательный наследник. При этом той части имущества, которая остается не переданной фонду, недостаточно для соблюдения требования закона о размере обязательной доли. Представляется, что и в этом случае суд должен обладать правом на снижение размера обязательной доли по правилам п. 5 ст. 1149 ГК РФ. Данное решение не должно, на наш взгляд, подтверждаться

¹ Михеева Л. Ю. О социальном государстве, патернализме и слабой стороне гражданского правоотношения.

догматическим обоснованием, поскольку само по себе исключение, заложенное в его норме, основано на политико-правовых аргументах, базирующихся на умышленном отходе от ранее закрепленных социальных догматов.

Обязательная доля при создании прижизненного фонда. При создании личного фонда учредитель при жизни передает ему определенный пул своего имущества¹, который становится собственностью фонда. После смерти учредителя фонд продолжает оставаться собственником имущества².

Имущество, которое учредитель при жизни передал личному фонду, могло бы входить в наследственную массу. Однако поскольку в состав наследства входят только принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности (ст. 1112 ГК РФ), то переданное *inter vivos* фонду имущество не наследуется за учредителем. Так, при создании корпорации (например, хозяйственного общества) в состав наследства включались бы доли (акции) учредителя, полученные им взамен внесенного в уставный капитал компании имущества. При создании же фонда у учредителя не остается никаких прав, которые могли бы перейти к его наследникам. При этом учредитель не обязан включать наследников, в том числе имеющих право на обязательную долю, в состав выгодоприобретателей личного фонда.

П. В. Крашенинников указывает, что «во всех случаях – при создании как прижизненного фонда, так и наследственного фонда – сохраняется право на получение обязательной доли в наследстве»³. Однако анализ массива норм, регулирующих институт личных фондов, позволяет сделать обратный вывод – в случае создания личного прижизненного фонда российский правопорядок

¹ Предвосхищая возможное возражение о том, что учредитель может передать в личный фонд все свое имущество, скажем, что такое возможно, однако это не самый вероятный сценарий, если учитывать цель создания данного юридического лица – обособление определенного, обычно предпринимательского назначения, имущества для эффективного им управления.

² Здесь мы не обсуждаем варианты отчуждения фондом переданного ему учредителем имущества, в том числе его передачу в созданные фондом для осуществления предпринимательской деятельности хозяйственные общества.

³ Крашенинников П., Михеева Л., Рассказова Н. и др. Наследственный фонд: альтернатива трастам в российском праве?

позволяет учредителю полностью преодолеть правило об обязательной доле в наследстве.

Обращаясь к делению сделок на *inter vivos* (между живыми) и *mortis causa* (на случай смерти), Н. Ю. Рассказова отмечает: «Воля лица, направленная на урегулирование отношений после его смерти, обычно реализуется на основании сделок *mortis causa*, к которым российский законодатель относит завещание и наследственный договор (п. 1 ст. 1118 ГК РФ). Между тем это возможно и на основании сделок *inter vivos*, что исключит применение к отношениям норм наследственного права»¹. Создание при жизни личного фонда является сделкой *inter vivos*, а потому применение в этом случае наследственного правила об обязательной доле было бы ошибкой.

Представляется, что в отношении прижизненного и наследственного личных фондов законодатель установил разные подходы к их регулированию в этой части, поскольку правило об обязательной доле в наследственном фонде может быть редуцировано судом, но не исключается. Такой вывод, по нашему мнению, обосновывается следующим.

Во-первых, автономия воли собственника в вопросах распоряжения своим имуществом, закрепленная в ст. 209 ГК РФ, должна защищаться. Правопорядок знает ограниченное число корректоров абсолютного права собственника по отношению к его имуществу, и связаны они зачастую с защитой интересов его кредиторов. Для увеличения числа таких корректоров в угоду наследникам (потенциальным наследникам) достаточных оснований не усматривается.

Во-вторых, при противопоставлении личных прижизненных фондов и наследников, имеющих право на обязательную долю, нет места завещанию. Однако именно с завещанием закон связывает институт обязательной доли. Для рассмотрения прижизненного решения учредителя (будущего наследодателя) о создании личного фонда, которое может быть принято задолго до его смерти, как квазизавещания нет никаких убедительных догматических оснований.

¹ Рассказова Н. Ю. Личное страхование, наследование и свобода договора // Нотариальный вестн. 2021. № 8.

В-третьих, отсутствуют основания считать, что к двум видам личного фонда должны применяться полностью тождественные правила. Правило об обязательной доле, соблюдаемое, пусть и с оговорками, при использовании конструкции наследственного фонда, не является общим правилом для личных фондов. Напротив, специальное правило установлено только для наследственных фондов.

По нашему мнению, не усматривается из закона и возможность трансформации прижизненного фонда в посмертный. Закон только определяет, что прижизненный фонд может продолжать свою деятельность после смерти учредителя, если это закреплено его уставом (абзац 2 п. 2 ст. 123.20-4 ГК РФ), а это не позволяет говорить, что такой фонд становится наследственным в любом случае.

В-четвертых, при рассмотрении конструкции личного фонда важно понимать, что речь всегда идет не просто о собственнике, а о человеке, условно говоря, «стоимость имущества которого сопоставима с бюджетами некоторых регионов страны»¹. Такой субъект обычно имеет интересы и активы во многих сферах и отраслях; его личное участие и степень контроля над разными активами не одинакова; обособление им имущества предпринимательского назначения не исключает наличия у него значительного личного состояния (не задействованного в бизнесе, а используемого в личных целях). Поэтому даже когда часть имущества передана им как учредителем фонду, то другая в случае его смерти наследуется по общим правилам наследственного права и (с учетом потенциального размера имущества) должна в полной мере удовлетворять реальные потребности наследников.

В-пятых, сделка по созданию фонда и передаче ему имущества принципиально ничем не отличается от любых иных возможных сделок собственника имущества, совершенных им при жизни, в частности от сделок дарения имущества. Если будет установлено, что сделки заключались

¹ Михеева Л. Ю. О социальном государстве, патернализме и слабой стороне гражданского правоотношения.

собственником исключительно во вред наследникам, имеющим право на обязательную долю, то возможно их оспаривание. Однако это может происходить в исключительных случаях, как экстраординарная мера, предпринимаемая наследниками против явно незаконных или недобросовестных действий наследодателя.

Таким образом, конструкция прижизненного фонда удовлетворяет правомерный запрос собственников на эффективное обособление и тем самым сохранение через поколения созданных ими бизнес-активов. С одной стороны, предприниматель может обдумать систему управления фондом, проанализировать со временем эффективность его автономных действий и при необходимости скорректировать созданную модель управления. С другой – такая организация бизнеса способна создать условия для стабильной работы предприятий без интервенции наследников учредителя в управление и притязаний на активы предприятия личных кредиторов учредителя и/или выгодоприобретателей. Поэтому в данном аспекте рассматриваемая правовая конструкция представляет собой ценность не только частную, но и публичную.

Выводы

1. Российский законодатель последовательно ограничивает право на обязательную долю в наследстве, двигаясь в сторону примата воли наследодателя.

2. Когда обязательный наследник указан в качестве выгодоприобретателя наследственного фонда, он имеет выбор – остаться в положении выгодоприобретателя или, отказавшись от этого статуса, заявить права на обязательную долю. При этом размер обязательной доли может быть уменьшен судом исходя из потребностей наследника по поддержанию привычного образа жизни. Специфика данных отношений заключается лишь в предоставленной наследнику опциональности статусов. В свою очередь, возможность уменьшения обязательной доли была закреплена в ГК РФ и до появления наследственных фондов.

3. Обязательный наследник, не указанный в качестве выгодоприобретателя наследственного фонда, права выбора не имеет. При этом причитающаяся ему по

общему правилу доля может быть уменьшена судом так же, как она могла бы быть уменьшена, если бы такой наследник был указан в качестве выгодоприобретателя, но отказался от этого статуса.

4. Личный фонд – это продукт сделки, совершаемой собственником при жизни, поэтому правила о наследовании здесь неприменимы. В наследственную массу входит то имущество, которое имелось у наследодателя в момент открытия наследства. Поскольку обособление имущества через конструкцию личного фонда подразумевает переход права собственности на него, то данное имущество не принадлежит наследодателю и не может распределяться по правилам о наследовании, в том числе между обязательными наследниками. Вопрос об обязательной доле в отношении имущества, обособленного посредством личного фонда, постановке не подлежит.

Глава 3. ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ, ВОЗНИКАЮЩИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ОБОСОБЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ ЕГО ПЕРЕДАЧИ ЛИЧНОМУ ФОНДУ

§ 1. Проблемы управления личным фондом

Не ставя перед собой задачу по комментированию законодательства, автор, предлагая модель регулирования деятельности личного фонда, рассматривает ее в контексте реальных правоотношений.

1. Формирование органов личного фонда:

взгляд сквозь призму автономии воли учредителя

ГК РФ, не детализируя структуру органов личного фонда, оставляет учредителю фонда возможность выстроить систему управления, которая бы соответствовала целям, масштабу и особенностям его деятельности. Право учредителя организации выстроить подходящую модель органов управления и контроля охватывается понятием частной автономии (п. 2 ст. 1 ГК РФ), одним из проявлений которой является договорная свобода¹.

При жизни учредитель фонда сам определяет и корректирует состав его органов и их функции в соответствии с уставом и условиями управления фондом. Причем возможность обозначенных корректировок может быть исключена в уставе фонда. После смерти гражданина, учредившего личный фонд, его органы формируются и изменяются в соответствии с уставом и условиями управления этого фонда (п. 1 ст. 123.20-7 ГК РФ).

Данное правило обусловлено задачами, решаемыми рассматриваемой конструкцией. Влияние учредителя на формирование органов управления в прижизненном фонде может быть весьма гибким или, напротив, исключаться – в зависимости от того, насколько он будет стараться отойти от дел. В свою очередь

¹ Степанов Д. И. Свобода договора и корпоративное право // Гражданское право и современность: сб. ст., посвященных памяти М. И. Брагинского / под ред. В. Н. Литовкина, К. Б. Ярошенко. М., 2013. С. 335–344.

конструкция наследственного фонда должна поддерживаться за счет заранее сформированной системы органов управления, но при определенных обстоятельствах может быть скорректирована судом.

Важно, что ни учредитель, ни выгодоприобретатель (в наследственном фонде) не может быть единоличным исполнительным органом или членом коллегиального органа личного фонда (п. 2 ст. 123.20-7 ГК РФ). Это исключение из общего принципа автономии воли собственника, пронизывающего всю конструкцию личного фонда.

В случаях, предусмотренных уставом личного фонда, в нем создаются высший коллегиальный орган и попечительский совет, в состав которых могут входить выгодоприобретатели или учредитель личного фонда (абзац 1 п. 3 ст. 123.20-7 ГК РФ). Диспозитивность этой нормы принципиально контрастирует с императивными правилами об общественно полезных фондах, в которых создание высшего коллегиального органа и попечительского совета обязательно (ст. 123.19 ГК РФ). Более того, в отличие от личных фондов, в общественно полезных фондах компетенция таких органов установлена законодательно.

Закон прямо не определяет компетенцию высшего коллегиального органа и попечительского совета личного фонда, кроме случаев возможного согласования личным фондом сделок, указанных в его уставе (п. 5 ст. 123.20-7 ГК РФ). Учредитель личного фонда по своему усмотрению определяет компетенцию названных органов, выстраивая сбалансированную систему управления фонда. В зависимости от состава передаваемого фонду имущества, сферы его деятельности, лиц, которые войдут в органы управления, и прочих факторов может устанавливаться специальный порядок совершения определенных действий (сделок). Это позволяет предупреждать недобросовестное (оппортунизм) и (или) неразумное поведение менеджеров, например, действия по необдуманному отчуждению имущества личного фонда или в нарушение интересов выгодоприобретателей.

В личном фонде может быть сформирован надзорный орган. К компетенции надзорного органа относятся вопросы согласования совершения личным фондом

определенных учредителем в уставе юридически значимых действий, а также принятие важных для деятельности фонда решений о досрочном прекращении полномочий его единоличного исполнительного органа и о назначении временного единоличного исполнительного органа. Однако в отличие от высшего коллегиального органа общественно полезного фонда, для которого полномочия по образованию других органов фонда и досрочному прекращению их полномочий являются дискреционными (абзац 3 п. 1 ст. 123.19 ГК РФ), надзорный орган личного фонда вправе принять решение о досрочном прекращении полномочий единоличного исполнительного органа, только если он нарушил обязанность действовать добросовестно или разумно в интересах личного фонда и (или) его выгодоприобретателей. Представляется, что такое законодательное ограничение вмешательства в управление фондом направлено на поддержание стабильности системы управления фонда и ее независимости от воли любого лица, не являющегося учредителем. В то же время можно допустить, что принятие надзорным органом личного фонда данного решения может быть умышленно неправомерным или просто ошибочным, когда действия единоличного исполнительного органа фонда не будут в действительности отвечать признакам недобросовестных или неразумных действий. В подобной ситуации неизбежны последующие квазикорпоративные споры, которые, впрочем, принципиально не отличаются от корпоративных конфликтов в других юридических лицах (прежде всего корпорациях).

С помощью создания факультативных органов управления учредитель фонда имеет возможность создать эффективную структуру управления и нейтрализовать так называемую агентскую проблему (подробнее об агентской проблеме см. далее).

Для продолжительного существования личного фонда важны не только определение структуры органов управления и распределение между ними компетенции, но и порядок назначения конкретных лиц в такие органы. В частности, список лиц для подназначения в состав коллегиальных органов управления и единоличного исполнительного органа фонда может быть определен заранее.

Д. П. Заикин со ссылками на немецкую доктрину пишет, что для предотвращения конфликта интересов возможно установить дополнительные требования к порядку формирования органов управления фонда, ограничивающих возможность назначения определенных категорий лиц на должности в фонде: «запрет совмещения должностей в органах фонда, например, в исполнительных и контрольно-надзорных, и ограничение на вхождение в состав органов лиц, которые в силу своего правового статуса или личных связей находятся в вероятном конфликте с интересами фонда»¹. С такими ограничениями можно согласиться, поскольку они, хотя и ограничивают автономию воли собственника – лица, породившего фонд, позволяют исключить сосредоточение власти или ключевых полномочий в руках одного лица или группы лиц. Обосновывается это следующим.

ГК РФ начинается статьями, провозглашающими автономию воли субъекта гражданских правоотношений в качестве фундаментального принципа частного права. О свободе договора говорится в п. 1 ст. 1 ГК РФ; о воле как об основании приобретения и осуществления гражданских прав – в п. 2 ст. 1 ГК РФ. Предмет регулирования гражданского права определяется через автономию воли участников соответствующих правоотношений наравне с их равенством и имущественной самостоятельностью (п. 1 ст. 2 ГК РФ).

С. С. Вилкин полагает, что в частном праве автономия выступает «не как одно из проявлений дозволительного метода регулирования, но как источник права, имеющий свое основание не в государственной, но в какой-то иной власти»².

По мнению Д. И. Степанова, «принцип автономии воли при регулировании как договорных, так и корпоративных отношений должен быть базовым, определяющим смысл и содержание всего последующего регулирования»³.

¹ Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации. С. 256–257.

² Вилкин С. С. О нормативной теории решения органа юридического лица // Вестн. гражданского права. 2008. № 2.

³ Степанов Д. И. Свобода договора и корпоративное право.

А. А. Кузнецов вместе с философским отмечает «утилитарное значение примата воли индивида, позволяющее частным лицам выстраивать свои отношения наиболее удобным для них образом, максимизировать свое благосостояние, а соответственно и общее благосостояние общества»¹.

Автономия воли в корпоративном праве проявляется в самом учреждении юридического лица², а также «при принятии решения об изменении устава, заключении корпоративных договоров или изменении корпоративных правоотношений иным образом»³. Порождение (образование юридического лица) и модификация корпоративного правоотношения – это сделки, а следовательно, в своем фундаменте они имеют автономию волю⁴. При этом, как отмечается в иностранной литературе, вследствие глобального финансового кризиса объем императивных норм среди законодательных положений о защите прав акционеров расширяется, а патерналистские инструменты вытесняют стимулирующие инструменты защиты⁵.

Конституционный Суд Российской Федерации на примере создания коммерческих организаций (что, на наш взгляд, не исключает релевантность этого подхода к личным фондам) не раз говорил о свободе участников экономических отношений распоряжаться своим имуществом, в том числе путем его обособления в юридическом лице⁶. Исходя из его позиции, можно заключить, что собственник вправе сам выбрать форму управления своим капиталом.

¹ Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М., 2017.

² «Ключевой момент акта волеизъявления учредителей – создать корпорацию, именно об этом по большому счету они и договариваются» (Степанов Д. И. Свобода договора и корпоративное право).

³ Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк.

⁴ Там же.

⁵ Hopt K. J. Directors' Duties and Shareholders' Rights in the European Union: Mandatory and/or Default Rules? // Rivista delle Società (European Corporate Governance Institute (ECGI) – Law Working Paper № 312/2016). 2016. № 61. URL: <https://ssrn.com/abstract=2749237>.

⁶ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2004 № 3-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы; от 25.05.2010

Наделенный личным имуществом своего создателя, возникший и действующий в заданных им целях (т. е. в его целях) и по установленным им правилам, личный фонд есть абсолютизированная воля учредителя. При этом экономический собственник, имея «привилегию» создать признаваемую правом личность, с одной стороны, отдельную от него самого, а с другой – реализующую его волю потенциально бессрочно, должен предвидеть, как будет осуществляться управление фондом, и нести риски наступления обстоятельств, которые он не предусмотрел. Иными словами, он должен «жить на свой риск»¹.

В определенной степени отечественный законодатель заранее предостерегает учредителя, чтобы тот «не сорвался в пропасть». На наш взгляд, в данном случае закон устанавливает балансир, который направлен не столько на защиту собственника (используя преимущества фонда, собственник справедливо принимает на себя и определенные риски), сколько на то, чтобы не допустить нарушение прав и интересов кредиторов личного фонда и кредиторов его учредителя. Тем самым свобода собственника на организацию управления своим имуществом через личный фонд совмещается со свободой других лиц, т. е. в конечном счете определенные ограничения автономии воли учредителя фонда есть необходимая предпосылка для того, чтобы «свобода каждого обрела смысл»².

«Проблема свободы есть проблема ее пределов», – подчеркивал Л. Ф. Гандара³. Эта мысль проводится и в современной литературе. Так, Д. И. Степанов называет фундаментальной проблемой всего российского корпоративного права «вопрос о границах дозволенного либо, напротив, о (политико-правовых)

№ 11-П по делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н. И. Гушина; от 21.02.2014 № 3-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 19 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Фирма Рейтинг».

¹ Покровский И. А. Проблема расточительства // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М., 2005. С. 209.

² Третьяков С. В. Субъективное право как «последняя абстракция» цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории.

³ Gandara L. F. La atipicidad en derecho de sociedades. Zaragoza, 1977. P. 5. Цит. по: Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк.

принципах введения тех или иных ограничений внутри корпоративного права»¹. В точке, где деловое решение собственника-учредителя фонда отражается на его контрагентах, заканчивается автономия его воли. Развивая теорию Савиньи, С. В. Третьяков пишет: «Господство воли всегда предполагает отношение между волями различных лиц»; «власть воли управомоченного субъекта имеет некоторую естественную сферу, в рамках которой это господство или власть осуществляется»; «все социальное пространство мыслится как разделенное на сферы индивидуального господства»².

Особое значение сказанное приобретает для фонда как некоммерческого лица, не имеющего членства. Если в результате создания коммерческой корпорации учредитель остается в ряду лиц, несущих, по сути, неограниченную ответственность в случае ее несостоятельности, то учредитель личного фонда и его личное имущество даже в случае дефолта остаются за «экраном», возникающим при создании личного фонда³ (не считая специального трехгодичного срока субсидиарной ответственности учредителя за фонд, и наоборот; однако же в масштабе потенциально бессрочного существования личного фонда указанный отрезок времени ничтожно мал).

Исключение конфликта интересов между различными участниками (ролями) в правоотношении, сформированном в связи с учреждением и деятельностью личного фонда, утверждает одновременно и реализацию воли учредителя – юридическое лицо, погрязшее в управленческих противоречиях и конфликтах, не способно достичь целей, заданных учредителем при его создании. Как пишут Е. А. Крашенинников и Ю. В. Байгушева, «поскольку дисфункционирование правовых последствий частных волеизъявлений в

¹ Степанов Д. И. Свобода договора и корпоративное право.

² Третьяков С. В. Субъективное право как «последняя абстракция» цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории.

³ Об этом же пишет А. А. Кузнецов: «Одним из главных аргументов в пользу императивности норм корпоративного законодательства традиционно служит тот факт, что юридические лица, и особенно те из них, где предусмотрена ограниченная ответственность, неизбежно влияют на третьих лиц» (Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк).

большинстве случаев устраняется с помощью средств государственного принуждения, государство не может допустить, чтобы частноавтономное оформление отношений противоречило целям закона»¹. А. А. Кузнецов также подчеркивает, что «правопорядок не может полностью оставлять вопрос на усмотрение частных лиц, если при этом может пострадать жизнеспособность компании»².

Установление некоторых ограничений, касающихся структуры органов управления фонда, отражает стремление законодателя придать указанной конструкции предсказуемость, что, по словам С. В. Третьякова, связано с обеспечением максимального проведения в праве принципа свободы личности. Он раскрывает свою мысль следующим образом: только при ориентации на четкие и заранее установленные правовые предписания субъекты права могут обеспечить себе «возможность планировать собственное поведение, а следовательно, и способность организовывать свою деятельность по собственному усмотрению»³.

Таким образом, запрет выступать единоличным исполнительным органом или членом коллегиального органа личного фонда хотя и ограничивает автономию воли создателя фонда, однако в полной мере согласуется с таким принципом имущественного обособления, как недопустимость совмещения ролей лица, в чьих интересах осуществляется управление обособленным имуществом, и управляющего. Выполнение учредителем и выгодоприобретателем функций управления (совмещение с ролью управляющего) по общему правилу порождает конфликт интересов в конструкции имущественного обособления. Аналогичные решения закреплены в праве о трастах.

¹ Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Условия функционирования и границы частной автономии // Вестн. ВАС РФ. 2013. № 9.

² «Нерациональность участников корпоративных отношений может иметь негативный эффект для третьих лиц, так как если в результате недолжного управления и неразрешенных конфликтов соответствующее юридическое лицо обанкротится, пострадают кредиторы и работники» (Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк).

³ Третьяков С. В. Субъективное право как «последняя абстракция» цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории.

Иные императивные нормы, регулирующие устройство системы управления фонда, могут считаться проявлением излишнего патернализма законодателя. Если применительно к корпоративным юридическим лицам подобные нормы оправдываются целью защиты интересов их миноритарных участников, то в унитарном личном фонде единственной фигурой, несущей риск неудачно выстроенной системы органов управления, остается учредитель.

2. Агентская проблема в ее преломлении в конструкции личного фонда

Потенциально возникновению агентской проблемы подвержены все договорные отношения, в которых одна сторона договора исполняет обязательство перед другой стороной. Иначе говоря, ключевой предпосылкой к возникновению агентской проблемы является передача распорядительных правомочий лицу, действующему в интересах принципала. Как писал С. В. Третьяков, перед нами «двухэлементная модель субъективного права, распадающаяся ровно на два составляющих его элемента, каждый из которых предполагает наличие собственного субъекта». То есть интерес экономического собственника существует в отрыве от «воли», реализуемой управляющим¹. При этом ситуация усугубляется асимметричностью получаемой сторонами договора информации: агент хорошо осведомлен о фактическом положении дел, тогда как принципал не всегда может удостовериться в том, что обязательства исполняются надлежащим образом.

В силу сказанного полагаем, что вероятность возникновения конфликта интересов между учредителем и «управляющим личным фондом», т. е. агентской проблемы, тем выше, чем более независимым от учредителя становится фонд при осуществлении своей деятельности и чем больше объем усмотрения у лиц, входящих в его органы управления. Поэтому, как верно считает Д. П. Заикин, внимание учредителя фонда должно быть сосредоточено на построении системы органов управления фонда с распределением их компетенции таким образом,

¹ Третьяков С.В. Субъективное право как интерес? Трактовка категории субъективного (частного) права в рамках классической теории интереса // Вестн. гражданского права. 2020. № 4. С. 5–44.

чтобы обеспечить систему сдержек и противовесов и исключить нахождение какого-либо органа фонда вне системы внутреннего контроля. Иными словами, конструкция личного фонда предполагает приоритет регламентации его деятельности¹.

Представляется, что при обособлении имущества с передачей его в личный фонд не будут эффективными стратегии, которые расширяют возможности принципала. Во-первых, наделение принципала дополнительными контрольными полномочиями приведет к дисбалансу системы сдержек и противовесов – если учредитель фонда контролирует деятельность лиц, входящих в органы управления фонда, и имеет механизмы воздействия на их поведение, существует вероятность, что такой учредитель может действовать в собственных целях, но не целях обособления. Во-вторых, фактическая возможность собственника осуществлять контроль после передачи имущества личному фонду осложняется отсутствием у него распорядительной власти.

В зарубежной литературе отмечается, что эффективности контроля за деятельностью профессиональных управляющих будут способствовать привлечение независимой стороны; создание системы, при которой возникнет здоровая конкуренция менеджеров («внутренний мониторинг»)²; стимулирование наемных менеджеров³.

В нашей стране функцию независимой стороны может выполнять, например, надзорный орган (абзац 2 п. 3 ст. 123.20-7 ГК РФ). Как уже отмечалось, такой орган согласовывает значимые действия фонда, участвует в принятии решения о досрочном прекращении полномочий его единоличного исполнительного органа и о назначении временного. Кроме того, согласие надзорного органа может требоваться для совершения фондом определенных сделок, что должно быть указано в его уставе (п. 5 ст. 123.20-7 ГК РФ).

¹ Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации. С. 250.

² Fama E. Agency Problems and the Theory of the Firm // The Journal of Political Economy. 1980. Vol. 88. № 2. P. 293, 294.

³ Hall J. H. The agency problem, agency cost and proposed solutions thereto: A South African perspective // Meditari Accountancy Research. 1998. Vol. 6. P. 148.

Финансовые (в том числе стимулирующие) положения о работе наемных менеджеров определяются условиями управления фонда (п. 4 ст. 123.20-7 ГК РФ).

3. Реализация участниками отношений по поводу имущественного обособления стратегий воздействия на агентскую проблему в личных фондах

В личном фонде изначально закреплена высокая степень информационной асимметрии относительно разных участников соответствующих отношений (абзац 4 п. 8, п. 12 ст. 123.20-4 ГК РФ). С одной стороны, ограниченная доступность информации зачастую соответствует воле учредителя фонда, с другой – способствует увеличению агентских издержек.

До августа 2024 г. публично доступным документом фонда являлся его устав. Законом № 251-ФЗ введена новая редакция п. 1 ст. 6 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», согласно которой содержащиеся в государственных реестрах сведения и документы являются открытыми и общедоступными, за исключением решений об учреждении личных фондов и уставов таких фондов, сведений об учредителях личных фондов, а также сведений, доступ к которым ограничен в соответствии с положениями Закона о международных компаниях.

Здесь, как полагаем, важно остановиться на таком элементе правового статуса бенефициаров личного фонда, как информационные права¹. Эти права прямо не названы в ГК РФ, однако являются имманентным спутником позиции участника корпорации, а также бенефициара личного фонда. Информационные права – то общее, что роднит участника корпорации, учредителя и бенефициара унитарного фонда, как, впрочем, и любое лицо, вверившее (передавшее) свое имущество в управление другого лица и/или обладающее правом на получение выгоды от такого управления. Как в свое время писал Л. С. Таль, «обязанность давать сведения, представить отчет и выдать все полученное лежит на всяком, кто

¹ Применительно к статусу учредителя личного фонда вопрос о реализации информационных прав, думается, не стоит, поскольку в основе создания фонда лежит воля учредителя. Положение учредителя подразумевает обладание им информацией о деятельности фонда.

ведет чужое дело, т. е. дело, относящееся к чужой имущественной сфере»¹. А. А. Кузнецов также полагает: «Отдав другому лицу свое имущество на условиях того, что оно будет управлять им, владелец имущества не может быть полностью лишен возможности узнать, как управляется данное имущество»².

Бенефициар обладает правом на информацию о деятельности личного фонда не потому, что у него есть корпоративные права (по нашему мнению, у бенефициара их нет), а потому, что он является носителем интереса в отношении имущества фонда. Проясним свою позицию относительно отсутствия у бенефициара корпоративных прав в отношении фонда. Согласно консервативному подходу корпоративные права – это членские права (а значит, они не могут возникать в организациях без членства). Мы же понимаем корпоративные права через категорию управления юридическим лицом, т. е. через призму возможности контролировать и корректировать (прямо или опосредованно) поведение организации³. С этой точки зрения нельзя не признать, что в какой-то степени корпоративные права у учредителя фонда имеются (п. 1 ст. 123.20-7 ГК РФ), хотя законом его участие в операционном управлении фондом ограничено (абзац 1 п. 2 ст. 123.20-7 ГК РФ). Бенефициар личного фонда (не наследственного) может выступать в качестве единоличного исполнительного органа личного фонда или члена коллегиального исполнительного органа наследственного фонда (п. 2 ст. 123.20-7 ГК РФ), но важно, что в этом случае

¹ Таль Л. С. Договор доверенности или поручения в проекте Гражданского уложения. СПб., 1911. С. 12.

² Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк.

³ По мнению Г. Е. Авилова и Е. А. Суханова, термин «корпоративное право» является в достаточной мере условным, отражая лишь тот факт, что подавляющее большинство юридических лиц относится к числу корпораций. Поэтому «рассмотрение в рамках корпоративного права статуса фондов <...> принципиально не меняет общего положения» (Авилов Г. Е., Суханов Е. А. Юридические лица в современном российском гражданском праве. С. 14–25). О. В. Гутников понимает под корпоративными правами отношения, которые возникают в связи с созданием признаваемого правом нового правосубъектного образования, наделенного учредителем обособленным имуществом и способного от своего имени выступать в гражданском обороте и нести самостоятельную имущественную ответственность по обязательствам перед третьими лицами. При этом «отношения, связанные с управлением юридическими лицами, возникают как в корпоративных организациях, так и в унитарных организациях (унитарных предприятиях, фондах), не имеющих членства» (Гутников О. В. Содержание корпоративных отношений // Журн. российского права. 2013. № 1. С. 26–39).

возможность бенефициара определять управление фондом следует не из его статуса как бенефициара, а из его участия в том или ином органе фонда (что в свою очередь может быть связано со статусом бенефициара).

В литературе предлагаются различные классификации корпоративных прав: отъемлемые и неотъемлемые¹; права отдельного акционера, права акционера-крупного владельца и права акционера-малого владельца²; связанные с имуществом и не связанные с имуществом³. Т. А. Шлыкова по различным основаниям выделяет единоличные и специальные; имущественные, неимущественные и управленческие; императивные, или основные, и диспозитивные, или дополнительные права⁴. Д. В. Ломакин делит их на имущественные, неимущественные и преимущественные⁵, а С. Д. Могилевский – на основные и дополнительные (предусмотренные не законом, а документами организации)⁶.

Право на информацию относят к основным безусловным правам, а также квалифицируют как неимущественное право⁷. Однако деление корпоративных прав на имущественные и неимущественные, хотя и очень распространено в литературе⁸, не является бесспорным¹. Таким же образом мы бы

¹ Вольф В. Ю. Основы учения о товариществах и акционерных обществах. М., 1927. С. 132–133.

² Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2000. С. 410–411.

³ Лаптев В. В. Акционерное право. М., 1999. С. 67–68; Ломакин Д. В. Акционерное правоотношение. М., 1997. С. 103–141; Он же. Корпоративные отношения и предмет гражданско-правового регулирования // Законодательство. 2004. № 5. С. 61.

⁴ Шлыкова Т. А. Права участников общества с ограниченной ответственностью: юридическая природа, понятие, виды: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

⁵ Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008.

⁶ Могилевский С. Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М., 2010. С. 81.

⁷ Шиткина И. С. Правовое регулирование корпоративных прав и обязанностей // Хозяйство и право. 2011. № 1 (Прил.). С. 3–26.

⁸ См.: Корпоративное право: учеб. курс: в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. М., 2017. Т. 1; Абрамов В. Ю., Абрамов Ю. В. Корпоративное право: права и обязанности участников хозяйственных обществ: практ. пособие с судебным комментарием. М., 2021; Корпоративное право: учеб. / отв. ред. И. С. Шиткина. 2-е изд. М., 2015; Гентовт О. И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: моногр. М., 2022; Курбатов А. Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: моногр. М., 2022; Борисенко А. В. Незванный участник: правовое положение

охарактеризовали выделение имущественных и неимущественных прав бенефициара к фонду.

Об имущественной природе корпоративных прав пишут Д. В. Ломакин², М. А. Рожкова³. Критически относится к дихотомии «имущественные» – «неимущественные» права Д. И. Степанов⁴.

О. В. Гутников, хотя и придерживается указанной классификации, отмечает, что интересы участника хозяйственного общества «реализуются в процессе осуществления всей совокупности принадлежащих ему прав»⁵. Но если все корпоративные права направлены на удовлетворение интереса их субъекта – собственника имущества, находящегося в управлении иного лица, т. е. в конечном счете в отношении названного имущества, то могут ли какие-либо из них считаться неимущественными? Думаем, что нет. «К юридическим лицам, в отношении которых учредители не имеют имущественных прав, относятся общественные и религиозные организации (объединения), благотворительные и иные фонды, объединения юридических лиц (ассоциации и союзы). Но отсутствие имущественных прав не означает, что между членами и юридическим лицом нет имущественных правоотношений», – подчеркивает О. В. Гутников⁶. Сказанное в полной мере справедливо в отношении личных фондов, которых российское право в момент написания им этих строк еще не знало.

лица, приобретшего долю в уставном капитале ООО при отсутствии необходимого согласия участников общества // Вестн. экономического правосудия РФ. 2023. № 5. С. 150–167.

¹ Степанов П. В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 9, 27; Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. С. 119–120, 158; Суханов Е. А. Гражданское право как отрасль права // Гражданское право: учеб. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. М., 2004. С. 41.

² Ломакин Д. В. Акционерное правоотношение: понятие, содержание, субъекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 12–13; Он же. Теория корпоративных правоотношений: от мифа к реальности // Хозяйство и право. 2009. № 7. С. 58.

³ Рожкова М. А. Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестн. ВАС РФ. 2005. № 9. С. 145.

⁴ Степанов Д. И. От субъекта ответственности к природе корпоративных отношений // Вестн. ВАС РФ. 2009. № 1.

⁵ Гутников О. В. Содержание корпоративных отношений.

⁶ Там же.

По нашему мнению, права участника отношений, возникающих при учреждении имущественного обособления, следует рассматривать как единый комплекс прав. Право на информацию входит в указанный комплекс и представляет собой предпосылку, необходимую для реализации бенефициаром фонда его положения относительно фонда.

А. А. Кузнецов отмечает, что право на информацию рассматривается как императивное в том смысле, что уставом корпорации его невозможно ограничить или исключить¹.

В основе права бенефициара на информацию о деятельности фонда лежит наличие разумного интереса субъекта права на информацию. Затрагивая интерес как правовую категорию, нельзя не обратиться к его пониманию С. В. Третьяковым, который (как уже говорилось ранее) полагал, что «модель субъективного права состоит из двух элементов, которые в отношениях по управлению чужим имуществом предполагают наличие каждый собственного субъекта»². Так называемый экономический собственник есть субъект, обладающий интересом. В широком смысле управляющий, а в личном фонде это сам фонд, обладает волей, которая изначально сформирована учредителем фонда и кристаллизовалась при его создании. Носитель интереса (бенефициар) не имеет воли (не управляет фондом), а управляющий имуществом не имеет собственного интереса.

Признание наличия у бенефициаров фонда интереса приводит к выводу о безусловности права этих субъектов на информацию, поскольку лишь это дает им возможность защитить свой интерес. При этом объем получаемой информации предопределен интересом конкретного субъекта и, как представляется, априори не безграничен. Применительно к публичным акционерным обществам в целях обеспечения баланса между интересами (безопасностью) корпорации и правом акционера на информацию закон устанавливает минимальное количество акций,

¹ Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк.

² Третьяков С. В. Субъективное право как интерес? Трактровка категории субъективного (частного) права в рамках классической теории интереса.

необходимое для получения той или иной информации о деятельности общества. В свою очередь, интерес выгодоприобретателя личного фонда не поддается линейной (количественной) оценке и не может быть измерен так же просто, как участие в капитале хозяйственного общества. При таких обстоятельствах, принимая во внимание интересы личного фонда (волю его учредителя), законодатель использовал здесь другие решения.

Во-первых, выгодоприобретатель личного фонда вправе потребовать от личного фонда, а выгодоприобретатель наследственного фонда вправе потребовать от нотариуса или наследственного фонда ознакомить их с той частью условий управления личным фондом, в которой содержатся порядок определения и назначения органов личного фонда, положения о передаче этому выгодоприобретателю всего или части имущества личного фонда, а также описание обстоятельств, при наступлении которых осуществляется такая передача (п. 5 ст. 123.20-5 ГК РФ). Во-вторых, если это соответствует воле учредителя, т. е. предусмотрено уставом личного фонда, выгодоприобретатель вправе получать у личного фонда информацию о его деятельности (п. 3 ст. 123.20-6 ГК РФ). В-третьих, выгодоприобретатель всегда, т. е. безусловно, вправе потребовать проведения аудита деятельности личного фонда выбранным им аудитором (п. 4 ст. 123.20-6 ГК РФ).

Право на доступ к информации о деятельности или инициирование аудита ценно не столько само по себе, сколько как основание для реализации ex post контроля со стороны определенных субъектов отношений по имущественному обособлению.

Возмещение убытков. Одной из ключевых защитных опций для выгодоприобретателя является то, что в случае нарушения условий управления личным фондом, повлекшего возникновение у него убытков, он вправе потребовать их возмещения (п. 5 ст. 123.20-6 ГК РФ). При этом такое право должно быть прямо предусмотрено уставом личного фонда. Но если данное право выгодоприобретателя не предусмотрено уставом, а убытки ему причинены, кто может требовать их возмещения?

Нельзя назвать четко урегулированной и следующую ситуацию. Выгодоприобретатели личного фонда могут определяться органами личного фонда в соответствии с условиями управления (п. 2 ст. 123.20-5 ГК РФ). Но если они еще не определены, а органами управления фонда совершены действия, повлекшие убытки фонду (а значит, и выгодоприобретателям), кто может реализовать право на предъявление соответствующих требований? Даже при закреплении соответствующего права в уставе выгодоприобретатели смогут обратиться с таким требованием лишь спустя, возможно, длительное время после совершения органами управления фонда противоправных действий (бездействия).

Поставленные вопросы показывают, что закон в рассматриваемой части небезупречен. Право на возмещение убытков, по нашему мнению, должно принадлежать выгодоприобретателю вне зависимости от его закрепления в уставе, как минимум, после смерти учредителя. Иначе мыслима ситуация, когда после смерти учредителя фонда и при незакрепленности в его уставе данного права выгодоприобретателя не будет действовать механизм *ex post* контроля за агентом. Излишне объяснять, что такое положение вещей повышает риски оппортунистического поведения органов управления фонда.

Тезис о безусловности этого права объясняется следующим. Будучи лишь носителем воли, а не интереса, личный фонд не должен осуществлять управление своим имуществом бесконтрольно – как управляющий активом личный фонд управляет не своим имуществом. Следовательно, у субъекта интереса должен иметься рычаг контроля за действиями управляющего. Право не порождает и не поощряет ситуации, когда бы за действиями лица, осуществляющего управление чужим (в экономическом смысле) имуществом, не предусматривался механизм контроля. В анализируемой ситуации оправданно допускается ограничение автономии воли учредителя, который, возможно, осознанно не предусмотрел в уставе право выгодоприобретателей на возмещение убытков.

Кто выступает ответчиком по такому иску – фонд или его орган (конкретный менеджер)?

Иск выгодоприобретателя легально сконструирован как прямой: в законе говорится об убытках, причиненных бенефициару (не фонду), а следовательно, они возмещаются напрямую процессуальному и материальному истцу – бенефициару (п. 5 ст. 123.20-6 ГК РФ). Если бенефициар сам является стороной материально-правовых отношений, из которых следует право требования, то единственной обязанной по отношению к нему стороной является фонд.

Д. П. Заикин отмечает различия в решении этого вопроса в трасте и фонде: в отличие от членов траста, «члены органов фонда не несут обязанности в отношении дестинаторов и, следовательно, не связаны с ними правоотношениями, иное противоречило бы идее собственной правосубъектности фонда как юридического лица и присущему ей выделению внешних и внутренних отношений в юридическом лице. <...> Дестинаторы, чьи права требования к фонду нарушены, вправе обратиться с иском к обязанному лицу, в качестве которого выступает фонд, – в дальнейшем у фонда есть возможность обратиться с регрессным иском к членам органов управления, нарушившим „фидуциарные обязанности“»¹.

Нормы российского закона о личных фондах не содержат указаний на иных, помимо выгодоприобретателей, лиц, которым предоставлено право требовать возмещения убытков. Обратимся к общим нормам о юридических лицах. В п. 1 ст. 53.1 ГК РФ устанавливается, что правом на предъявление требования об убытках обладает как само юридическое лицо, так и его учредители (участники), выступающие в интересах юридического лица. По этой причине право на предъявление требований к органам управления фонда об убытках имеется у учредителя фонда при его жизни, поскольку он заинтересован в том, чтобы его воля на осуществление фондом деятельности реализовывалась надлежащим образом.

¹ Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус дестинаторов частно-полезного фонда.

Такой иск учредителя фонда является косвенным (взыскание осуществляется в пользу фонда)¹. Возможен ли косвенный иск бенефициара в пользу фонда?

Анализируя подходы к решению этого вопроса в иностранных правовых порядках, Д. П. Заикин приходит к следующему заключению: «Целесообразно позволять закрепление за дестинаторами в уставе права обращаться от своего имени в защиту прав и интересов фонда с иском к членам его органов в случае нарушения ими „фидуциарных обязанностей“ с требованием о возмещении убытков, а также о досрочном прекращении их полномочий в случае, если уполномоченные на это органы фонда отсутствуют или неправомерно бездействуют». Опираясь на немецкую доктрину, он так обосновывает наличие косвенного иска выгодоприобретателя: «Подразумеваемая воля учредителя на то, чтобы управомочить дестинатора в исключительном случае реализовать притязание фонда, будет следовать из наделения дестинатора правом требовать предоставления от фонда»².

Мы также полагаем, что бенефициары фонда должны обладать правом выступить в защиту фонда даже при незакрепленности названного права в его уставе. Соответствующая воля учредителя может предполагаться, поскольку при определенных обстоятельствах от реализации этого способа защиты будут зависеть возможность продолжения деятельности фонда и достижимость заданных его учредителем целей.

Оспаривание сделок. В силу того, что закон предусматривает возможность создания факультативных органов управления фонда (высший коллегиальный орган, попечительский совет, надзорный орган) с включением в их компетенцию полномочия на согласование определенных сделок, совершаемых фондом, рассмотрим вопрос о последствиях их несогласования.

¹ Гражданский процесс: учеб. для студентов высших юридических учебных заведений / отв. ред. В. В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2017.

² См. подробнее: Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус дестинаторов частного-полезного фонда.

В соответствии с п. 1 ст. 53.1 ГК РФ несогласование совершения сделки с органом управления, к компетенции которого это относится, может повлечь возникновение оснований требовать убытки от лица (в частности, единоличного исполнительного органа), заключившего сделку с нарушением положения устава о порядке ее согласования¹. Порождает ли такое несогласование право на оспаривание совершенной сделки? Этот вопрос является частным по отношению к более общему вопросу о праве учредителя, выгодоприобретателя или какого-либо факультативного органа управления фонда оспаривать совершенные фондом сделки. Специальные положения о личном фонде этого не предусматривают.

Обратимся к общим нормам ГК РФ об оспаривании сделок. Так, специальный состав недействительности сделок, совершенных без необходимого согласия органа юридического лица, предусматривает в качестве последствия оспоримость сделки (ст. 173¹ ГК РФ). Однако необходимость получения такого согласия должна прямо следовать из федерального закона. Важно отметить, что третьи лица могут получить сведения об устройстве системы органов управления личным фондом лишь в объеме, публично доступном в ЕГРЮЛ, т. е. в объеме информации о единоличном исполнительном органе, который вправе действовать от имени личного фонда без доверенности.

В нормах, регулирующих институт личного фонда, указывается лишь на то, что необходимость получения согласия высшего коллегиального органа личного фонда, надзорного органа личного фонда или иного органа личного фонда на совершение указанных в его уставе сделок может быть предусмотрена уставом (п. 5 ст. 123.20-7 ГК РФ). На наш взгляд, приведенное правило носит диспозитивный характер, поскольку само по себе создание всех органов управления личного фонда, за исключением единоличного исполнительного органа, является правом, но не обязанностью фонда. Представляется, что совершение сделки фондом в лице его единоличного исполнительного органа с

¹ О возможности предъявления требования об убытках см. п. 90 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

нарушением порядка ее согласования с другим органом фонда не подпадает под регулирование ст. 173.1 ГК РФ, поскольку в данном случае налицо нарушение не закона, а уставного положения, пусть и в рамках реализации возможности, предоставленной в законе¹.

Несмотря на отсутствие у учредителя личного фонда права на оспаривание сделки, совершенной с нарушением уставного порядка, он, не являясь истцом по соответствующему иску, по умолчанию обладает значительным управленческим потенциалом. Так, если иное не установлено в уставе, он вправе изменить устав, условия управления и иные внутренние документы личного фонда и соответственно изменить состав органов фонда, их функции и лиц, в них входящих. Другими словами, если появляется информация о совершении единоличным исполнительным органом от имени фонда сделок, отклоняющихся от нормальных или прямо нарушающих порядок, заданный учредителем, он может заменить менеджера фонда. В свою очередь, новый руководитель вправе ставить вопрос об оспаривании совершенных ранее сделок от имени фонда как стороны этих сделок.

Данная ситуация принципиально не отличается от множества подобных конфликтов менеджмента и собственников бизнеса в корпоративных юридических лицах, с той лишь особенностью, что в личном фонде практически невозможен корпоративный конфликт на уровне собственников, поскольку

¹ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2018 (автор комментария к ст. 173.1 ГК РФ – А. А. Громов) (СПС «КонсультантПлюс»).

Интересно, что в одном из 11 изученных нами уставов личных фондов содержится положение о праве выгодоприобретателей оспаривать сделки фонда (без указания оснований) и требовать применения последствий их недействительности. На наш взгляд, уставом такое право предоставлено быть не может. Бенефициар фонда в отличие от участника корпорации не может считаться представителем фонда и в этом качестве инициировать оспаривание. Свой непосредственный интерес, нарушенный подобной сделкой, бенефициар защищает иском о возмещении убытков. При этом о наличии у него права на такой иск должно быть указано в уставе фонда (п. 5 ст. 123.20–6 ГК РФ). По нашему мнению, это неудачное решение законодателя, поскольку право на такой иск выводится путем толкования из целей личного фонда и обусловлено наличием у выгодоприобретателя интереса в обособленном имуществе фонда.

учредитель один (исключение – учреждение личного фонда супругами), и он не может быть заменен на другое лицо.

Однако имеет ли учредитель право при возникновении такой ситуации вмешаться в управление личным фондом, если он сам закрепил в уставе фонда правило о невозможности учредителя при жизни изменять устав, условия управления и иные документы фонда? Полагаем, как мы уже ранее отмечали, что учредитель должен иметь такую возможность. Однако поскольку он сам ранее ограничил себя в этом, то такая интервенция не должна иметь безграничный и произвольный характер. Полагаем, что решение о праве учредителя вопреки положениям устава фонда вмешаться в управление должно приниматься только в судебном порядке и при обосновании им причин на такую интервенцию в дела фонда. Как субъект интереса в отношении своего имущества, обособленного путем учреждения личного фонда, учредитель не может не иметь возможности скорректировать деятельность органов управления фонда, расходящуюся с целями фонда.

В данном случае можно провести аналогию с порядком ликвидации личного фонда, предусмотренном в п. 11 ст. 123.20-4 ГК РФ: по решению суда в связи с наступлением экстраординарных обстоятельств, например, в случае невозможности сформировать органы его управления, невозможности выполнить условия определения выгодоприобретателей. Названные обстоятельства в конечном счете означают невозможность достижения целей фонда, которые обозначил ему учредитель.

Теоретически можно представить себе ситуацию, когда и учредитель, и выгодоприобретатели со ссылкой на ст. 168 ГК РФ обращаются в суд с просьбой признать недействительной сделку фонда как нарушающую требования закона и права и охраняемые законом их интересы. Вместе с тем такое оспаривание, если и возможно, должно носить исключительный характер. Кроме того, вероятно, что такой иск не будет лежать в плоскости отношений «учредитель – личный фонд» или «выгодоприобретатель – личный фонд».

Создание сбалансированной системы управления фондом позволяет обеспечить реализацию воли собственника после его смерти. В той или иной степени эта воля связана с сохранением функционирования имущества предпринимательского назначения. В части определенных активов управление может предусматривать привлечение экспертов конкретной отрасли экономики.

Для настройки системы управления фондом может потребоваться длительное время. Заранее разработанные алгоритмы управления личным фондом определяют пределы власти личного фонда (в лице его менеджеров) в отношении обособленного имущества и возможности выгодоприобретателей как субъектов интереса в обособленном имуществе по контролю за осуществляемым фондом управлением. При этом установление собственником указанных пределов не обязательно считать ограничением права собственности личного фонда. Возможно, собственник, создающий личный фонд и наделяющий его своим имуществом, таким образом определяет содержание права своего личного фонда в отношении переданного ему имущества. Не в этом ли проявляется автономия воли как «ограниченный суверенитет» в частном праве¹?

Традиционно под правом собственности понимают полное господство над вещью, заключающееся в исключительной возможности субъекта по своему усмотрению решать, каким образом использовать свое имущество. Вероятно, исходя из этого может возникнуть идея о некоем праве *suī generis*, на котором имуществом обладает личный фонд. Однако, как показывает С. В. Третьяков, понятие «господство над вещью проблематично»², а «субъективное частное право стало рассматриваться не как единое, а как несколько типов права наделения, классифицируемых в зависимости от характера, степени выраженности и

¹ Таль Л. С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование (сер. «Классика российской цивилистики»). М., 2006. С. 424.

² Третьяков С. В. Юридическое господство над объектом как догматическая конструкция континентальной цивилистики // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: сб. ст. к юбилею доктора юридических наук, профессора Евгения Алексеевича Суханова. М., 2018. С. 481–509.

содержания волевого компонента»¹. При этом в отношениях с третьими лицами, находящимися за периметром отношений по имущественному обособлению, право собственности личного фонда не может отличаться от права собственности иного участника гражданского оборота.

Выводы

1. В системе органов управления личным фондом воплощается воля его учредителя – его представление о том, как должен функционировать пул активов, право собственности на который он безвозмездно передает фонду. Законодатель вполне обоснованно не вторгается во внутреннее устройство фонда, устанавливая лишь правила, которые относятся к конструктиву рассматриваемого института. Во-первых, учредитель не может быть единоличным исполнительным органом или членом коллегиального органа личного фонда (выгодоприобретатель – в наследственном фонде). В противном случае будет нарушена автономия фонда как управляющего от экономического собственника (на благо которого осуществляется управление), а функция управления сольется с собственностью в экономическом смысле. Во-вторых, закон ограничивает вмешательство в управление фондом со стороны одного органа (через смену состава другого органа), поскольку фонд может существовать и после смерти учредителя, а значит, должны иметься сдержки и противовесы в управлении, а не примат одного органа над другими.

2. Обозначенные императивные нормы ГК РФ в части регулирования управления в личных фондах ограничивают автономию воли собственника-учредителя по организации управления своим имуществом. Подобные ограничения представляются исключительными и оправданными, так как введены для поддержания личного фонда как формы имущественного обособления в состоянии, способном к достижению целей, ради которых он создается.

¹ Третьяков С. В. Субъективное право как интерес? Трактовка категории субъективного (частного) права в рамках классической теории интереса.

3. Личному фонду закономерно присуща возможность возникновения агентской проблемы, поскольку в нем разделены собственность и управление. Модель «принципал – агент» в конструкции личного фонда выглядит следующим образом: «экономический собственник – органы управления личного фонда» (первым может быть как учредитель, так и выгодоприобретатель).

4. Решить (смягчить) агентскую проблему при создании личного фонда помогут заранее продуманная система управления и четких правил, в соответствии с которыми фонд управляет переданными ему активами. Контроль принципала за агентом не является здесь приоритетной стратегией, поскольку при этом, во-первых, увеличиваются издержки по организации контроля, во-вторых, возникают риски стирания границ между обособленными имущественными массами фонда и субъекта контроля.

5. Права участника отношений по имущественному обособлению, в том числе право на информацию, составляют единый комплекс прав, в рамках которого имущественные и неимущественные права неразделимы.

6. Право на информацию представляет собой предпосылку, необходимую для реализации бенефициаром фонда его положения относительно фонда (в частности, права на получение имущества и ex post контроля за действиями органов управления).

7. Право на возмещение убытков, вызванных нарушением условий управления личным фондом, должно принадлежать выгодоприобретателю вне зависимости от закрепления этого в уставе, как минимум, после смерти учредителя. При этом бенефициары фонда должны обладать правом выступить в защиту фонда (косвенный иск бенефициара в пользу фонда). Учредитель обладает соответствующим правом в силу общих положений закона о юридических лицах (п. 1 ст. 53.1 ГК РФ). При этом он вправе косвенно инициировать оспаривание сделок через органы фонда. Наличие у него такой возможности при определенных условиях следует признавать, даже если в уставе фонда закреплено соответствующее ограничение, однако для ее реализации потребуются судебное решение.

§ 2. Защита прав кредиторов при обособлении имущества путем его передачи личному фонду

Контроль над имуществом, пусть и через конструкцию коммерческой организации, обуславливает опосредованный доступ к нему кредиторов, не связанных с бизнесом организации. Обращение взыскания кредиторов на долю или акции должника-участника коммерческой организации нередко ставит под угрозу продолжение компанией бизнеса, в развитии которого такие кредиторы во многих случаях не заинтересованы хотя бы потому, что никакого отношения к нему не имели и соответствующими способностями, навыками не обладают.

Суть идеи обособления имущества, как уже отмечалось, состоит в возможности собственника разделить свои активы на части, или фонды, каждому из которых он может придать собственный правовой режим. Этот режим кроме порядка управления имуществом будет определять и порядок ответственности обособленным имуществом перед кредиторами. Степень вовлеченности экономического собственника в управление влияет на степень обособленности имущества. Личный фонд как результат развития названной идеи отвечает по долгам тех кредиторов, которые вступили в отношения именно с самим фондом. Иные требования по общему правилу не могут погашаться за счет обособленной в фонде имущественной массы. Эти иные требования могут возникнуть у кредиторов как учредителя личного фонда в связи с его деятельностью, не связанной с личным фондом и внесенным в него имуществом, так и выгодоприобретателя.

1. Защита прав кредиторов учредителя личного фонда

Как отмечалось ранее, личный фонд характеризуется наивысшей степенью подтверждающего обособления его имущества. Это означает, что личные кредиторы учредителя не могут обратить взыскание не только на обособленное имущество (имущество фонда), но и на его бенефициарные права (если таковые у него имеются). В этом смысле личный фонд соответствует своей организационно-

правовой форме, поскольку такое обособление характерно для некоммерческих унитарных организаций. Передавая имущество личному фонду, учредитель не получает взамен каких-либо прав, на которые его личные кредиторы могли бы обратить взыскание. Имущество, передаваемое личному фонду его учредителем, принадлежит личному фонду на праве собственности. Учредитель личного фонда не имеет прав на имущество созданного им фонда (п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ). Замена учредителя личного фонда не допускается (абзац 2 п. 3 ст. 123.20-4 ГК РФ). Даже если учредитель одновременно занимает позицию выгодоприобретателя учрежденного фонда, по отношению к фонду он не имеет прав, которыми мог бы рассчитаться по своим долгам (абзац 2 п. 1 ст. 123.20-6 ГК РФ).

Какие правовые балансиры используются для защиты прав кредиторов собственника, передавшего часть своего имущества в личный фонд? По нашему мнению, в отечественном правопорядке таких балансиров три: публичность обособления, субсидиарная ответственность личного фонда, возможность признания учреждения фонда мнимой сделкой.

Публичность обособления. Выше уже подчеркивалось, что степень обособленности имущества от требований кредиторов, не связанных напрямую с этим имуществом (т. е. не кредиторов обособленного имущества, а прочих кредиторов собственника) должна зависеть от степени публичности и доступности информации о факте его обособления¹. В случаях, когда собственник сделал публичным факт обособления части своего имущества, все лица, вступающие с ним в отношения, осведомлены о возможных рисках и могут потребовать от него предоставления дополнительных гарантий (обеспечения). Таким образом, риски, связанные с имущественным обособлением, становятся контролируемыми.

¹ Третьих лиц защищает концепция разумной осмотрительности (п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25).

Информация о создании личного фонда как юридического лица является открытой, и такое решение законодателя нельзя считать случайным¹.

Ограничение возможности свободно получить в регистрирующем органе экземпляр устава фонда произошло на фоне тенденции к закрытию информации публичных реестров для третьих лиц. Так, в Пояснительной записке к законопроекту, которым эти изменения были предложены, говорится, что личный фонд как продолжение деятельности своего учредителя направлен на достижение частных целей, а не общественных благ, а потому контроль над личным фондом по аналогии с тем, как он осуществляется над некоммерческими организациями, а также повышенное внимание общества и государства к личным фондам излишни².

Полагаем, что контроль государства за унитарными некоммерческими организациями, к числу которых относится и личный фонд, обусловлен не только и не столько направленностью деятельности таких организацией на достижение общественно полезных целей (тем более что у личного фонда такой цели нет), сколько той наивысшей степенью обособленности имущества, которую обеспечивает организационно-правовая форма унитарной некоммерческой организации. Контроль государства за тем, как создаются подобные юридические лица, традиционно строже, чем контроль за созданием, к примеру, хозяйственных обществ.

Ограничение доступа к информации о личных фондах, содержащейся в публичных реестрах, если и может быть оправдано, то точно не «природой личных фондов как механизма управления активами физического лица»³. Для той

¹ «С учетом открытости данных единого государственного реестра юридических лиц, из которого в любой момент можно получить сведения о государственной регистрации личного фонда, кредиторы гражданина-учредителя будут иметь достаточно инструментов для защиты своих интересов» (Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1172284-7 «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»).

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Экспертное заключение Исследовательского центра частного права им. С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации от 25.07.2024 по проектам федеральных законов «О

же цели – управления активами физического лица – может вполне успешно использоваться и хозяйственное общество, однако сведения о таком юридическом лице в публичном реестре по-прежнему остаются общедоступными. Являя собой форму обособления имущества в целях управления частным капиталом, личный фонд одновременно участвует в гражданском обороте, где вступает в отношения с иными равными себе субъектами, а следовательно, подчиняется тем же правилам, исключения из которых допустимы, но требуют обоснования. Серьезных обоснований, лежащих в сфере действия частного права, для закрытия информации о личных фондах в публичном реестре юридических лиц не усматривается.

Фонд открыто владеет переданным ему имуществом, выступая титульным собственником. Чем выше степень публичности обособления и доступности соответствующей информации, тем меньше у участников оборота затраты на мониторинг и проверку лица, с которым они вступают или уже вступили в правоотношения.

Вместе с тем у экономического собственника обособленного имущества могут возникнуть так называемые недобровольные кредиторы – те лица, которые не выбирали своего должника, а «впали» в правоотношения с ним¹. Причем обеспечение интересов таких недобровольных кредиторов в принципе представляет значительную проблему для корпоративного права². Состоит она в

внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

¹ Как отмечает В. И. Григорьев, некоторые исследователи понимают категорию недобровольных кредиторов весьма широко, относя к ней, помимо кредиторов из деликта, «любого кредитора, у которого нет возможности защитить себя заранее», «кредиторов со слабой переговорной позицией» (например, работники), кредиторов по «требованиям о возмещении вреда, причиненного товарами с дефектами, требованиям, вытекающим из антимонопольного регулирования, экологических правонарушений, требованиям налогового органа» и пр. (Григорьев В. И. Недобровольные кредиторы: есть ли им место в российских законодательстве и доктрине? // Вестн. экономического правосудия РФ. 2022. № 12).

² См., например: Hansmann H., Kraakman R. Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts // Yale Law Journal. 1991. Vol. 100. P. 1879, 1919; Bebchuk L. A., Fried J. M. The Uneasy Case for the Priority of Secured Claims in Bankruptcy // Yale Law Journal. 1996. Vol. 105. P. 1296–1298; Бевзенко Р. С. Оправданность приоритета, предоставляемого кредитору вещным обеспечением: очерк догмы, теории и политики права // Вестн. гражданского права. 2017. № 4.

том, что создание юридического лица может служить средством ограничения ответственности не только перед контрактными, но и перед деликтными кредиторами. Последние не являются добровольными кредиторами и, в отличие от контрактных кредиторов, не соглашаются на ограниченную ответственность. Кроме того, они лишены возможности выговорить для себя достаточное обеспечение своих требований. «При этом практически нигде в мире на уровне закона не предусмотрены специальные меры, направленные на защиту недобровольных кредиторов в качестве отдельной категории»¹.

В литературе в отношении участников корпораций предлагается установление двух режимов: ограниченной ответственности по требованиям контрактных кредиторов и ответственности всем личным имуществом по требованиям недобровольных кредиторов². Очевидно, что в отношении учредителя личного фонда – юридического лица некорпоративного типа – при его отстранении от управления подобное решение неприменимо.

Недобровольные кредиторы, требования которых вытекают из причинения вреда жизни и здоровью, при банкротстве должника получают приоритет по сравнению с добровольными кредиторами. В литературе обсуждается вопрос об использовании в этой сфере страховых механизмов³. Для недобровольных кредиторов предлагается установление законного залога⁴ или специальной квоты от вырученного за счет залога⁵. Все это будет работать относительно и учредителя личного фонда, однако исключительно в рамках имущественной массы его как должника. Имущество, которое правомерно передано в личный фонд, должнику не принадлежит, и никакие, в том числе недобровольные,

¹ Григорьев В. И. Недобровольные кредиторы: есть ли им место в российских законодательстве и доктрине?

² Hansmann H., Kraakman R. The Essential Role of Organizational Law. P. 65.

³ Бевзенко Р. С. Оправданность приоритета, предоставляемого кредитору вещным обеспечением: очерк догмы, теории и политики права; Григорьев В. И. Недобровольные кредиторы: есть ли им место в российских законодательстве и доктрине?

⁴ Бевзенко Р. С. Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции: дис. ... д-ра юрид. наук. С. 135.

⁵ Григорьев В. И. Недобровольные кредиторы: есть ли им место в российских законодательстве и доктрине?

кредиторы учредителя фонда не могут получить удовлетворение из него. Так проявляется подтверждающее обособление – конститутивный элемент рассматриваемой конструкции.

Субсидиарная ответственность личного фонда. По общему правилу п. 2 ст. 56 ГК РФ, юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника. Специальные законы содержат аналогичные положения. Например, хозяйственные общества не отвечают по обязательствам своих участников (акционеров) (п. 2 ст. 3 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», п. 2 ст. 3 ФЗ «Об акционерных обществах»).

Закон указывает на возможность исключений из этого правила применительно как к корпоративным, так и к унитарным юридическим лицам, к лицам коммерческим и некоммерческим (см. пп. 3, 4 ст. 66.2, п. 2 ст. 68, п. 1 ст. 87, п. 6 ст. 113, п. 3 ст. 123.8, п. 3 ст. 123.21, п. 4 ст. 123.22, п. 2 ст. 123.23 ГК РФ). Однако подчеркнем, что все эти исключения касаются не ответственности юридического лица за своих учредителей (участников), а наоборот – ответственности последних за созданную ими юридическую фикцию. Акции или доли участия в корпоративных юридических лицах входят в состав имущества их акционера (участника), а потому могут стать объектом обращения взыскания со стороны его кредиторов. Обращая взыскания на корпоративные права должника, его кредиторы получают доступ к имуществу компании¹.

¹ О. В. Гутников критически относится к недостаточной распространенности в отечественном правовом порядке обратного снятия корпоративных покровов (*reverse veil piercing*) в интересах кредиторов участников юридического лица. «Оно применяется в случаях, когда юридическое лицо фактически является лишь инструментом в руках контролирующего участника и создается только для вида с целью вывести и тем самым скрыть определенную часть имущества учредителя от взыскания его кредиторов». Так, «хозяйственные общества будут отвечать по обязательствам учредителей, возникшим до регистрации общества, если общее собрание одобрит действия учредителей (абзац второй п. 2 ст. 89, абзац второй п. 2 ст. 98 ГК РФ); в п. 1 ст. 55.16 ГК РФ предусмотрено, что саморегулируемая организация в области градостроительной деятельности в пределах средств компенсационного фонда саморегулируемой организации несет солидарную ответственность по обязательствам своих членов, возникшим вследствие причинения вреда в результате разрушения объекта капитального строительства» (Гутников О. В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестн. гражданского права. 2014. № 6).

Принципиально иным является регулирование личных фондов. В соответствии с п. 6 ст. 123.20-4 ГК РФ личный фонд несет субсидиарную ответственность своим имуществом по обязательствам учредителя в течение трех лет со дня своего создания. В исключительных случаях, если кредиторы личного фонда или учредителя личного фонда по уважительным причинам не имели возможности обратиться с требованиями к учредителю личного фонда или личному фонду в течение указанного срока, этот срок может быть продлен судом, но не более чем на пять лет со дня создания личного фонда.

Субсидиарная ответственность личного фонда ставится в зависимость только от недостаточности имущества учредителя для исполнения обязательства. Использование этого механизма не зависит от вины субсидиарного должника, банкротства основного должника и ограничено пресекательным сроком.

На наш взгляд, правило об ответственности фонда по долгам учредителя продиктовано желанием законодателя защитить личных кредиторов учредителя фонда от вывода последним своих активов из-под взыскания. Иными словами, установленный трехлетний (в исключительных случаях – пятилетний) срок обеспечивает баланс в случае, когда учредитель-собственник активов скрывает их путем передачи в личный фонд в связи с уже имеющимися у него неисполненными обязательствами перед кредиторами или в преддверии такой ситуации, когда ее наступление для него очевидно.

Право о трастах по-разному ограничивает злоупотребления этой конструкцией. Так, не допускается намеренное учреждение траста для обособления имущества лица, находящегося в преддверии банкротства¹. При этом передача имущества в траст не рассматривается как направленная против кредиторов учредителя, если траст создан более чем за пять лет до возникновения обязательств². Вывод активов должника через конструкцию траста прямо запрещен и в странах, где используется международная модель траста (например,

¹ Insolvency UK Act 1986. Sections 339–423. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/45/section/423>.

² Gardener B. Trusts and attempts to avoid creditors. URL: <https://www.thepfs.org/learning-index/articles/trusts-and-attempts-to-avoid-creditors/50518>.

Каймановы острова, Бермуды). Кроме того, можно сказать, что учреждение траста подразумевает точное соблюдение многих формальностей. Их нарушение влечет недействительность учреждения траста¹.

При исследовании вопроса о возможности кредиторов требовать обращения взыскания на имущество учредителя в трасте необходимо учитывать несколько факторов: 1) является ли траст отзывным или безотзывным; 2) заявлены ли требования кредитора до или после смерти учредителя траста; 3) каковы совокупность правомочий в отношении имущества и объем распорядительной власти учредителя. Общую правовую позицию по указанному вопросу сформировал Верховный суд США. Он разъяснил, что право учредителя на отзыв имущества из траста не является имущественным. По этой причине имущество в трасте не может рассматриваться как имущество, принадлежащее учредителю траста на основании имущественного субъективного права. Как следствие, учредитель не отвечает этим имуществом перед кредиторами по личным обязательствам. Принудительная реализация субъективного права учредителя на отзыв имущества из траста недопустима².

Представляется, что схожий подход используется в российском праве в отношении права учредителя личного фонда на имущество, переданное в фонд: «Права учредителя личного фонда на то имущество, которое он передает фонду, прекращаются при этой передаче, а возврат фондом этого имущества учредителю невозможен. Это принципиальное правило нацелено на защиту интересов кредиторов личного фонда»³.

Противоположной позиции придерживаются законодатели некоторых американских штатов. К примеру, в соответствии с правом штата Нью-Йорк учредитель траста обладает субъективным правом на отзыв имущества из траста. То есть он может быть признан «абсолютным собственником» (absolute owner)

¹ См., например: Wright v. Atkins [1832]; Knight v. Knight [1840].

² Jones v. Clifton, 101 U.S. 225 (1879).

³ Экспертное заключение Исследовательского центра частного права им. С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации от 25.07.2024.

для целей решения всех вопросов, сопряженных с удовлетворением имущественных требований кредиторов¹.

Если концепция ограниченной ответственности направлена на защиту участников (акционеров) компании, то имущественная обособленность юридического лица (или принцип разделения), наоборот, препятствует кредиторам его учредителей получить удовлетворение требований из имущества организации. При этом банкротному праву известно такое «радикальное средство правовой защиты, в определенной мере ставящее под сомнение одну из основных идей современного оборота – обособленность юридического лица», как материальная консолидация (substantive consolidation)².

По словам Д. В. Ломакина, «игнорирование юридической личности корпорации (компании) имеет особое значение применительно к группе корпораций (компаний), занимающихся ведением общего бизнеса, в связи с чем в экономическом смысле они образуют единое предприятие (enterprise entity). В данном случае осуществление общего бизнеса предполагает достижение неких унифицированных целей, требующих консолидации активов»³.

По мнению Д. Д. Быканова, в американском праве принцип разделения юридической личности представляет собой лишь опровержимую правовую презумпцию⁴. В свою очередь, согласно европейской доктрине «когда признание принципа разделения приводит к нарушению принципа добросовестности, суд

¹ N. Y. Estates, Powers and Trusts Law, § 10-10.6 // URL: <https://law.justia.com/codes/new-york/2021/ept/article-10/part-10/10-10-6>.

² Семикова Л. Е. Институт substantive consolidation в США как модель материальной консолидации в банкротстве; Шайдуллин А. И. Материальная консолидация при банкротстве группы компаний: история развития, аргументы в пользу его использования и первые шаги // Сб. ст. к 20-летию действующего Закона о банкротстве и 30-летию первого современного российского Закона о банкротстве. М., 2023. С. 202–233. Материальная консолидация допускается в Рекомендациях Научно-консультативного совета Арбитражного суда Уральского округа от 25.12.2023 (URL: <https://t.me/educatedyoungman/405>) прослеживается в конкретных делах (см.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2022 № 305-ЭС21-14470 (1, 2) по делу № А40-101073/2019).

³ Ломакин Д. В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестн. ВАС РФ. 2012. № 9.

⁴ Быканов Д. Д. Квалификация проникающей ответственности с точки зрения российского права // Закон. 2014. № 8.

может отождествить формально юридически разделенных лиц в качестве одного субъекта права». Д. Д. Быканов доказывает, что по правовой природе проникающая ответственность и отождествление различны: «Если первая может быть квалифицирована как разновидность деликтной, то второе занимает положение, близкое к злоупотреблению субъективным правом»¹.

По нашему мнению, субсидиарная ответственность личного фонда по долгам учредителя может рассматриваться как частный случай их отождествления и исключение из принципа разделения. При этом доказывать наличие злоупотребления этой конструкцией учредителем либо каких-то иных обстоятельств не требуется. Вместо этого закон ввел пресекательный срок ответственности. Данное решение есть один из вариантов распределения рисков между различными участниками рассматриваемых отношений.

Итак, при недостаточности у учредителя другого имущества его кредиторы вправе привлечь созданный им личный фонд к субсидиарной ответственности, но только в течение трех (пяти) лет с момента его создания и передачи ему учредителем своего имущества. Полагаем, что кредиторы фонда смогут с большей уверенностью вступать в правоотношения с фондом после третьего (и даже пятого) года деятельности фонда, а не непосредственно с момента его создания, поскольку с учетом данного правила они должны учитывать не только состав активов и пассивов непосредственно фонда, но и наличие рисков предъявления личными кредиторами учредителя фонда своих требований. Такое положение вещей, с нашей точки зрения, может ограничивать развитие фонда в первые годы после его создания.

В защиту предусмотренного законом решения о субсидиарной ответственности фонда можно сказать то, что за его счет конструкция личного фонда является более стабильной с точки зрения положения кредиторов учредителя в сравнении с иными правовыми конструкциями и сделками по

¹ Там же.

обособлению, что должно эффективнее обеспечивать экономические интересы оборота в целом ввиду наличия работающего актива.

Признание создания личного фонда мнимым. Если имущество обособлено собственником с противоправной целью, то защита интересов кредиторов такого собственника может строиться по двум генеральным направлениям: когда в основе обособления лежит сделка – односторонняя (например, deed) или договор – то ее признают недействительной; если же обособление влечет появление отдельной юридической личности, то более эффективным будет механизм субсидиарной ответственности фонда. В обоих случаях обособленное имущество будет служить источником погашения долгов экономического собственника, как если бы никакого обособления не было. Вместе с тем российский правопорядок, как и иные правопорядки в отношении функционально и организационно похожих конструкций, не исключает возможности признания создания личного фонда мнимым.

На первый взгляд, рассмотренные правила субсидиарной ответственности также защищают интересы кредиторов. Однако в этом случае кредиторам нужно начинать со судебного взыскания и установления недостаточности у учредителя имущества для исполнения их требований, и лишь после этого обращаться с требованием к фонду. При таких обстоятельствах кредиторы могут не успеть обратиться к фонду в сроки, установленные законом для его привлечения к ответственности как субсидиарного должника. Кроме того, применительно к срокам оспаривания создания личного фонда как мнимой сделки действуют сроки исковой давности. Как представляется, они более выгодны для кредиторов, нежели срок для привлечения субсидиарного должника к ответственности, поскольку в этом случае применимо субъективное правило начала исчисления срока (когда пострадавший кредитор узнал или должен был узнать о нарушении своего права). Тем не менее, как говорится в Пояснительной записке к законопроекту о личных фондах, по замыслу законодателя, в таких случаях не исключается использование обоих инструментов защиты прав личных кредиторов учредителя фонда: через субсидиарную ответственность личного фонда и

посредством оспаривания решения учредителя фонда как гражданско-правовой сделки¹. Заметим, что в последнем случае разработчики закона указали на возможность такого оспаривания только по законодательству о несостоятельности (банкротстве), не учитывая возможные основания для ее внеконкурсного оспаривания.

Д. П. Заикин обращает внимание на то, что «в случае недостижения подлинного разделения допустимо было бы признать учреждение фонда мнимой сделкой, не направленной на создание фонда как самостоятельного субъекта права». В пример он приводит германский суд, который, применяя право Княжества Лихтенштейн, признал сделку по созданию фонда мнимой (*Scheingeschäft*), в результате чего имущество, «переданное в фонд», должно было рассматриваться в качестве имущества «учредителя», а после его смерти подлежало включению в наследственную массу².

Доктрина иллюзорного или мнимого траста была сформулирована в связи с уже упомянутым делом *JSC Mezhdunarodniy Promyshlenniy Bank v. Pugachev*. Вывод о мнимом характере траста может быть сделан на основании информации о правовых последствиях его создания. Так, к последствиям учреждения действительного траста относятся: 1) возникновение у трасти фидуциарных обязанностей по отношению к бенефициарам; 2) передача учредителем траста реального контроля или любого имущественного интереса по отношению к имуществу в трасте³. В противном случае суд может прийти к выводу, что при создании траста учредитель не намеревался породить правовых последствий, сопряженных с применением конструкции траста. В указанном деле основанием для раскрытия траста стал широкий объем правомочий учредителя в отношении траста: в частности, возможность добавлять бенефициаров, назначать нового

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1172284-7 «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации».

² Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации. С. 93–94.

³ Bennett M. The Illusory Trust Doctrine: Formal or Substantive? // Victoria University of Wellington Law Review. 2020. Vol. 51. № 2. P. 193–195.

протектора, назначать трасти либо отстранять трасти от исполнения обязанностей независимо от наличия причин (with or without cause).

В. А. Канашевский выделяет формальную фиктивность и классическую фиктивность английского траста: «Формальная фиктивность имеет место, когда учредитель траста оставил за собой так много полномочий и возможностей контроля, что в результате трасти лишь владеет имуществом траста от имени и по указанию учредителя. Классическая фиктивность налицо, когда ни одна из сторон не имела намерения быть связанной договором об учреждении траста, который служит лишь прикрытием для маскировки реальных отношений между учредителем и трасти». При этом «чем больший контроль над трастом осуществляет учредитель, тем больше шансов, что траст будет признан недействительным»¹. С этим тезисом нельзя не согласиться.

С этих позиций любопытно обратиться к уставам некоторых личных фондов, зарегистрированных в России с апреля 2022 г. по декабрь 2023 г. Так, во всех изученных нами 11 уставах личных прижизненных фондов указано, что учредитель может в любое время по своему усмотрению изменять структуру органов фонда и их персональный состав. В четырех личных фондах учредитель выступает единоличным органом управления фонда: осуществляет управление его деятельностью; все решения принимает единолично; назначаемый учредителем управляющий или генеральный директор (единоличный исполнительный орган) ему подотчетен; при этом в трех фондах другие органы при жизни учредителя не создаются. В других двух фондах учредитель не входит в состав какого-либо органа, но назначает и контролирует управляющего фонда, который при жизни учредителя является единственным органом фонда.

В тех фондах, где изначально был сформирован высший коллегиальный орган, учредитель входит в его состав. В одном из этих фондов учредитель является председателем с правом решающего голоса. Все значимые для фонда сделки, в том числе совершаемые в процессе обычной хозяйственной

¹ Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества.

деятельности на сумму выше указанного в уставе размера (относительно небольшого – до 1 млн руб.), подлежат предварительному согласованию с учредителем либо с коллегиальным органом, в состав которого он входит.

При наличии в уставах таких формулировок вряд ли возможно говорить об отстраненности собственника от управления обособленным им имуществом.

Каковы последствия признания траста недействительным? Об этом пишет Н. В. Соколова: «Если учредитель траста преследовал незаконную или мошенническую цель, то имущество не может быть возвращено ни ему, ни его наследникам. Если же траст признан недействительным по причинам, не зависящим от воли учредителя, то имущество подлежит возврату учредителю или его наследникам»¹.

Признание сделки по созданию юридического лица недействительной критически влияет на стабильность оборота. За время существования такое лицо может принять на себя обязательства, произвести отчуждение имущества и совершить иные юридически значимые действия. В связи с этим Д. И. Степанов выступает за недопустимость аннулирования юридического лица, пусть и созданного с нарушениями². Открытым здесь остается вопрос, могут ли данные нарушения носить такой характер, что это не позволит юридическому лицу продолжить свое существование. Осмелимся предположить, что ответ на него лежит в политико-правовой плоскости, поскольку касается распределения законодателем рисков между участниками оборота – кредиторами учредителя юридического лица и кредиторами самого юридического лица. Обозначенная же Д. И. Степановым идея о том, что «правопорядок должен пресекать незаконное перераспределение имущественных благ»³, позволяет говорить о допустимости ликвидации юридического лица, созданного с существенными нарушениями, касающимися принципиальных положений закона (п. 6 ст. 51 ГК РФ). При этом нет сомнений, что такая мера является совершенно исключительной.

¹ Соколова Н. В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе.

² Степанов Д. И. Аннулирование реорганизации: повод задуматься над концептуальными подходами в области создания юридических лиц // Закон. 2007. № 3.

³ Там же.

Недействительность создания юридического лица влечет его ликвидацию. Р.С. Бевзенко обращает внимание на то, что такое лицо «не признается никогда не существовавшим (ничтожным), – закон, по сути, устанавливает, что запись о создании юридического лица произвела соответствующий эффект – юридическое лицо создано»¹.

Должны ли в такой ситуации признаваться недействительными и сделки, совершенные юридическим лицом до признания его создания незаконным? Д. И. Степанов считает, что не должны, если они не противоречат нормам законодательства, регулирующим соответствующие правоотношения (например, если они не нарушают правил ст. 170 ГК РФ, не содержат порок воли и др.)². Применительно к недействительности реорганизации (мы допускаем здесь аналогию) сходной позиции придерживается А. А. Кузнецов: «В отношениях с третьими лицами недействительность реорганизации лишена такого традиционного эффекта общегражданского режима недействительности, как ретроактивность (все обязательства сохраняются), что обусловлено очевидными целями защиты третьих лиц и оборота в целом»³. В России указанный подход закреплен в подп. 2 п. 2 ст. 60.2 ГК РФ: сделки юридических лиц, созданных в результате реорганизации, с лицами, добросовестно полагавшимися на правопреемство, сохраняют силу для восстановленных юридических лиц, которые являются солидарными должниками и солидарными кредиторами по таким сделкам.

Полагаем, что эта логика вполне распространяема на случай признания недействительным создания личного фонда: если сделки личного фонда сами по себе (изолированно от того факта, что они совершены мнимым личным фондом) не нарушают закон, то отсутствуют основания признавать их недействительными

¹ Бевзенко Р. С. Торговая регистрация и торговые реестры: история и теория // Вестн. экономического правосудия РФ. 2019. № 6.

² Степанов Д. И. Аннулирование реорганизации: повод задуматься над концептуальными подходами в области создания юридических лиц.

³ Кузнецов А. А. Реорганизация хозяйственных обществ: гражданско-правовые способы защиты прав и интересов участников и кредиторов. М., 2021.

в случае признания создания фонда мнимым¹. Взыскание убытков при этом остается оптимальным способом защиты нарушенного права кредиторов учредителя фонда. В свою очередь, ликвидация мнимого фонда прекратит дальнейшее неправомерное обособление соответствующего имущества экономического собственника.

По нашему убеждению, именно изложенный подход отвечает «главенствующей сегодня задаче сохранения устойчивости»² гражданского оборота. О «последовательном проведении на уровне законодательной политики принципа сохранения однажды заключенного договора» говорится и в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации. Применительно к реорганизации, впоследствии признанной незаконной, в п. 3.10 Концепции отмечено: «Недействительными могут быть признаны лишь сделки, причинившие ущерб реорганизованному юридическому лицу (или направленные на причинение такого ущерба) при условии установления недобросовестности контрагентов по таким сделкам. Для судебного оспаривания указанных сделок должен быть установлен пресекательный (годовой) давностный срок». Это решение представляется справедливым и для сделок личного фонда, однако недействительность сделок в данном случае будет вытекать из самостоятельного состава (наличие ущерба и недобросовестность контрагента).

2. Защита прав кредиторов личного фонда

Личный фонд как способ имущественного обособления демонстрирует наивысшую степень защитного обособления – его учредитель и бенефициары не отвечают по долгам фонда своим личным имуществом. Это характерно для некоммерческих организаций.

¹ Противоположное решение описано В. А. Канашевским в отношении трастов: «В случае если траст признается недействительным в силу его притворности (sham trust), его активы считаются принадлежащими учредителю, а все сделки с активами траста, осуществленные доверительными собственниками, – недействительными» (Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества).

² Монастырский Ю. Э. Просрочка должника в системе гражданско-правового регулирования // Право и экономика. 2022. № 11.

По сравнению с кредиторами учредителя и выгодоприобретателя фонда кредиторы фонда находятся, на наш взгляд, в наиболее безопасном положении. Прежде всего, это связано с тем, что они всегда осведомлены, с кем именно вступают в правоотношения. Обладая правосубъектностью, фонд является стороной обязательств¹. В этом смысле факт обособленности имущества фонда для его кредиторов абсолютно открыт. Это выгодно отличает правосубъектные конструкции имущественного обособления от тех, которые не влекут появления отдельной юридической личности (например, траста) и где, следовательно, контрагенты участников отношений по обособлению могут оказаться в заблуждении относительно того, кто правомочен распоряжаться обособленным имуществом и, в частности, отвечать им по долгам.

Для недобровольных кредиторов прижизненного фонда гарантией исполнения обязательств является значительный объем имущества, передача которого фонду требуется для его создания (п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ).

Большинство механизмов, направленных на защиту прав кредиторов организации, сводится к «выключению» ограниченной ответственности ее учредителей. В литературе высказаны позиции как «за» ответственность учредителей некоммерческой организации по ее обязательствам², так и «против»³.

Помимо общих способов защиты (например, привлечение к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих фонд) кредиторам фонда доступна специфическая гарантия: учредитель личного фонда несет субсидиарную ответственность по обязательствам фонда при недостаточности его имущества в течение трех лет со дня его создания, в исключительных случаях этот срок может

¹ «В отличие от ряда существующих в англо-американских правовых системах моделей управления активами личный фонд „виден“ кредиторам учредителя и органам государственной власти» (Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1172284-7 «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации»).

² Бевзенко Р. С. Почему учредители некоммерческой организации не несут полной ответственности по ее долгам // URL: http://zakon.ru/Blogs/One/16135?entryName=pochemu_uchrediteli_nekommercheskoj_organizacii_ne_nesut_polnoj_otvetstvennosti_po_eyo_dolgam; Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: моногр.

³ Добровинская А. В. Проблемы гражданско-правовой ответственности социально ориентированных некоммерческих организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 5.

быть продлен судом, но не более чем на пять лет (п. 6 ст. 123.20-4 ГК РФ). Как и в случае применения субсидиарной ответственности фонда, предусмотренной той же нормой, использование механизма субсидиарной ответственности учредителя не зависит от его вины, банкротства и ограничено пресекательным сроком.

Чем такое нормативное решение отличается от решения, которое предусмотрено для коммерческих юридических лиц? В коммерческих организациях уровень участия в их деятельности и контроля со стороны участников (акционеров) существенно выше, чем в личном фонде. Именно поэтому в отношении коммерческих организаций, которые осуществляют предпринимательскую (т. е. рисковую) деятельность, было бы ошибочным ограничивать возможность применения субсидиарной ответственности каким-то сроком и одновременно исключать применение критерия вины участников (акционеров), в силу закона являющихся (входящих) в высший орган управления организации (общее собрание участников (акционеров)).

Можно попытаться оспорить этот тезис, ссылаясь на то, что устав личного фонда, условия управления личным фондом и иные его внутренние документы при жизни учредителя могут быть им изменены (либо изначально сформулированы так, что в его руках концентрируется контроль за деятельностью фонда). Это, как может показаться, есть не что иное, как возможность учредителя существенно влиять на деятельность фонда и использовать его конструкцию, по сути, как конструкцию корпоративного юридического лица (разумеется, кроме важной возможности изменять состав учредителей). На наш взгляд, в отличие от коммерческих юридических лиц, конструкции личного фонда все же неотъемлемо присущи большее отдаление учредителя от ведения дел и наделение органов управления широкими полномочиями по принятию решений о распоряжении его имуществом и его дальнейшей деятельности. Возможность учредителя вносить изменения в документы фонда, скорее, является временной (т. е. в течение его

жизни) возможностью по настройке конструкции фонда, нежели характеризует ее суть¹.

Здесь мы не рассматриваем ответственность учредителя фонда в связи с его вхождением в органы управления (в частности, в высший коллегиальный, наблюдательный органы), поскольку ответственность в связи с неразумным или недобросовестным осуществлением полномочий может наступить в связи с членством в названных органах управления и без привязки к п. 6 ст. 123.20-4 ГК РФ. Заслуживает внимания и случай активного «теневого» участия учредителя, равно как и любого иного лица, в деятельности фонда, поскольку его ответственность может наступить в соответствии с доктриной ответственности контролирующего должника лица и применении положений ст. 53.1 ГК РФ². Этот сценарий видится наиболее вероятным при высокой концентрации контроля в руках учредителя. Специальная же норма о субсидиарной ответственности учредителя личного фонда применяется даже тогда, когда его нельзя определить как контролирующее лицо фонда.

О. М. Свириденко отмечает: «Субсидиарная ответственность является экстраординарным механизмом защиты нарушенных прав кредиторов, то есть исключением из принципа ограниченной ответственности участников и правила о защите делового решения менеджеров, поэтому по названной категории дел не может быть применен такой же стандарт доказывания, как в рядовых гражданско-правовых спорах». Причем «не каждое подтвержденное косвенными доказательствами сомнение при отсутствии контроля должно толковаться против ответчика»³. С этим нельзя не согласиться.

¹ С августа 2024 г. учредитель личного фонда указанную возможность вправе ограничить или исключить, к чему надо относиться критически.

² Как указывает В. А. Канашевский, «Закон о банкротстве не исключает ситуаций, когда контроль за действиями должника осуществляется посредством офшорных холдинговых структур и трастов. <...> Когда акционеры офшорной холдинговой компании <...> действуют только по инструкциям бенефициара, ответственность за их действия должны нести КДЛ» (Канашевский В. А. О субсидиарной ответственности бенефициаров офшорных компаний и трастов // Журн. российского права. 2019. № 6).

³ Свириденко О. М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex russica. 2018. № 12.

В свою очередь, в англо-американском трасте «учредители и бенефициары траста, не участвующие в управлении его делами, не отвечают личным имуществом перед третьими лицами. Однако в случае, если они принимают участие в ведении общих дел, их ответственность становится неограниченной и распространяется на все их личное имущество»¹.

Решение отечественного законодателя о субсидиарной ответственности учредителя по обязательствам личного фонда без учета его вины и участия в делах фонда при первом приближении может показаться неоднозначным. Чем оно объясняется? Представляется, что учредитель в некотором смысле слова гарантирует стабильность функционального участия имущества фонда в обороте в первые несколько лет после придания ему цели и правосубъектности, принимает на себя обязательство покрыть потери (не требующее доказывания состава правонарушения, как для взыскания убытков), связанные со своим бизнес-решением по обособлению определенного пула имущества, формированию органов и условий управления фондом. Ответственность учредителя в этом случае в широком смысле слова схожа со страхованием и по сути является способом распределения рисков (как и субсидиарная ответственность личного фонда перед кредиторами учредителя).

3. Защита прав кредиторов выгодоприобретателя

Согласно российскому закону выгодоприобретатель не отвечает по обязательствам личного фонда, а личный фонд не отвечает по обязательствам выгодоприобретателя (п. 6 ст. 123.20-6 ГК РФ).

Аналогичным образом этот вопрос решен в системе общего права: «Положение бенефициария траста практически свободно от рисков»². Это правило хорошо показывает действие данной модели: выгодоприобретатель никоим образом не влияет на управление капиталом — этим занимаются органы управления фонда, он лишь вправе получать доход (и ликвидационный остаток,

¹ Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. С. 119–120.

² Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности. С. 254.

при определенных обстоятельствах и в случае его наличия) от выгодной деятельности фонда (при невыгодной, убыточной деятельности вряд ли он будет получать какие-то отчисления).

Важно, что на права выгодоприобретателя личного фонда, в том числе выгодоприобретателя наследственного фонда, взыскание по его обязательствам не может быть обращено (абзац 2 п. 1 ст. 123.20-6 ГК РФ). Аналогичное правило введено для трастов в США. Как пишет Д. В. Дождев, «траст с наивысшей защитой бенефициариев, не допускающий обращения взыскания на бенефициарный интерес (его права в трасте), в spendthrift trust получил признание только в США (Restatement (Second) of Trusts § 150–155), где постоянно критикуется как создающий привилегированный класс (privileged class) собственников»¹. В зарубежной литературе при этом отмечается, что такой траст «противоречит политике права, потому что нельзя извлекать преимущества из благосостояния, одновременно не принимая соответствующие обязанности»². В то же время сторонники spendthrift trust ссылаются на свободу распоряжения учредителя траста своим имуществом³, в отношении которого у кредиторов бенефициара не может быть притязаний, а значит, кредиторы ничего не теряют. «Компромиссным» решением, выработанным практикой применения данной конструкции в ряде американских штатов, является правило, что определенные категории кредиторов (некоторые публично-правовые образования, супруги и дети и пр.) имеют возможность получить удовлетворение своих требований к бенефициару spendthrift trust за счет доходов должника (или прав на такие доходы) из названного траста⁴. В то же время в штате Небраска в деле *Dokansky v. Norwest Bank, N.A.*, 615 NW2d 104 (Neb. 2000) суд не разрешил управляющему

¹ Дождев Д. В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву. Т. 1. С. 233.

² A Rationale for the Spendthrift Trust // Columbia Law Review. 1964. Vol. 64. № 7. P. 1323–1335.

³ На этой идее построено ключевое для американского права судебное решение по делу *Broadway National Bank v. Adams*. (1882). См. также: Taylor R. L. Jr. Aspects of the spendthrift trust // Baylor Law Review. 1954. Vol. 6. № 4. P. 481.

⁴ A Rationale for the Spendthrift Trust. P. 1324, 1325.

траста произвести выплату из spendthrift trust бывшей супруге и матери ребенка бенефициара¹. Еще одним «компромиссом» выступает ограничение на уровне законодательства штатов объема имущества, которое может быть обособлено в spendthrift trust².

В европейских странах правило о неотчуждаемости прав дестинаторов частных фондов, напротив, является общим³.

Наш законодатель предусматривает довольно жесткое последствие отступления от названного правила – ничтожность соответствующих сделок (абзац 2 п. 1 ст. 123.20-6 ГК РФ). Обосновать такое строгое решение можно следующим. У определенных собственников существует устойчивый запрос на возможность заранее и открыто обособить для конкретных целей (определенного бизнеса) часть своей имущественной массы и обеспечить при этом себе самому, своим наследникам или каким-то иным лицам получение доходов от соответствующей деятельности⁴. Работающий бизнес не должен становиться предметом раздела кредиторов выгодоприобретателей, которые ничего, кроме некоего объема содержания от деятельности такого бизнеса, не получают. С политико-правовой точки зрения работающий бизнес для множества лиц (прежде всего работников и его контрагентов), государства и общества в целом важнее удовлетворения пусть и вполне легитимных требований некой группы кредиторов получателя доходов (выгодоприобретателя) от деятельности этого бизнеса, но никак не управляющего таким бизнесом и не являющегося его собственником.

¹ Oshins S. Asset Protection and the Spendthrift Trust // Journal of Retirement Planning. 2002. Vol. 5. № 1. P. 42.

² Taylor R. L. Jr. Aspects of the spendthrift trust. P. 492; A Rationale for the Spendthrift Trust // Columbia Law Review. 1964. Vol. 64. № 7. P. 1323-1335; Oshins S. Asset Protection and the Spendthrift Trust. P. 41.

³ Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус дестинаторов частно-полезного фонда.

⁴ У собственника, являющегося активным участником гражданского оборота-предпринимателем, имеется естественная потребность в достижении двух целей: сохранить капитал в объеме, обеспечивающем достигнутый уровень жизни (производительность, качество удовлетворения потребностей) и масштаб деятельности, и продолжать при этом вести бизнес, зачастую пробуя свои силы и инвестируя средства в новые, рискованные сферы (см. подробнее: Домшенко (Червец) Е. И. О сохранении бизнеса и экранировании имущества. Сравнение некоторых инструментов имущественного обособления // Юрид. мир. 2021. № 9. С. 27).

При этом не вызывает сомнений то, что личные кредиторы выгодоприобретателя вправе обращать взыскание на поступившие ему доходы от деятельности личного фонда¹. Приведем абстрактный пример для демонстрации этой позиции. Под управлением личного фонда находится действующее предприятие, и условиями управления фонда предусмотрены ежемесячные выплаты выгодоприобретателю, если его (предприятия) работа приносит доход. Личные кредиторы выгодоприобретателя вправе предъявить исполнительный лист для списания денежных средств с его счета, т. е. обращать взыскание в том числе на средства, поступающие в виде платежей, выплачиваемых фондом. Но при этом кредиторы не вправе обратиться взыскание на само имущественное право требования выгодоприобретателя к личному фонду. Не может идти речь и о «покушении» кредиторов на комплекс прав выгодоприобретателя, к примеру, на право на проведение аудита, получение информации о деятельности фонда. Справедливости ради заметим, что иное мнение высказывается в литературе².

Аргументом против возможности обращения взыскания по личным долгам выгодоприобретателя на имеющееся у него право (требование) к фонду может быть нежелание законодателя допускать отделение права на получение выплат от иных прав, принадлежащих лицам, которых прямо или с учетом определенных критериев назначил учредитель фонда. Эти права составляют некую совокупность, причем реализация их как во всей такой совокупности или по отдельности другими лицами нарушит волю учредителя, выраженную при создании фонда, что нивелирует конституирующий элемент всей модели – цель учреждения фонда. Кроме того, оборотоспособность прав выгодоприобретателя к фонду делает их схожими с правами членов корпорации, что на практике может привести к смешению природы фонда и корпорации, а значит, и к злоупотреблениям при использовании модели личного фонда. Возможность личных кредиторов выгодоприобретателя обратиться взыскание на его права к

¹ Аналогичным образом данный вопрос решается в отношении дохода, полученного «на руки» бенефициаром spendthrift trust (Taylor R. L. Jr. Aspects of the spendthrift trust. P. 480).

² Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации. С. 180.

фонду открывала бы также возможности для их интервенции в имущественную сферу самого фонда и, как следствие, создавало бы угрозу его деятельности и существования.

Обособленное имущество подчиняется цели, а не субъекту, хотя в личных прижизненных фондах данная цель необязательно, но зачастую связана с конкретными или определяемыми субъектами – бенефициарами (напомним, что в конструкции личного фонда выгодоприобретателей может не быть). Во всех изученных нами уставах личных фондов закреплено, что управление имуществом должно осуществляться на благо выгодоприобретателей. Право требовать распределения дохода или имущества фонда упоминается также во всех уставах. Исполнения какого обязательства требует выгодоприобретатель? Речь идет об определении каузы, лежащей в основе распределения имущества в пользу выгодоприобретателей.

Д. П. Заикин отмечает, что в немецкой доктрине в такой ситуации используются различные подходы («уподобление притязаниям участников корпорации», дарение, обязательство *sui generis*). Сам ученый склоняется к каузе дарения. Мы не разделяем эту позицию и находим более убедительной его аргументацию в пользу обязательства *sui generis* – «обязанности в рамках частноправовой автономии воли»¹.

И. С. Перетерский разделял договоры в пользу третьего лица на две группы: 1) «по экономическому значению приближающиеся к дарению»; 2) когда «заключение такого рода договоров происходит в силу обязанности одной из договаривающихся сторон перед третьим лицом»². Нам представляется, что отношения «учредитель – личный фонд – выгодоприобретатель» в некоторой степени сродни второй ситуации. Фонд производит выплату в пользу выгодоприобретателя не потому, что желает его одарить, а потому, что это ему диктует уставная цель деятельности личного фонда. Кроме того, не всегда фонд

¹ Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации. С. 170–171, 176.

² Перетерский И. С. Сделки, договоры // Научный комментарий к ГК РСФСР. Вып. V / под ред. С. М. Прушицкого, С. И. Раевича. М., 1929. С. 70.

производит выплату, он может, к примеру, предоставлять выгодоприобретателю имущество в пользование, и в этом случае их отношения будут строиться по модели ссуды¹.

И здесь интересно обратиться к положению выгодоприобретателя в отношениях из договора страхования. Г. Ф. Шершеневич усматривал в договоре личного страхования «дарственную сделку в отношении к третьему лицу»². В. И. Серебровский отстаивал прямо противоположную точку зрения³, которую развил А. И. Худяков: «Страховые резервы находятся в собственности страховщика и предметом дарения страхователем быть не могут – нельзя подарить то, чем не обладаешь. Кроме того, назначение выгодоприобретателя, во-первых, не требует заключения договора между страхователем и выгодоприобретателем, в то время как дарение представляет собой двустороннюю сделку (договор). Во-вторых, ГК не признает возможности дарения на случай смерти (ст. 572). Здесь же выгодоприобретатель может быть назначен при страховании именно на случай смерти страхователя (застрахованного лица)». Назначение выгодоприобретателя А. И. Худяков называет «продуктом одностороннего волеизъявления страхователя, реализованного им через договор страхования»⁴.

Далеко не во всех ситуациях, когда одно лицо получает от другого имущество безвозмездно, ученые фиксируют наличие договора дарения. К примеру, как указывают Е. А. Крашенинников и Ю. В. Байгушева, «брачный договор, опосредующий перенесение соответствующего права из добрачного имущества одного супруга в имущество другого, есть предоставление, в

¹ Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации. С. 176.

² Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 141.

³ Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву: моногр. С. 546–547.

⁴ Худяков А. И. Страхование. СПб., 2004. С. 307–308. В другой своей работе А. И. Худяков высказывается еще более радикально: «Полагать, что в данной ситуации между страхователем и третьим лицом возникает отношение дарения, а сама выплата, производимая страховщиком этому третьему лицу, не является страховой выплатой, – значит сводить дело к абсурду» (Худяков А. И. Теория страхования. М., 2010).

основании которого лежит не *causa donandi*, а самостоятельная семейно-правовая кауза»¹.

Применительно к личному фонду работают следующие аргументы. Выплату бенефициару осуществляет фонд. Он же – единственное обязанное перед бенефициаром лицо. Выплата осуществляется из имущества, принадлежащего личному фонду (не учредителю, который теоретически мог иметь волю одарить бенефициара). Более того, имущество, которое служит источником выплат в пользу бенефициара, могло не существовать не только в момент создания фонда (когда кристаллизовалась воля учредителя), но и при жизни учредителя, а также оно могло никогда не принадлежать учредителю (к примеру, если оно будет получено фондом позже от третьего лица или в результате деятельности фонда). Сложно спорить с тезисом А. И. Худякова о том, что «нельзя подарить то, чем не обладаешь».

Мотив наделения того или иного лица статусом выгодоприобретателя не имеет правового значения. Основание выплаты – устав и условия управления фонда. Содержание этих документов определяет учредитель фонда, но деятельность фонда в рамках заданных ему правил не означает, что фонд как субъект гражданского права не имеет самостоятельной воли. Нет никаких причин полагать, что у фонда может быть самостоятельная воля на дарение имущества выгодоприобретателю.

Дарение – двусторонняя сделка, в то время как выгодоприобретатель назначается по воле учредителя личного фонда, что не требует согласия выгодоприобретателя. Сказанное не исключает того, что выгодоприобретатель в дальнейшем может отказаться от получения имущества от фонда, однако это обуславливается не двусторонним характером назначения выгодоприобретателя, а универсальным принципом о необходимости выражения им согласия на получение имущества в собственность. «Дестинаторы свободны в том, будут ли

¹ Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Условия функционирования и границы частной автономии. С. 4–20.

они реализовывать свои права требования к фонду или нет – их волевой момент переносится со стадии приобретения права на стадию его реализации»¹.

Практическое значение распространения (нераспространения) каузы дарения на распределение имущества из фонда выгодоприобретателям связано с применением (неприменением) к этим отношениям положений главы 32 ГК РФ, в частности ст. 577 (отказ от исполнения договора дарения) и ст. 558 (отмена дарения). По нашему мнению, субсидиарного применения к личным фондам указанных положений закона о дарении не должно быть. Вместе с тем сказанное не исключает того, что схожие правила могут быть установлены учредителем в уставе или иных документах личного фонда, хотя в изученных нами уставах личных фондов таковых не обнаружено.

Возвращаясь к вопросу, с которого мы начали, – о причинах, объясняющих необоротоспособность прав выгодоприобретателя (вплоть до недопустимости обращения взыскания на них по долгам выгодоприобретателя) – добавим еще и то, что распределение имущества из личного фонда в адрес любого лица кроме выгодоприобретателя не будет иметь под собой той каузы, которая характеризует обязанность личного фонда перед выгодоприобретателем.

И здесь возникает еще один вопрос: как поступать в ситуации, когда фонд при наличии доходности намеренно перестает осуществлять выплаты, а выгодоприобретатель не требует их от фонда, например, чтобы не допустить обращения на них взыскания по своим личным долгам. Возможен ли в этом случае волеизъявляющий акт юрисдикционного органа по требованиям заинтересованных третьих лиц (прежде всего кредиторов выгодоприобретателя)?

Думается, в тех экстраординарных случаях, когда налицо согласованные неправомерные действия фонда и выгодоприобретателя по невыплате последнему доходов исключительно чтобы не допустить обращение на них взысканий кредиторов выгодоприобретателя, такие кредиторы вправе потребовать в судебном порядке обращения взыскания на имущественные требования

¹ Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации. С. 167.

выгодоприобретателя к фонду¹. Основой такого вывода являются фундаментальный принцип частного права о недопустимости извлечения преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения и общая обязанность участников гражданского оборота действовать добросовестно (пп. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ).

Выводы

1. Публичность обособления имущества через конструкцию личного фонда как субъекта права дает кредиторам четкий сигнал о границах имущества, из которого могут быть удовлетворены их требования.

2. Специальным балансиrom, установленным законодателем для смягчения риска злоупотребления конструкцией личного фонда, является субсидиарная ответственность фонда по долгам учредителя, которая наступает без вины и лишь в пределах определенного периода времени. Это предусмотренный законом частный случай отождествления формально юридически разделенных лиц в качестве одного субъекта. Установленный при этом пресекательный срок (относительно небольшой) уравнивает то, что для наступления субсидиарной ответственности фонда не требуется вины. По сути, такая ответственность есть не что иное, как способ распределения рисков, связанных с имущественным обособлением.

3. В некоторых случаях субсидиарная ответственность личного фонда может восстановить нарушенные права кредиторов в той же мере, что и признание фонда мнимым. При этом первый из способов восстановления нарушенных кредиторских прав в меньшей степени дестабилизирует гражданский оборот.

¹ Схожим образом решается, например, вопрос при уклонении несостоятельного должника от принятия наследства. В таких случаях финансовый управляющий должника подает заявление о принятии наследства без самого наследника (Лагодина Е. И. Некоторые проблемные вопросы совершения нотариальных действий с участием граждан, в отношении которых возбуждена процедура банкротства // Нотариальный вестн. 2024. № 3).

4. В случае признания фонда мнимым совершенные им сделки не становятся недействительными автоматически. Их оспаривание может быть обусловлено самостоятельными нарушениями соответствующих норм обязательственного права, а также причинением ущерба кредиторам экономического собственника имущества данного личного фонда при условии установления недобросовестности контрагентов по спорным сделкам. Взыскание убытков при этом остается пригодным способом защиты нарушенного права кредиторов. В свою очередь, ликвидация мнимого фонда прекратит дальнейшее неправомерное обособление имущества экономического собственника.

5. Специальная гарантия прав кредиторов личного фонда – субсидиарная ответственность его учредителя, которая не зависит от вины субсидиарного должника, банкротства основного должника и ограничена пресекательным сроком. Ответственность учредителя в этом случае в широком смысле слова схожа со страхованием и по сути является способом распределения рисков.

6. Учредитель фонда может быть привлечен к ответственности по основаниям, не специфическим для его конструкции: в связи с вхождением в органы управления и неразумным или недобросовестным осуществлением полномочий; в соответствии с доктриной ответственности контролирующего должника лица. По названным основаниям к ответственности могут быть привлечены и выгодоприобретатели, и третьи лица, не являющиеся участниками отношений, возникающих в связи с учреждением фонда.

7. Положение выгодоприобретателя личного фонда подтверждает справедливость тезиса об ограничении ответственности тех участников отношений, связанных с имущественным обособлением, которые имуществом не управляют.

8. В основе распределения имущества в пользу выгодоприобретателей лежит кауза *suī generis*, отличная от каузы дарения: обязанной стороной перед выгодоприобретателем является фонд; выплаты осуществляются из имущества фонда; основания выплат следуют из цели фонда; назначение выгодоприобретателя происходит по воле только учредителя личного фонда и не

требует согласия выгодоприобретателя. Поэтому отсутствуют основания применять к соответствующим отношениям фонда и его выгодоприобретателя правил о дарении. При этом схожие правила могут быть установлены учредителем в уставе или иных документах личного фонда.

9. Права выгодоприобретателя связаны с его личностью и не могут переходить кредиторам в счет долгов. В этом смысле указанные права обладают абсолютным иммунитетом против кредиторов. Распределение имущества из личного фонда в адрес любого, кроме выгодоприобретателя, лица не будет иметь под собой той каузы, которая характеризует обязанность личного фонда перед выгодоприобретателем.

10. В случаях согласованных неправомерных действий фонда и выгодоприобретателя по невыплате последнему доходов исключительно в целях недопущения обращения на них взыскания его кредиторов такие кредиторы вправе подать в суд иск об обращении взыскания на имущественные требования выгодоприобретателя к фонду.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

В любом обществе по мере развития экономики и накопления капитала начинается процесс отделения собственности от управления ею. Управление становится профессиональной деятельностью, а собственник как лицо, дистанцирующееся от управления, в той или иной степени снимает с себя риски, связанные с участием в гражданском обороте. В таком контексте ограничение ответственности собственника, его возможности заранее ограничить эти риски представляются для оборота ценностью не меньшей, чем развитость концепций, используемых для защиты кредиторов, в частности, при банкротстве должника. И хотя преимущества ограниченной ответственности в определенной степени объясняются экономическими аргументами, правопорядок не может их игнорировать при установлении исключений из этого принципа. В отношениях, связанных с имущественным обособлением, центральным вопросом выступает защита кредиторов их участников. Его решение сводится к поиску оптимального набора предлагаемых разными правопорядками балансиров.

В зарубежных странах таковыми являются англо-американский и континентальные трасты, трасты, построенные по международной модели, французская фидуция и немецкое доверительное управление. Анализ этих конструкций показал, что они схожи функционально и объединены общими характеристиками: разделение собственности и управления; ограничение ответственности тех участников конструкции, которые имуществом не управляют (учредитель и бенефициары); «прикрепление» притязаний третьих лиц к фигуре управляющего, выступающего стороной обязательств и ответчиком. Указанные формы обособления подтверждают и тезис о том, что имущественное обособление является следствием не только использования конструкции юридического лица, оно также опосредуется договорами или возникает на базе вещного права. Этот тезис подтверждает и анализ таких российских форм имущественного обособления, как простое товарищество, инвестиционное

товарищество, договор доверительного управления, паевой инвестиционный фонд.

Личный фонд является единственным примером обособления имущества, когда собственность переходит к «управляющему» и другие участники отношений обособления (учредитель и выгодоприобретатель) не имеют вещных прав в отношении обособленного имущества.

Роли учредителя и выгодоприобретателя в различных формах имущественного обособления могут пересекаться. Обычно учредитель по умолчанию является тем лицом, во благо которого осуществляется управление. При создании личного фонда складывается противоположная ситуация: по умолчанию учредитель не совпадает с выгодоприобретателем, но уставом личного фонда может быть предусмотрено иное. Кроме того, в личном фонде может не быть выгодоприобретателя – когда обособленное имущество, включая доходы от него, не подлежит передаче (распределению) кому-либо. В конструкциях доверительного управления, ПИФ и личного фонда роль «управляющего» предполагается отдельной от ролей иных лиц. В противном случае не было бы оснований говорить об «экранировании» обособленного имущества.

Появление в России института личных фондов обусловили две социально-экономические тенденции. Первая (внутренняя) тенденция – появление у частных лиц имущества предпринимательского назначения и, как следствие, возникновение у них желания сохранить функциональное назначение и работающее состояние имущественных комплексов после своей смерти. Известные отечественному правопорядку формы обособления с обозначенным запросом собственников не справлялись. Вторая (внешняя) тенденция – появление модели международного личного фонда.

Здесь важно отметить две закономерности, четко прослеживающиеся при анализе всех названных конструкций. Во-первых, степень обособленности имущества от требований кредиторов, не связанных с этим имуществом, варьируется в зависимости от степени публичности и доступности информации о

факте его обособления. Во-вторых, правопорядок не принимает такие модели обособления, которые бы обеспечивали сильное защитное обособление имущества учредителя, если тот продолжает осуществлять контроль над обособленным активом, из управления которым проистекают кредиторские притязания. Названные закономерности можно считать принципами имущественного обособления.

Количество факторов, влияющих на то, как собственник хотел бы определить судьбу своего имущества, так велико и они настолько тесно связаны с личностью конкретного собственника, что предусмотреть детальное регулирование личного фонда в законе вряд ли возможно. Создание личного фонда есть проявление принципа автономии воли субъекта гражданского права, а потому систему управления фондом каждый собственник-учредитель моделирует сам – по своему усмотрению и на свой риск. Ответственность перед третьими лицами за деловое решение по созданию фонда учредитель несет в течение сравнительно небольшого установленного в законе срока, однако риск неудачного решения судьбы своих активов он несет перед самим собой бессрочно. Как писал В. А. Дозорцев, «пусть выбор подходящих им средств определяют заинтересованные лица и пожинают плоды своего выбора»¹. Выразив волю однажды, учредитель дистанцируется от управления. Личный фонд задуман как конструкция, «впитавшая» волю создателя и продолжающая функционировать в соответствии с этой волей после его ухода. Другими словами, рано или поздно решения собственника относительно личного фонда станут бесповоротными.

Законодатель не вторгается во внутреннее устройство личного фонда, оставляя этот вопрос на усмотрение учредителя. Он закрепляет лишь несколько императивных правил в части регулирования управления фондом, которые ограничивают волю собственника, но обусловлены необходимостью поддержать

¹ Дозорцев В. А. Доверительное управление имуществом (глава 53) // Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая / под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. М., 1996. С. 549.

личный фонд в состоянии, способном к достижению целей, ради которых он создается.

Решить или, как минимум, смягчить агентскую проблему уже при создании личного фонда помогут заранее продуманная система управления и установление четких правил, в соответствии с которыми фонд будет управлять переданными ему активами. Контроль со стороны учредителя не является здесь приоритетной стратегией поведения, поскольку требует расходов на его организацию, а главное – создает риски стирания границ между обособленным имуществом фонда и имуществом учредителя.

Выступая единственными субъектами интереса в отношении имущества, обособленного посредством создания личного фонда, учредитель и выгодоприобретатель должны обладать, причем вне зависимости от установления или исключения их в уставе, правами, направленными на защиту их интереса в судебном порядке. Учредитель вправе косвенно инициировать оспаривание сделок фонда через органы фонда, состав которых он вправе изменить. Если возможность такого изменения ограничена в уставе, учредитель вправе реализовать ее в судебном порядке. Выгодоприобретатель право на возмещение убытков, вызванных нарушением условий управления личным фондом, вне зависимости от закрепления этого права в уставе, должен получить, как минимум, после смерти учредителя.

Права субъекта интереса в отношении обособленного имущества, включая право на информацию, составляют единый комплекс прав, причем без различения их на имущественные и неимущественные. Этим отчасти объясняется необоротоспособность имущественных прав выгодоприобретателя. Вторая причина такой характеристики прав выгодоприобретателя связана с особой каузой распределения имущества в его пользу. Кауза *sui generis* отличается от каузы дарения и обусловлена волей учредителя личного фонда. Распределение имущества личного фонда в адрес любого, кроме выгодоприобретателя, лица не будет иметь под собой основания, которое характеризует обязанность личного фонда перед выгодоприобретателем.

Отсутствие детализированного регулирования личного фонда, с одной стороны, и непонимание сути принципов имущественного обособления – с другой, на практике уже привели к появлению личных фондов, не отвечающих ключевому признаку имущественного обособления – отделению собственности от управления ею (контроля). Поэтому следующий этап развития этого правового института, как видится, начнется с возникновения соответствующих судебных споров. Решения по ним сформируют судебную практику, которая, в свою очередь, может «поддержать» или, напротив, нивелировать смысл личных фондов как способа управления частным капиталом.

Личный фонд является качественно новым для отечественного права институтом, а потому к нему неприменимы подходы, сложившиеся в правоприменительной практике по отношению к юридическим лицам, предназначенным для активного (т. е. при участии учредителя в управлении) ведения предпринимательской деятельности, или, наоборот, к некоммерческим организациям. Личный фонд как «гибрид» с точки зрения организационно-правовой формы и видов деятельности расположен в российской системе юридических лиц таким образом, что это позволяет ему выполнять задачи, для которых он задуман. Одной из таких задач является сохранение в работающем состоянии обособленного в нем имущества. Обнуление названного эффекта может привести к тому, что новая правовая конструкция не будет востребована собственниками, которые продолжают поиск подходящего и эффективного способа имущественного обособления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Международные договоры, нормативные правовые акты Российской Федерации, материалы законотворческой деятельности

1. Конвенция о праве, применимом к доверительной собственности, и ее последующем признании (заключена в г. Гааге 01.07.1985)¹.
2. Конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам (заключена в г. Риме 19.06.1980).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая.
4. Семейный кодекс Российской Федерации.
5. Федеральный закон от 08.08.2024 № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
6. Федеральный закон от 08.08.2024 № 237-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».
7. Федеральный закон от 01.04.2022 № 75-ФЗ «О соглашениях, заключаемых при осуществлении геологического изучения, разведки и добычи углеводородного сырья, и о внесении изменения в Закон Российской Федерации „О недрах“».
8. Федеральный закон от 26.03.2022 № 72-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
9. Федеральный закон от 01.07.2021 № 287-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации».
10. Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах».

¹ Здесь и далее, если не упомянуто иное, документы приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

11. Федеральный закон от 31.12.2017 № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

12. Федеральный закон от 29.07.2017 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации».

13. Федеральный закон от 28.11.2011 № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе».

14. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

15. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

16. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».

17. Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах».

18. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.1993 № 2296 «О доверительной собственности (трасте)».

19. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009).

20. Проект Федерального закона от 26.05.2015 № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

21. Пояснительная записка к Проекту Федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/801269-6>.

22. Пояснительная записка к Проекту Федерального закона № 1172284-7 «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации».

23. Научный анализ норм российского права о статусе международных компаний и международных фондов в Российской Федерации: отчет, подготовленный в рамках выполнения государственного задания, утвержденного Исследовательскому центру частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации (номер в ЕГИСУ НИОКТР АААА-А21-121012090142-5).

24. Экспертное заключение Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации от 25.07.2024 № 453-Ц по проектам федеральных законов «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

25. Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 23.12.2021 № 214-2/2021 по проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „О международных компаниях и международных фондах“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: http://priv-law.ru/codification/meetings-of-the-council/?ELEMENT_ID=3145.

Акты высших судебных инстанций Российской Федерации

26. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.02.2014 № 3-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 19 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Фирма Рейтинг».

27. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.05.2010 № 11-П по делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н. И. Гущина.

28. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2004 № 3-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы.

29. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

30. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2022 № 305-ЭС21-14470 (1, 2) по делу № А40-101073/2019.

Нормативные правовые акты зарубежных стран

31. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М.: Инфотропик Медиа, 2012. 592 с.

32. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 715 с.

33. Insolvency UK Act 1986 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/45/section/423>.

34. N.Y. Estates, Powers and Trusts Law, § 10–10.6 // URL: <https://law.justia.com/codes/new-york/2021/ept/article-10/part-10/10-10-6>.

35. Trusts (Amendment) (Jersey) Law 1984 // URL: https://www.jersey-law.je/laws/current/Pages/13.875.aspx#_Toc83280429.

36. Trusts (Amendment) (Jersey) Law 1989 // URL: https://www.jerseylaw.je/laws/current/Pages/13.875.aspx#_Toc83280429.

Монографии, учебники и комментарии законодательства

1. Абрамов В. Ю., Абрамов Ю. В. Корпоративное право: права и обязанности участников хозяйственных обществ: практическое пособие с судебным комментарием. М.: Юстицинформ, 2021. 356 с.

2. Братусь Д. В. Организационные авторские права / под общ. ред. Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2022. 236 с.
3. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. 368 с.
4. Венедиктов А. В. Залог товаров в обороте и переработке в Западной Европе и в СССР // Венедиктов А. В. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. М.: Статут, 2004. Т. 1. 461 с.
5. Вольф В. Ю. Основы учения о товариществах и акционерных обществах. – М.: Изд-во НКФ СССР, 1927. 168 с.
6. Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Т. 1: Часть общая. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. 780 с.
7. Генкин Д. М. Право собственности в СССР. М.: Госюриздат, 1961. 223 с.
8. Гентовт О. И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: моногр. М.: Статут, 2022. 214 с.
9. Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М.: Статут, 2004. 222 с.
10. Основы наследственного права России, Франции, Германии / под общ. ред. Е. Ю. Петрова. М.: Статут, 2015. 271 с.
11. Гражданское право: учеб.: В 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. Т. 2. 508 с.
12. Гражданский процесс: учеб. для студентов высших юридических учебных заведений / отв. ред. В. В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. 702 с.
13. Грибанов В. П. Юридические лица. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 115 с.
14. Грундманн Ш. Траст и Treuhand в конце XX в.: ключевые проблемы и смещение интересов // Частное право и финансовый рынок: сб. ст. / отв. ред. М. Л. Башкатов. М.: Статут, 2011. Вып. 1. 367 с.
15. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: моногр. М.: ИЗиСП; КОНТРАКТ, 2019. 488 с.

16. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М., 1999. 400 с.
17. Дождев Д. В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. М.: Статут, 2021. Т. 1. 466 с.
18. Дождев Д. В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. М.: Статут, 2021. Т. 2. 459 с.
19. Дозорцев В. А. Доверительное управление имуществом (глава 53) // Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая / под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. М.: МЦФЭР, 1996. 704 с.
20. Зайцев О. Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом. М.: Статут, 2007. 512 с.
21. Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица: Очерк истории и теории. М.: Статут, 2003. 318 с.
22. Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. 476 с.
23. Корпоративное право: учеб. / отв. ред. И. С. Шиткина. 2-е изд. М.: КНОРУС, 2015. 1080 с.
24. Корпоративное право: учеб. курс: в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2017. Т. 1. 976 с.
25. Крашенинников П. В. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 302 с.
26. Кузнецов А. А. Реорганизация хозяйственных обществ: гражданско-правовые способы защиты прав и интересов участников и кредиторов. М.: Статут, 2021. 276 с.
27. Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М.: Статут, 2017. 160 с.
28. Курбатов А. Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: моногр. М.: Юстицинформ, 2022. 244 с.
29. Лаптев В. В. Акционерное право. М.: Инфра-М, 1999. 254 с.

30. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. 511 с.
31. Ломакин Д. В. Акционерное правоотношение. М.: Спарк, 1997. 156 с.
32. Марков П. А. Реорганизация коммерческих организаций: проблемы теории и практики: моногр. М.: Норма; Инфра-М, 2012. 320 с.
33. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1 (по испр. и доп. 8-му изд., 1902). М.: Статут, 1997 (сер. Классика российской цивилистики).
34. Михеева Л. Ю. Институт охраны наследства и управления им: пути совершенствования // Актуальные вопросы наследственного права / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2016. 112 с.
35. Михеева Л. Ю. Доверительное управление имуществом. Комментарий законодательства. 2001.
36. Михеева Л. Ю. Отзыв официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук Д. П. Заикина на тему: «Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации». 2021.
37. Могилевский С. Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М.: Статут, 2010. 421 с.
38. Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003. 360 с.
39. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. 656 с.
40. Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление / отв. ред. С. А. Раджабов. Душанбе: Дониш, 1983. 256 с.
41. Папченкова Е. А. Возврат исполненного по расторгнутому нарушенному договору: сравнительный анализ российского и немецкого права. М.: Статут, 2017. 224 с.
42. Перетерский И. С. Сделки, договоры // Научный комментарий к ГК РСФСР. Вып. V / под ред. С. М. Прушицкого, С. И. Раевича. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. 84 с.

43. Петров Е. Ю. Сделки *mortis causa* // Частное право. Преодолевая испытания: к 60-летию Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2016. 256 с.
44. Петти В. Классика экономической мысли: сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 896 с.
45. Покровский И. А. История римского права. СПб.: Летний сад, 1998. 560 с.
46. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. Т. 3. 574 с.
47. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В. Н. Литовкин, Е. А. Суханов, В. В. Чубаров. М.: Статут, 2008. 731 с.
48. Путинцева Е. П. Распоряжения на случай смерти по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия. М.: Статут, 2016. 160 с.
49. Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1. 958 с.
50. Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права: в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут; Одесса: Центр исследования права им. Савиньи, 2012. Т. II. 573 с.
51. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.
52. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву: моногр. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2003. 558 с.
53. Скловский К. И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. М.: Статут, 2004. 368 с.
54. Соколова Н. В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 160 с.

55. Сойфер Т. В. Отзыв официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук Д. П. Заикина на тему: «Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации». 2021.
56. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.
57. Суханов Е. А. Гражданское право как отрасль права // Гражданское право: учеб. / под ред. Е. А. Суханова. М., 2004. Т. 1.
58. Суханов Е. А. Проблемы кодификации корпоративного и вещного права: избранные труды 2013–2017 гг. М.: Статут, 2018. 496 с.
59. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.
60. Суханов Е. А. Очерк сравнительного корпоративного права // Проблемы развития частного права: сб. ст. к юбилею В. С. Ема / отв. ред. Е. А. Суханов, Н. В. Козлова. М.: Статут, 2011. 559 с.
61. Таль Л. С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. М.: Статут, 2006. 539 с. (сер. Классика российской цивилистики).
62. Таль Л. С. Договор доверенности или поручения в проекте Гражданского уложения. СПб., 1911. С. 12–13.
63. Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях. М.: Статут, 2000. 666 с.
64. Тычинская Е. В. Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества / под ред. Л. Ю. Михеевой. М.: Статут, 2012. 175 с.
65. Удинцев В. А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. 360 с.
66. Худяков А. И. Страхование право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 689 с.
67. Худяков А. И. Теория страхования. М.: Статут, 2010. 656 с.
68. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М.: Спарк, 1995. 556 с.

Статьи в периодических и иных изданиях

69. Авилов Г. Е., Суханов Е. А. Юридические лица в современном российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 14–25.

70. Аксенов А. Г. Правовое регулирование международных коммерческих контрактов в условиях экономических санкций // Вестник арбитражной практики. 2020. № 5. С. 86–100.

71. Бевзенко Р. С. Оправданность приоритета, предоставляемого кредитору вещным обеспечением: очерк догмы, теории и политики права // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 10–44.

72. Бевзенко Р. С. Почему учредители некоммерческой организации не несут полной ответственности по ее долгам // URL: http://zakon.ru/Blogs/One/16135?entryName=pochemu_uchrediteli_nekommercheskoj_organizacii_ne_nesut_polnoj_otvetstvennosti_po_eyo_dolgam.

73. Бевзенко Р. С. Торговая регистрация и торговые реестры: история и теория // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 68–91.

74. Белов В. А. Проблемы наследования бизнеса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 7. С. 130–144.

75. Белова М., Макин Р. Двойные (множественные) косвенные иски: сравнительно-правовой обзор и некоторые соображения о перспективах института в российском праве // Журнал Российской школы частного права. 2019. № 2. С. 92–103.

76. Беневоленская З. Э. Определение, классификация видов и квалифицирующие признаки доверительной собственности (траста) по праву Великобритании // Журнал российского права. 2008. № 9. С. 118–126.

77. Бокарева Е. В., Ветрова Е. А., Разумовский С. Л. Формирование целевого капитала некоммерческих организаций // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5(145). С. 187–191.

78. Болотова О. В. Проблемы определения правовой природы термина «актив» // Финансовое право. 2021. № 12.

79. Борисенко А. В. Незванный участник: правовое положение лица, приобретшего долю в уставном капитале ООО при отсутствии необходимого согласия участников общества // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 5. С. 150–167.

80. Будылин С. Л. Макабрический фонд. Реформа наследственного права России и зарубежный опыт // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 6. С. 159–173.

81. Буркова А. Ю. Эскроу-счета: перспективы в российском законодательстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 1. С. 53–56.

82. Быканов Д. Д. Квалификация проникающей ответственности с точки зрения российского права // Закон. 2014. № 8. С. 131–140.

83. Вилкин С. С. О нормативной теории решения органа юридического лица // Вестник гражданского права. 2008. № 2. С. 43–67.

84. Владение риском: назрела ли реформа субсидиарной ответственности // URL: <https://www.forbes.ru/brandvoice/474789-vladenie-riskom-nazrela-li-reforma-subsidiarnoj-otvetstvennosti>.

85. Вяткин В. Да здравствует душеприказчик! // Цивилистика. 2022. № 1. С. 4–19.

86. Габов А. В. Переход прав учредителя автономной некоммерческой организации // Закон. 2021. № 9. С. 131–139.

87. Галкова Е. В. Обеспечительная передача титула по германскому праву // Закон. 2016. № 11. С. 173–186.

88. Гребенкина И. А. Правовой статус личного фонда: обзор ключевых проблем и изменений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 1. С. 92–96.

89. Григорьев В. И. Недобровольные кредиторы: есть ли им место в российских законодательстве и доктрине? // Вестник экономического правосудия РФ. 2022. № 12. С. 162–199.

90. Гутников О. В. Классификация юридических лиц в современном корпоративном праве: организационно-правовые формы и критерии их разграничения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 2. С. 128–163.
91. Гутников О. В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 45–77.
92. Гутников О. В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 51–117.
93. Гутников О. В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 26–39.
94. Демкина А. В. Личные фонды в рамках реформы наследственного права России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 12. С. 63–74.
95. Добровинская А. В. Проблемы гражданско-правовой ответственности социально ориентированных некоммерческих организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 5. С. 53–57.
96. Дозорцев В. А. Имущественная ответственность юридических лиц // Учен. зап. Вsesоюзного научно-исследовательского института советского законодательства. 1973. Вып. 28. С. 118–135.
97. Дозорцев В. А. О предмете советского гражданского права и системе Гражданского кодекса СССР // Сов. государство и право. 1954. № 7. С. 104–108.
98. Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности // Человек и его время: Жизнь и работа Августа Рубанова / сост. и отв. ред. О. А. Хазова. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 251–286.
99. Дорошенко Л. А. Обеспечительная фидуция в ГК Франции // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 2. С. 104–117.
100. Евсеев Е. Ф. Ограничение права на обязательную долю в наследстве: в поисках баланса прав и законных интересов наследников // Закон. 2023. № 2. С. 155–171.

101. Егоров А. В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 51–107.

102. Егоров А. В. Пределы проникновения за корпоративную вуаль в пользу участников многоуровневой корпоративной структуры. Анализ дела «Постригайло v. „Разрез Аршановский“» // Журн. Российской школы частного права. 2019. № 2. С. 104–122.

103. Егоров А. В., Усманова Е. Р. Залог и титульное обеспечение: теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестник гражданского права. 2014. № 4. С. 56–127.

104. Емелькина И. А. Проблемы соотношения вещного права с конструкцией «управление чужим имуществом» // Гражданское право. 2021. № 6. С. 12–17.

105. Ерпылева Н. Ю., Касаткина А. С. Признание наследственных трастов в странах континентальной системы права // Вестн. Пермского ун-та. Юридические науки. 2016. № 3. С. 337–347.

106. Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус дестинаторов частно-полезного фонда // Вестник гражданского права. 2021. № 5. С. 7–85.

107. Заикин Д. П. Общетеоретическая модель правосубъектного фонда в контексте двух дихотомий // Вестник гражданского права. 2020. № 5. С. 7–72.

108. Зикун И. И. О профессиональном стандарте деятельности доверительного управляющего // Закон. 2024. № 2. С. 26–36.

109. Зикун И. И. Генезис категории «фидуциарная собственность» в европейском гражданском праве // Опыты цивилистического исследования: сб. ст. / отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. М.: Статут, 2019. Спец. вып. к юбилею профессора Евгения Алексеевича Суханова. С. 96–133.

110. Зикун И. И. Генезис категории «фидуциарная собственность» в европейском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2018. № 6. С. 192–219.

111. Зимелева М. В. Общая собственность в советском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2009. № 4. С. 194–234.

112. Канашевский В. А. О субсидиарной ответственности бенефициаров офшорных компаний и трастов // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 50–57.

113. Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 37–48.

114. Канашевский В. А. Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты) // Журн. российского права. 2016. № 9. С. 27–38.

115. Кантор Н. Е. Мнимый собственник: вопросы правовой квалификации // Закон. 2024. № 2. С. 37–52.

116. Кафтанников А. А. Правовые проблемы различных вариантов продажи бизнеса субъектами малого и среднего предпринимательства // Юрист. 2011. № 21. С. 19–26.

117. Кириллова Е. А., Масленко Е. Н. Особенности, роль, значение личных фондов в наследственном праве РФ // Наследственное право. 2022. № 3. С. 23–25.

118. Козлова Е. В. Сравнительный анализ оппортунистического поведения в российских и зарубежных корпорациях // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2015. № 8 (363). С. 134–142.

119. Колиева А. Э. Зарубежные модели фидуциарных правоотношений // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. С. 77–86.

120. Корсик К. А. Нотариальная деятельность по сопровождению личных фондов: новеллы законодательства // Нотариальный вестник 2021. № 11. С. 2–4.

121. Красавчиков О. А. Сущность юридического лица // Сов. государство и право. 1976. № 1. С. 47–55.

122. Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Условия функционирования и границы частной автономии // Вестник ВАС РФ. 2013. № 9. С. 4–20.

123. Крашенинников П. В. Наследство до востребования // Российская газета. 2017. URL: <https://rg.ru/2017/07/31/krashennnikov-nasledstvennyj-fond-novyyj-sposob-upravleniia-imushchestvom.html>.

124. Крашенинников П., Михеева Л., Рассказова Н. и др. Наследственный фонд: альтернатива трастам в российском праве? // Закон. 2018. № 9. С. 18–38.

125. Лагодина Е. И. Некоторые проблемные вопросы совершения нотариальных действий с участием граждан, в отношении которых возбуждена процедура банкротства // Нотариальный вестник 2024. № 3. С. 16–25.

126. Лескова Ю. Г., Котов И. В. К вопросу об оптимизации системы источников формирования имущества некоммерческих организаций // Власть закона. 2017. № 2(30). С. 43–52.

127. Ломакин Д. В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9. С. 6–33.

128. Ломакин Д. В. Теория корпоративных правоотношений: от мифа к реальности // Хозяйство и право. 2009. № 7. С. 50–72.

129. Ломакин Д. В. Корпоративные отношения и предмет гражданско-правового регулирования // Законодательство. 2004. № 5. С. 58–64.

130. Любимова М. Н. Некоторые проблемные аспекты выделения обязательной доли и трансграничного наследования недвижимого имущества // Нотариальный вестник 2022. № 11. С. 48–54.

131. Матвеев И. В. Ответственность по договору синдицированного кредита // Банковское право. 2020. № 3. С. 12–20.

132. Мифтахутдинов Р. Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы // Закон. 2018. № 5. С. 187–191.

133. Михеева Л. Ю. Управлять = опекать = заботиться // Закон. 2024. № 2. С. 17–25.

134. Михеева Л. Ю. О социальном государстве, патернализме и слабой стороне гражданского правоотношения // Гражданское право социального государства: сб. ст., посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М.: Статут, 2020. С. 37–51.

135. Монастырский Ю. Э. Просрочка должника в системе гражданско-правового регулирования // Право и экономика. 2022. № 11. С. 5–8.

136. Останина Е. А. Имущественная обособленность физического лица и связанные с ней последствия // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 12. С. 48–74.

137. Останина Е. А. Принцип диспозитивности в наследственном праве: к постановке проблемы // Наследственное право. 2015. № 1. С. 16–20.

138. Папушина Е. И. К вопросу о юридической природе траста в англо-американском праве // Закон. 2018. № 6. С. 150–159.

139. Плеханов В. В. Некоторые вопросы траста в международном частном праве // Рос. ежегодник сравнительного права. 2007. № 1. С. 497–526.

140. Покровский И. А. Проблема расточительства // Сб. ст. по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М.: Статут, 2005. С. 202–213.

141. Примак Т. К. Траст и доверительное управление в континентальном и международном праве: процесс взаимного сближения // Российская юстиция. 2015. № 9. С. 21–23.

142. Рассказова Н. Ю. Личное страхование, наследование и свобода договора // Нотариальный вестник. 2021. № 8. С. 6–20.

143. Рассказова Н. Ю. Мотив введения большинства новелл, касающихся наследственного права, – обеспечить наследование бизнеса // Закон. 2017. № 6. С. 6–12.

144. Рахмилович В. А. О достоинствах и недостатках Гражданского кодекса РФ // Государство и право. 1996. № 4. С. 117–127.

145. Рожкова М. А. Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестник ВАС РФ. 2005. № 9. С. 136–148.

146. Рудик И. Е. Личный фонд как инструмент наследственного планирования // Наследственное право. 2022. № 2. С. 33–36.

147. Рудоквас А. Д. Пункт 4 статьи 209 ГК РФ: будущее одной иллюзии // Вещное право: вчера, сегодня, завтра: сб. ст. к 50-летию А. О. Рыбалова / отв. ред. К. И. Карачкова. М.: Статут, 2023. С. 153–185.

148. Сарбаш С. В. Обеспечительная передача правового титула // Вестник гражданского права. 2008. № 1. С. 7–93.

149. Свириденко О. М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex russica. 2018. № 12. С. 18–24.

150. Семикова Л. Е. Институт substantive consolidation в США как модель материальной консолидации в банкротстве // Вестник гражданского права. 2011. № 1. С. 160–198.

151. Симонова В. Л. Институциональные условия решения квазиагентской проблемы в корпоративной системе // Менеджмент и маркетинг: теория и практика. 2018. С. 292–301.

152. Синицын С. А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 91–131.

153. Сойфер Т. В. Участие некоммерческих организаций в гражданском обороте: проблемы правового обеспечения // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2025. № 1. С. 21–32.

154. Сойфер Т. В. Экономическая деятельность некоммерческих организаций и ее гражданско-правовое обеспечение // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 22–30.

155. Степанов Д. М. Гражданский кодекс и востребованность российского корпоративного права (часть вторая) // Закон. 2025. № 2. С. 120–136.

156. Степанов Д. И. Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9. С. 104–167.

157. Степанов Д. И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 29–83.

158. Степанов Д. И. Свобода договора и корпоративное право // Гражданское право и современность: сб. ст., посвященных памяти М. И.

Брагинского / под ред. В. Н. Литовкина, К. Б. Ярошенко. М.: Статут, 2013. С. 314–398.

159. Степанов Д. И. От субъекта ответственности к природе корпоративных отношений // Вестник ВАС РФ. 2009. № 1. С. 20–75.

160. Степанов Д. И. Аннулирование реорганизации: повод задуматься над концептуальными подходами в области создания юридических лиц // Закон. 2007. № 3. С. 60–69.

161. Степанов Д. И. Еще раз о природе полномочий исполнительного органа и управляющего хозяйственным обществом // Вестник ВАС РФ. 2006. № 8. С. 38–46.

162. Субуханкулова Л. Р. Мировой кризис и конституционное право частной собственности // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2. С. 38–42.

163. Суханов Е. А. О доверительном управлении имуществом как обязательственно-правовом способе осуществления права собственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 11. С. 44–56.

164. Суханов Е. А. О Концепции развития законодательства о юридических лицах // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 5–12.

165. Суханов Е. А. Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве // Проблемы современной цивилистики: сб. памяти профессора С. М. Корнеева. М.: Статут, 2013. С. 103–116.

166. Суханов Е. А. Сравнительное исследование владения и собственности в английском и в германском праве // Вестник гражданского права. 2012. № 6. С. 302–316.

167. Танимов О. В. Развитие юридических фикций в эпоху Нового времени // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 4–18.

168. Тарарышкина И. С. О развитии института обязательной доли в российском праве // Нотариус. 2018. № 8. С. 39–43.

169. Терновая О. А., Костин А. А. Актуальные вопросы получения российскими и иностранными гражданами статуса выгодоприобретателя личного фонда // Нотариальный вестник 2022. № 6. С. 6–18.

170. Тимербулатова Е. Д. Конструкция наследственного фонда в России и Германии // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 7. С. 140–164.

171. Третьяков С. В. Субъективное право как интерес? Трактовка категории субъективного (частного) права в рамках классической теории интереса // Вестник гражданского права. 2020. № 4. С. 5–44.

172. Третьяков С. В. Субъективное право как «последняя абстракция» цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории // Вестник гражданского права. 2020. № 2. С. 18–59.

173. Третьяков С. В. Юридическое господство над объектом как догматическая конструкция континентальной цивилистики // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: сб. ст. к юбилею доктора юридических наук, профессора Евгения Алексеевича Суханова. М.: Статут, 2018. С. 481–509.

174. Туктаров Ю. Е., Семикова Л. Е. Управление риском банкротства в финансовых сделках // Частное право и финансовый рынок: сб. ст. / отв. ред. М. Л. Башкатов. М.: Статут, 2011. Вып. 1. С. 169–217.

175. Устюжанина Е. В., Петров А. Г. Кризис корпоративной формы собственности и особенности его протекания в России // Экономика и математические методы. 2011. Т. 47. № 1. С. 82–92.

176. Фиошин А. В. Оценочные понятия в нормах об обязательной доле в наследстве // Нотариус. 2022. № 1. С. 40–44.

177. Фогель В. А., Шмидт С. Г. Управление способами обеспечения исполнения обязательства в Германии в связи с заключением синдицированного кредитного договора // Закон. 2012. № 2. С. 161–171.

178. Фрик О. В., Бадер И. С. Влияние организационно-правовой формы юридического лица на выбор способа сохранения бизнеса в случае смерти его владельца // Нотариальный вестник 2023. № 1. С. 49–56.

179. Чернухин А. А. Правовая природа договора инвестиционного товарищества (понятие и особенности) // Юрист. 2020. № 11. С. 26–33.

180. Чураков Р. С. Эскроу-счет по российскому праву // Закон. 2007. № 8. С. 27–34.

181. Шайдуллин А. И. Материальная консолидация при банкротстве группы компаний: история развития, аргументы в пользу его использования и первые шаги // Сб. ст. к 20-летию действующего Закона о банкротстве и 30-летию первого современного российского Закона о банкротстве. М., 2023. С. 202–233.

182. Шамраев А. В. Правовое регулирование международных трастов // Закон. 2014. № 12. С. 104–110.

183. Шиткина И. С. Правовое регулирование корпоративных прав и обязанностей // Хозяйство и право. 2011. № 1 (Прил.). С. 3–26.

184. Щенникова Л. В., Мигачева А. Ю. Узурфруктное право: истоки, сравнительно-правовой анализ и перспективы развития в России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 2. С. 321–345.

Диссертации и авторефераты диссертаций

185. Бевзенко Р. С. Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3. / Бевзенко Роман Сергеевич. – М., 2022. 493 с.

186. Горева А. А. Общая цель и внесение вкладов как признаки договора простого товарищества: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. / Горева Анастасия Алексеевна. – М., 2024. 187 с.

187. Егоров А. В. Понятие посредничества в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. / Егоров Андрей Владимирович. – М., 2002. 220 с.

188. Зайцев О. Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. / Зайцев Олег Романович. – М., 2005. 383 с.

189. Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. / Заикин Дмитрий Павлович. – М., 2021. 322 с.

190. Ибрагимов К.Ю. Феномен юридического обособления имущества в частном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. / Ибрагимов Константин Юрьевич. – СПб., 2024. 194 с.

191. Ломакин Д. В. Акционерное правоотношение: понятие, содержание, субъекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. / Ломакин Дмитрий Владимирович. – М., 1996. 246 с.

192. Михеева Л. Ю. Доверительное управление имуществом в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. / Михеева Лидия Юрьевна. – Томск, 1998. 191 с.

193. Степанов П. В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. / Степанов Павел Владимирович. – М., 1999. 190 с.

194. Шлыкова Т. А. Права участников общества с ограниченной ответственностью: юридическая природа, понятие, виды: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. / Шлыкова Татьяна Александровна – М., 2005. 169 с.

195. Шувалов И. И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук: / Шувалов Игорь Иванович – 12.00.03. М., 2022. 401 с.

Литература на иностранных языках

196. Lupoi M. Trusts: a comparative study. Cambridge University Press. 2000. 230 p.

197. Waters D. W. M. The Common Law Trust in the Modern World, 1984. 24 p

198. A Rationale for the Spendthrift Trust // Columbia Law Review. 1964. Vol. 64. № 7. P. 1323–1335.

199. Alchia A., Demsetz H. Production, Information Costs, and Economic Organization // The American Economic Review. 1972. Vol. 62. № 5. P. 777–795.

200. Bebachuk L. A., Fried J. M. The Uneasy Case for the Priority of Secured Claims in Bankruptcy // *Yale Law Journal*. 1996. Vol. 105. P. 857–934.

201. Beijer T. A. Trust Law in the Process of Reunifying East and West Germany // *Utrecht Law Review*. Vol. 14. № 1. URL: <https://www.utrechtlawreview.org/articles/abstract/10.18352/ulr.398>.

202. Bennett M. The Illusory Trust Doctrine: Formal or Substantive? // *Victoria University of Wellington Law Review*. 2020. Vol. 51. № 2. P. 193–230.

203. Blandine M. The Trustee: mainspring, or only a cog, in the French fiducie? // *The Worlds of the Trust*. 2013. Vol. 142. P. 141–166.

204. Court jurisdiction, trading trusts and other issues: review of the law of trusts: fifth issues paper (Law Commission issues paper; 28), chapter 7 // URL: <https://www.lawcom.govt.nz/assets/Publications/IssuesPapers/NZLC-IP28.pdf>.

205. Fama E. Agency Problems and the Theory of the Firm // *The Journal of Political Economy*. 1980. Vol. 88. № 2. P. 288–307.

206. Family Business Succession and Asset Protection // *Lexology*. 2020. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=f562fc03-168b-4b52-a5f8-dfbb17126199>.

207. Feenstra R. The Development of the Concept Foundation in Continental Law // *Acta Juridica*. 1971. № 123.

208. Gardener B. Trusts and attempts to avoid creditors // URL: <https://www.thepfs.org/learning-index/articles/trusts-and-attempts-to-avoid-creditors/50518>.

209. Gelter M., Helleringer G. Fiduciary Principles in European Civil Law Systems. 2018 // URL: https://ecgi.global/sites/default/files/working_papers/documents/finalgelterhelleringer_0.pdf.

210. Grundmann S. Trust and Treuhand at the End of the 20th Century. Key Problems and Shift of Interests // *The American Journal of Comparative Law*. 1999. Vol. 47. № 3. P. 401–428.

211. Hall J. H. The agency problem, agency cost and proposed solutions thereto: A South African perspective // *Meditari Accountancy Research*. 1998. Vol. 6. P. 145–161.

212. Hansmann H., Kraakman R. The Essential Role of Organizational Law // The Yale Law Journal. 2000. Vol. 110. № 3. P. 387–440.

213. Hansmann H., Kraakman R. Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts // Yale Law Journal. 1991. Vol. 100. P. 1879–1934.

214. Hansmann H., Kraakman R., Squire R. Legal entities, asset partitioning, and the evolution of organizations // URL: https://pcg.law.harvard.edu/wp-content/uploads/papers/Hansmann_Paper.pdf.

215. Hansmann H., Squire R. External and Internal Asset Partitioning: Corporations and Their Subsidiaries, // The Oxford Handbook of Corporate Law and Governance. Yale Law & Economics Research, 2016. № 535. URL: <https://ssrn.com/abstract=2733862>.

216. Helmholz R., Zimmermann R. Views of Trust and Treuhand: An Introduction // Comparative Studies in Continental and Anglo-American Legal History. Berlin. Duncker&Humblot. 1998.

217. Hopt K. J. Directors' Duties and Shareholders' Rights in the European Union: Mandatory and/or Default Rules? // Rivista delle Società. 2016. № 61. URL: <https://ssrn.com/abstract=2749237>.

218. Huber Z. E. Trust and «Treuhand» in Swiss Law // The International and Comparative Law Quarterly. 1952. Vol. 1. № 1. P. 64–66.

219. Jensen M. C., Meckling W. H. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. 1976. Vol. 3. № 4. P. 305–360.

220. Lowenhaupt A. C. Dynasty Trusts: Keeping the Family Business In Perpetuity // Campden FB. 2006. URL: <https://www.campdenfb.com/article/dynasty-trusts-keeping-family-business-perpetuity>.

221. Nuryani N., Heng T.T., Julieta N. Capitalization of Operating Lease and Its Impact on Firm's Financial Ratios // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. № 211. P. 268–276.

222. Oshins S. Asset Protection and the Spendthrift Trust // Journal of Retirement Planning. 2002. Vol. 5. № 1. P. 41–48.

223. Puder M. G., Rudokvas A. D. How Trust-Like is Russia's Fiduciary Management? Answers From Louisiana // *Louisiana Law Review*. 2019. Vol. 79. P. 1071–1102.

224. Truman D. How to Protect Your Family Wealth Through the Generations // *Menzies*. 2019. URL: <https://www.menzies.co.uk/protecting-family-wealth-through-the-generations>.

225. Trust law reform // Ministry of Justice. 2020. URL: <https://www.justice.govt.nz/justice-sector-policy/key-initiatives/trust-law-reform/#:~:text=The%20new%20Trusts%20Act%202019,or%20after%2030%20January%202021>.

226. Verstein A. Enterprise Without Entities // *Michigan Law Review*. 2017. Vol. 116. № 2. URL: <http://repository.law.umich.edu/mlr/vol116/iss2/2>.

227. What Do Efficiency Ratios Measure? // *Investopedia*. URL: <https://www.investopedia.com/ask/answers/040715/what-do-efficiency-ratios-measure.asp>.

228. Why a trust works best for family wealth // *Mint*. 2020. URL: <https://www.livemint.com/money/personal-finance/opinion-why-a-trust-works-best-for-family-wealth-11597126369771.html>.

229. Zeng J. S. Entity Shielding and the Rule of «Debt-Follow-Asset» in China: An Empirical Law and Economics Analysis // *The Chinese University of Hong Kong Faculty of Law*. 2020. № 3. URL: <https://ssrn.com/abstract=3559297>.

230. Zimmerman R. The Compulsory Portion in German Law // *Comparative Succession Law*, Vol. III: Mandatory Family Protection / ed. by K. Reid, M. Waal, R. Zimmermann. Oxford University Press, 2020. P. 268–318.